

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

№ 2.

Февраль 1917 года.

СОДЕРЖАНІЕ:

Размышленіе надъ Евангеліемъ. Свѣц. І. Дмитревскаго	165—184
Первый день творенія міра. Попова-Пермокаго	185—212
Къ вопросу о значеніи юродства въ нравственной жизни христіанина. Павла Левитова	213—231
Очеркъ жизни и дѣятельности Макарія, Митрополита Московскаго. Ал. Вертеловскаго	232—249
Взглядъ на прошлое, настоящее и будущее Прикарпатской Руси въ связи съ великой войной. К. Глушневича	250—272
Чего ищутъ въ философіи? С. Глаголева.	273—294
Психическіе факторы и механизмъ вліянія. В. Тихомирова	295—330
Библіографія.	337—340
Опытъ Нравственнаго православнаго Богословія въ апологетическомъ освѣщеніи. (Отдѣльн. приложен.) Проф.-прот. Н. Стеллецкаго	225—256

ХАРЬКОВЪ.

Епархіальная Типографія, Каплуновская улица, д. № 4.

1917.

„ВѢРА и РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ДВУХЪ ЖУРНАЛОВЪ:

1) Журнала богословско-философскаго и 2) Журнала „Пастырь и Паства“.

Сохраняя апологетическое направленіе, первый журналъ попрежнему дастъ статьи научно-церковнаго характера. Съ научно-апологетическою же цѣлю въ этомъ журналѣ будутъ комбинированы изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики и исторіи философіи. Въ журналѣ же „Пастырь и Паства“ войдутъ статьи и замѣтки руководственно-пастырскаго характера.

Журналъ „ВѢра и Разумъ“ будетъ выходить одинъ разъ въ мѣсяцъ а „Пастырь и Паства“—еженедѣльно.

Оба журнала, по возможности не уменьшая количества печатныхъ листовъ, попрежнему дадутъ восемнадцать и болѣе печатныхъ листовъ въ мѣсяцъ, т. е. годовое изданіе ихъ останется прежнее.

Цѣна за годовое изданіе обонхъ журналовъ внутри Россіи 10 р., за границу 12 р. съ пересылкою; отдѣльно же—„ВѢра и Разумъ“ семь рублей въ годъ, а „Пастырь и Паства“— три рубля.

Ризорочка въ уплату не допущается.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ редакціи журнале «ВѢра и Разумъ» при Харьковской духовной семинаріи, въ Харьковскихъ отдѣленіяхъ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи; въ кн. магазинѣ И. Д. Сытина; въ Петроградѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Гостиный дв., № 45. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ известныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ отдѣленіяхъ «Новаго Времени».

Въ редакціи журнала „ВѢра и Разумъ“ можно получать полный комплектъ изданія 1914 г. и 1915 г. за 8 руб., съ перес. За другіе годы экземпляры журнала могутъ быть приобретаемы по особому соглашенію съ Редакціей.

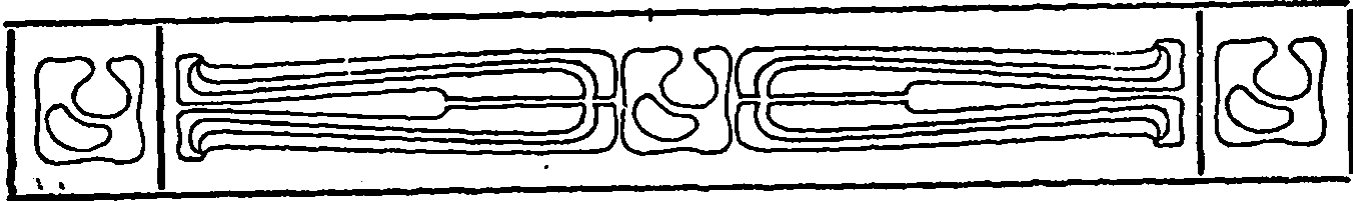
Піста: вооѣчен.

Върою разумъваемъ.

Евр. XI.

Дозволено цензурою. Харьковъ, 20 Февраля 1917 года.

Цензоръ Протоіерей Петръ Томинъ

Размышленіе надъ Евангеліемъ.*)

Глава XXIV. Бесѣда Спасителя о разрушеніи Іерусалима и о послѣднихъ судьбахъ міра.

Господь любилъ бывать въ храмѣ Іерусалимскомъ и очень часто посѣщалъ его. Въ храмѣ Господь какъ-бы соприкасался со всѣмъ народомъ въ самомъ священномъ мѣстѣ его единенія. И здѣсь то нагляднѣе всего обнаружилось то, что большинство на рода въ общемъ оказалось совершенно не готовымъ къ встрѣчѣ Своего Спасителя: представители закона и народа, узнавъ Христа, увидѣли въ Немъ не Спасителя, а опаснаго преступника. Тогда Господь въ грозной обличительной рѣчи торжественно осудилъ книжниковъ и фарисеевъ (гл. 23) и пророчески раскрылъ будущую судьбу преступнаго города и народа, соединивши ее въ одной картинѣ съ судьбою міра.

„Се оставляется вамъ домъ вашъ (храмъ) пустъ“, сказалъ Онъ, т. е. пустымъ будетъ этотъ храмъ, утратитъ свое жизненное значеніе. А когда Апостолы подъ вліяніемъ этой грозной рѣчи обратили вниманіе Господа на богатство, красоту и роскошь зданій храма и города (Іерусалимъ богато украшенъ былъ Иродомъ), то Онъ прямо сказалъ: „истинно говорю вамъ: не останется здѣсь камня на камнѣ: все будетъ разрушено“.

Чувствуя въ этомъ великую тайну, Апостолы Петръ, Іаковъ, Іоаннъ и Андрей (Мр. 13—3) наединѣ, на горѣ Елеонской спрашиваютъ Господа: „когда-же это будетъ и какой признакъ Твоего пришествія и кончины міра?“—Какъ евреи, Апостолы не могли допустить, что міръ можетъ существовать послѣ разрушенія Іерусалима и храма; „слыхали они

*) Продолженіе. См. № 1 журн. „Вѣра и Разумъ“ за 1917 г.

(кота ясно не поняли еще), что Христось хотя и умретъ, но опять оживетъ, значить опять явится міру, посему и совмѣстно спрашиваютъ: скажи,—когда-же будетъ конецъ міра и разрушеніе Іерусалима и когда Ты придешь опять? И Господь отвѣтилъ имъ, отвѣтилъ цѣлой бесѣдой, въ которой изобразилъ картину послѣднихъ дней Іерусалима и міра.

Не представляетъ странности то обстоятельство, что одна картина освѣщаетъ два раздѣленныхъ большимъ пространствомъ времени событія. Какъ картины природы служатъ символами тайнъ Царства Божія, жизни духовной, такъ и параллельныя событія въ жизни народовъ перспективно отражаютъ себя въ разныя времена.

„Берегитесь, началъ Господь свою рѣчь, чтобы кто не прельстилъ *васъ*“.

Это было въ 33 году по Р. Хр., а Іерусалимъ былъ разрушенъ въ 70-мъ году. Значить, многіе изъ Апостоловъ дожили до этого событія: посему—берегитесь, чтобы кто не обманулъ *васъ*. Въ перспективномъ-же смыслѣ подъ словомъ „*васъ*“ разумѣются всѣ послѣдователи Христовы.

„Многіе придутъ подъ именемъ Моимъ и будутъ говорить: я Христось, и многихъ прельстятъ“.

Предъ разрушеніемъ Іерусалима изъ числа такихъ обольстителей, по словамъ еврейскаго историка, современника Христа, Іосифа Флавія, были: Досифей самарянинъ, называвшій себя Христомъ; Симонъ волхвъ, называвшій себя сыномъ Божиимъ; Ѳевда (Дѣян. 5,—36), какой-то египтянинъ, упоминаемый въ другомъ мѣстѣ кн. Дѣяній (21,—38) и др. Въ послѣдующее-же время, до нашихъ дней включительно, лицъ, выдававшихъ себя за Христа, было и есть великое множество. Вспомнимъ, хотя-бы, хлыстовство, въ которомъ лжехристы никогда не переводятся...

Будутъ войны, возстанетъ народъ на народъ, будетъ голодъ, моръ и землетрясенія...

Послѣ всеобщаго мира при Августѣ, когда родился Христось (Царь мира рождается въ періодъ мира!), время до разрушенія Іерусалима было дѣйствительно временемъ частыхъ войнъ и возмущеній, особенно изъ-за императорскаго римскаго престола, которымъ по произволу распоряжались преторіанцы.

„Но это еще не конец“, т. е. не непосредственно за этимъ послѣдуетъ разрушеніе Іерусалима. Передъ „концемъ“ будутъ войны народныя, когда возстанетъ народъ на народъ, царство на царство. Изъ исторіи до разрушенія Іерусалима здѣсь разумѣется возстаніе европейскаго народа противъ римлянъ съ 67 г.

Что-же касается *голода*, то по свидѣтельству историковъ Тацита, Светонія и Евсевія, таковой былъ дѣйствительно тогда въ Іудеѣ. О немъ предсказалъ пророкъ Агавъ (Дѣян. 11,—28). А въ продолженіе царствованія императора Клавдія (41—54 г.) голодъ былъ четыре раза въ Римѣ, Палестинѣ и Греціи.

Объ эпидемическихъ болѣзняхъ вслѣдствіе голода упоминаютъ Флавій и Тацитъ.

Было тогда много и землетрясеній. По свидѣтельству Тацита, одно изъ таковыхъ было въ царствованіе Клавдія, другое въ царствованіе Нерона. Города: Лаодикія, Іераполь и Колоссы были разрушены землетрясеніями. Были землетрясенія также въ Смирнѣ, Милетѣ, Хиосѣ и Самосѣ.

Въ перспективномъ-же смыслѣ всѣ эти признаки повторяются, конечно, множество разъ, какъ показатель накапливающагося зла въ человѣчествѣ, какъ трещины въ приходящемъ къ ветхости зданіи міра. Однимъ изъ этихъ показателей является настоящая великая европейская война.

„По причинѣ умноженія беззаконій тогда во многихъ охладѣетъ любовь“. А разъ охладѣетъ любовь, то, значить, подниметъ голову злоба: вѣрныхъ завѣтамъ Христа будутъ обольщать, ненавидѣть, предавать мученіямъ и убивать. Смиренымъ терпѣніемъ побѣждайте тогда эти бѣдствія, ибо кто не падетъ отъ ихъ напора, тотъ спасется.

Тогда проповѣдано будетъ Евангеліе по всей вселенной.

Всемирной, вселенской считалась тогда Римская имперія; такъ что указанныя слова могутъ говорить и томъ, что ко времени разрушенія Іерусалима о христіанствѣ будутъ знать во всѣхъ частяхъ имперіи, что въ дѣйствительности и было; но въ болѣе точномъ смыслѣ здѣсь идетъ рѣчь о вселенной, какъ о всемъ земномъ шарѣ. Предъ концемъ міра не будетъ народа, который-бы не былъ оглашенъ проповѣдію Евангелія, чтобы никто не имѣлъ оправданія въ

томъ, что онъ не слышалъ благой вѣсти о спасеніи. „И тогда придетъ конецъ“.

Показателемъ этого конца будетъ то, что „на святомъ мѣстѣ (буквально: въ святомъ храмѣ, или шире: святынею, вмѣсто святыни будутъ почитать) будетъ мерзость запустѣнія“, т. е. будетъ опустошеніе, будутъ идолы.

Иосифъ Флавій говоритъ, что когда римляне взяли Иерусалимъ, то внесли своихъ идоловъ въ полуразрушенный храмъ, помѣстили ихъ въ восточныхъ вратахъ и приносили имъ жертвы, а императоръ Титъ внутри храма поставилъ свою статую, которой воздавались божескія почести.

Въ перспективномъ смыслѣ здѣсь идетъ рѣчь о полномъ нравственномъ извращеніи, вслѣдствіе охлажденія любви; о той глубинѣ паденія и мерзости, когда люди за добро станутъ считать зло и вмѣсто Бога истиннаго станутъ поклоняться собственной гордынѣ, силамъ природы, клѣткамъ мозга, капиталу, искусству, мечу, власти, народу, похоти и другимъ кумирамъ „елика на земли низу“.

И тогда будетъ великая скорбь, какой не было отъ начала міра. Тогда бѣгите въ горы и поля, чтобы не погибнуть со всѣми.

Впрочемъ, ради нѣкоторыхъ избранныхъ (благочестивыхъ) сократятся дни тѣхъ бѣдствій. Вспомнимъ, что Господь обѣщалъ Аврааму помиловать преступные города Содомъ, Гоморру и другіе даже изъ *десяти праведниковъ*, если таковые найдутся тамъ!

Тогда вмѣсто правды широко распространится ложь по землѣ. Тогда появятся лжехристы и лжепророки и дадутъ ложныя знаменія и чудеса, чтобы совратить людей на путь погибели. (2 Сол. 2, 9).

Не обманывайтесь-же, говоритъ Господь, вотъ Я напередъ сказалъ вамъ!

Не вѣрьте тѣмъ, которые будутъ говорить вамъ: вотъ здѣсь Христосъ, или тамъ. Пришествіе Сына человеческого будетъ такъ очевидно и для всѣхъ сразу извѣстно, какъ сразу бываетъ видна на западѣ молнія, блеснувшая съ востока.

„Гдѣ будетъ трушъ, тамъ соберутся и орлы“, т. е. какъ къ трупу слетаются орлы, чтобы разстерзать его, такъ

и превратившійся въ трупъ (внутренно умершій, загнившій) міръ привлечетъ орловъ своихъ,—тѣ бѣдствія, которыя погубятъ его.

„И вдругъ (т. е. неожиданно) послѣ скорби дней тѣхъ, солнце померкнетъ, и луна не дастъ свѣта своего, и звѣзды спадутъ съ неба, и силы небесныя поколеблются“. Чтобы понять, о чемъ здѣсь идетъ рѣчь, нужно обратить вниманіе на то, какъ о *томъ-же* говоритъ Евангелистъ Лука: „и будутъ, говоритъ онъ, *знаменія* въ солнцѣ и лунѣ и звѣздахъ... Люди будутъ издыхать (находиться въ смертномъ страхѣ) отъ страха и ожиданія бѣдствій, грядущихъ на вселенную, ибо силы небесныя поколеблются“ (Лук. 21,—25—26).

Итакъ, на небѣ, въ солнцѣ, лунѣ и звѣздахъ будутъ *только знаменія для людей, а не катастрофа среди свѣтилъ*. Что это именно такъ, это видно изъ того, что Господь вообще говоритъ о концѣ міра въ смыслѣ *конца земли* и только съ точки зрѣнія земли; къ тому же если-бы здѣсь была рѣчь о дѣйствительномъ паденіи звѣздъ и катастрофѣ съ солнцемъ и луной, тогда-бы земля и все, что на ней, неизбежно-бы погибло *въ моментъ катастрофы* и не могло бы быть того, о чемъ говорится далѣе: что люди въ смертномъ страхѣ будутъ смотрѣть на эти знаменія (Лук. 21,—26).

Да и Апостолъ говоритъ, что предъ вторымъ пришествіемъ „все не успнемъ“, т. е. не всѣ умремъ (I Кор. XV,—51).

Замѣтимъ, что затменіе солнца бываетъ *только въ новолуніе*, т. е. тогда, когда луна бываетъ темна и „не даетъ свѣта своего“, что-же касается „спаденія звѣздъ“, то это можетъ быть максимумъ того, что теперь извѣстно подъ именемъ „звѣзднаго дождя“, т. е. возможно, что земля попадетъ (отклоненія въ движеніяхъ земли—научный фактъ) въ наиболѣе густую полосу аэролитовъ, что будетъ представляться съ земли въ видѣ буквального паденія, *спаденія* съ неба безчисленнаго количества звѣздъ.

Выраженіе „силы небесныя поколеблются“ указываетъ на большую интенсивность всѣхъ этихъ *безпорядковъ* въ природѣ—знаменій; т. е. всюду будутъ такія катастрофы и знаменія, что поколеблются самые „уставы бытія“ (Гов. 38—33), измѣнятся самыя основы всего существующаго, вслѣдствіе новыхъ комбинацій и соотношеній явленій природы и жизни.

Иосифъ Флавій сообщаетъ, что разрушенію Іерусалима предшествовалъ цѣлый рядъ особыхъ знаменій: надъ Іерусалимомъ цѣлый годъ висѣла комета въ видѣ меча; восточныя ворота храма отворились сами собой; въ облакахъ были видны какъ-бы военныя колесницы и т. п.—Природа отмѣтила послѣдній день Іерусалима; еще болѣе разительнo, по словамъ Господа, она отмѣтитъ послѣдній день міра.

Во время всѣхъ этихъ ужасовъ на небѣ явится „знаменіе Сына Человѣческаго“,—по толкованію св. отцевъ, свѣтоносный образъ креста, а за нимъ въ необычайномъ величіи и славѣ явится Самъ Сынъ Человѣческій, т. е. Самъ Христосъ для суда надъ міромъ.

Тогда плачемъ наполнится вся земля; тогда воскреснутъ всѣ умершіе въ тѣлахъ подобныхъ тѣлу воскресшаго Спасителя, Который по желанію могъ быть видимымъ и невидимымъ, моментально переносился съ мѣста на мѣсто, могъ появляться въ комнатахъ при затворенныхъ дверяхъ, не нуждался во снѣ, въ пищѣ,—словомъ, въ тѣлахъ невѣсомыхъ, непротяженныхъ, нетлѣнныхъ. (Іоан. 5,—29—30; 1 Кор. 15,—52). Живые тогда *измѣнятся* по образу воскресшихъ (1 Сол. 4,—17; Кор. 15,—52). Соотвѣтственно съ этимъ такъ-же радикально (какъ радикально измѣняются предметы въ огнѣ (2 Петр. 3,—7; 10—12) *измѣнится вся земля* и даже *небо* и превратятся въ совершенно непохожія „*новыя*“.

Послѣднее обстоятельство не представляетъ собою ничего страннаго: если измѣнятся люди, то *необходимо* должно измѣниться все, ибо міръ представляется намъ такимъ именно *только потому*, что у насъ *опредѣленные органы воспріятія* его, если-же эти органы сдѣлаются *иными*, то *въ иномъ* видѣ предстанетъ предъ нами и міръ, да и самъ онъ подвергнется поэтому измѣненію.

Тогда Господь пошлетъ Ангеловъ своихъ „съ трубою громогласною“ (образъ взять съ того, какъ іудеи посредствомъ трубъ созывали народъ на собранія—Лев. 25,—9; Нисл. 10,—2; Суд. 3,—27) и они соберутъ всѣхъ отовсюду, праведниковъ для оправданія на судѣ, для вѣчнаго блаженства, а грѣшниковъ для осужденія на вѣчныя мученія. Тогда осуществится то, что сказано въ притчѣ о пшеницѣ и плевелахъ, раскроется въ полной опредѣленности своей

какъ добро, такъ и зло и *получитъ соответственное природы своей*. Добро по природѣ своей есть *жизнь, радость, блаженство*; поэтому *отдѣленное* отъ зла (Господь отдѣлитъ тогда праведниковъ отъ грѣшниковъ, какъ пастухъ отдѣляетъ овецъ отъ козъ), оно получитъ *полноту всего этого*. Зло по природѣ своей есть *отрицаніе жизни, разрушеніе, страданіе*, посему отдѣленное отъ добра, жизни оно принесетъ смерть, мученіе, вслѣдствіе именно *безсиьной злобы* (скрежетъ зубовъ), вслѣдствіе полной невозможности *удовлетворять свою природу*. Пока оно было перемѣшано съ добромъ, оно питалось (хотя съ страданіемъ) униженіемъ добра; когда-же оно будетъ отдѣлено отъ возможности всякаго питанія, оно, очевидно, можетъ только страдать, *мучиться* и именно будетъ *мучиться вѣчно, если не измѣнитъ своей природы*. Измѣнить-же природу, т. е. путемъ свободныхъ усилій измѣнить можно только въ періодъ *формированія* этой природы,—въ періодъ земной жизни и посмертной до страшнаго суда,—когда-же она опредѣлится, *вполнѣ созрѣетъ*, тогда уже мечтать объ ея измѣненіи невозможно.

Самый-же страшный судъ, на которомъ опредѣлится будущее каждаго, не будетъ, конечно, похожъ на суды человѣческіе съ ихъ свидѣтелями, показаніями, вещественными уликами и т. п. Людямъ все это нужно по немощи ихъ, *по невѣдѣнію*, Господь-же вѣдаетъ все. Да и людямъ не будетъ нужды выяснять: кто они и чего достойны; измѣнившаяся ихъ природа сама покажетъ имъ ясно ихъ дѣйствительный образъ. Какъ въ мірѣ матеріальномъ *ничто не исчезаетъ*, ни одинъ атомъ, такъ равно ничто не исчезаетъ изъ пережитаго нами: ни одна мысль, ни одно чувство, ни одно желаніе. Мы все это забываемъ по немощи нашей, но забыть не значитъ утратить совершенно. Все забытое *естъ* у насъ, не пропадаетъ и хранится въ подсознательной глубинѣ души и съ измѣненіемъ физической природы, препятствующей все удерживать въ сознаніи, всплываетъ на поверхности послѣдняго, какъ фотографическій, подлинный нашъ жизненный образъ, и это будетъ судъ. „Придетъ Господь, говоритъ объ этомъ Апостоль, иже во свѣтѣ приведетъ тайная тьмы и объявитъ совѣты сердечныя“ (I Кор. IV,—5).

Заканчивая рѣчь Свою, Господь сказалъ: „отъ смоковницы возьмите подобіе“, т. е. не думайте, что все это произойдетъ случайно, какъ придется и когда придется; нѣтъ, и здѣсь, какъ и всюду, царство разума, т. е. строгая законѣрность, неизмѣнная связь причинъ и слѣдствій, такъ что если вы будете бодрствовать, т. е. если не отдадите себя въ плѣнъ страстямъ, то вы сами поймете, когда приблизится это время, какъ по почкамъ смоковницы вы догадываетесь о приближеніи лѣта.

„Истинно говорю вамъ: не пройдетъ родъ сей, т. е. не умретъ современное поколѣніе (разрушеніе Іерусалима было лѣтъ чрезъ 36 послѣ этого!), какъ все сіе будетъ“.

По отношенію къ второму пришествію подъ „родомъ симъ“ можно разумѣть родъ вѣрующихъ, христіанъ. Тогда мысль такая: какъ-бы ни были ужасны тѣ бѣдствія, но они не погубятъ рода сего, вѣрующихъ въ Меня.

Будетъ-же все то, продолжалъ Христосъ непременно: скорѣе измѣнится небо и земля, чѣмъ что-либо изъ сказаннаго Мною.

„О днѣ-же томъ и часѣ никто не знаетъ, ни Ангелы небесные, а только Отецъ Мой одинъ“.

По указаннымъ признакамъ въ общемъ вы можете заключать о времени приближенія того дня, но самый день тотъ и часъ скрытъ отъ знанія не только челоуѣческаго, но и Ангельскаго. Скрытъ, конечно, потому, что такъ полезно для людей, чтобы находясь подъ постояннымъ страхомъ наступленія этого дня, люди постоянно бодрствовали.

По Ев. Марка Господь сказалъ, что и Онъ Самъ не знаетъ о днѣ и часѣ второго Своего пришествія. (13, 32).

Это говоритъ Златоустъ, Онъ сказалъ по челоуѣческой природѣ „для пользы учениковъ... Какъ единосущный Отцу, Онъ, конечно, знаетъ, но говоритъ это, чтобы возбранить ученикамъ не только знать, но и спрашивать объ этомъ“.

Свою бесѣду о разрушеніи Іерусалима и о концѣ міра Господь закончилъ указаніемъ на то, что люди по своей нравственной распущенности не узнаютъ времени того и будутъ въ массѣ застигнуты врасплохъ; вы-же, сказалъ Онъ, бодрствуйте, будьте вѣрными рабами, постоянно ожидающими пришествія господина своего, а не безпечными, ибо послѣднихъ ожидаетъ тяжелое наказаніе.

Общія свѣдѣнія о Евангеліи отъ Марка.

Писателемъ Евангелія отъ Марка по согласному свидѣтельству древности ¹⁾, былъ Апостоль Маркъ, спутникъ Апостола Петра. Первоначально, онъ былъ спутникомъ и сотрудникомъ Апостоловъ Варнавы и Павла. (Дѣян. 12—25, 13,—5). По происхожденію онъ былъ іудей, изъ Іерусалима, гдѣ его мать, Марія, имѣла собственный домъ. (Дѣян. 12,—12). Онъ былъ изъ числа 70 учениковъ Господа. По свидѣтельству Климента Александрійскаго, Іеронима и Оригена, христіане, жившіе въ Римѣ, просили Марка, какъ спутника Ап. Петра, записать, устную проповѣдь этого Апостола. Онъ исполнилъ ихъ просьбу. Такъ явилось Евангеліе отъ Марка. Ап. Петръ одобрилъ написанное для чтенія въ церквахъ.

Такъ какъ Евангеліе отъ Марка предназначалось для христіанъ изъ язычниковъ, то въ немъ, въ отличіе отъ Евангелія Маттея, опускается все то, что особенно, нужно было христіанамъ изъ іудеевъ. Такъ, въ Евангеліи отъ Марка опускается родословіе Іисуса Христа и обстоятельства Его рожденія; опускаются почти цѣликомъ бесѣды Господа объ отношеніи Его къ ветхому завѣту; описываются болѣе чудеса и факты, причемъ ссылки на ветхій завѣтъ, какъ болѣе убѣдительныя для іудеевъ, чѣмъ для язычниковъ, дѣлаются очень рѣдко.

Евангеліе отъ Марка написано въ Римѣ въ то время, когда Ап. Маркъ былъ тамъ вмѣстѣ съ Ап. Петромъ. Евангеліе написано было на греческомъ языкѣ, общеразпространенномъ съ Римской имперіи.

Ев. отъ Марка короче другихъ Евангелій и по содержанию своему является именно Евангеліемъ для дѣтей; оно повѣствуетъ главнымъ образомъ о чудесахъ Господнихъ и почти совсѣмъ опускаетъ рѣчи и притчи Господа.

Общія свѣдѣнія о Евангеліи отъ Луки.

Евангеліе отъ Луки написано Апостоломъ Лукою, писателемъ книги Дѣяній Св. Ап. (Дѣян. 1,—1 ср. Луки

¹⁾Тѣ-же историки и о.о. церкви, которые свидѣтельствуютъ и о Ев. отъ Маттея,

1,—3). Какъ о своемъ сотрудникѣ и спутникѣ, о немъ не рѣдко упоминаетъ Ап. Павелъ (Кол. 5,—13—14; 2 Тим. 4,—11; Филим. 24 гл.). По происхожденію онъ былъ не іудей, а грекъ родомъ изъ Антиохіи Сирійской. Ап. Павелъ говоритъ, что онъ былъ врачъ (Кол. 4,—14), а по свидѣтельству древнихъ церковныхъ историковъ (Никифоръ Каллистъ, философъ и живописецъ). Онъ былъ изъ числа 70 Апостоловъ, т. е. былъ свидѣтелемъ и очевидцемъ многихъ событій изъ евангельской исторіи.

Поводомъ къ написанію Евангелія послужило желаніе Луки дать твердое основаніе христіанскаго ученія нѣкому „державному Теофилу“ (1,—3—4). По преданію, это былъ землякъ Ап. Луки, благочестиво настроенный знатный гражданинъ Антиохіи Сирійской. Ев. Лука ставитъ себѣ задачей изложить евангельскую исторію „по тщательномъ изслѣдованіи всего сначала и по порядку“ (1,—1—4), дабы устранить путаницу въ этой исторіи, вслѣдствіе появленія многихъ отрывочныхъ и безпорядочныхъ писемъ и записей. Отсюда общій характеръ Евангелія опредѣляется стремленіемъ дать хронологически послѣдовательную и исчерпывающую картину земной жизни Спасителя.

Евангеліе Луки было написано ранѣе книги Дѣяній Св. Ап. (Дѣян. 1,—1), книга же Дѣяній оканчивается извѣстіемъ о двухлѣтнемъ пребываніи Ап. Павла въ Римѣ (28,—30), куда онъ прибылъ вмѣстѣ съ Лукою (28,—16).

Около этого времени, т. е. около 63 или 64 г. по Р. Хр. и была написана книга Дѣяній. Евангеліе же было написано нѣсколько ранѣе этихъ лѣтъ.

По своему содержанію Евангеліе Луки обнаруживаетъ близкое духовное родство его автора съ Ап. Павломъ, спутникомъ котораго былъ Лука. Такъ, на примѣръ, сходство въ повѣствованіи о Тайной вечери (Лук. 22,—19,—20 ср. 1 Кор. 11,—23 и дал. также: Луки 23,—34 и 1 Кор. 15,—5); раскрытіе основной идеи всѣхъ посланій Ап. Павла, что Христосъ—Мессія іудейскій есть вмѣстѣ Мессія и для язычниковъ; ученіе Ап. Павла объ оправданіи человѣка вѣрою, а не дѣлами закона является основною мыслію притчъ, записанныхъ только Лукою (о блудномъ сынѣ, мытарѣ и фарисеѣ и др.)

Мѣстомъ написанія Евангелія, по всей вѣроятности, былъ Римъ, куда Лука прибылъ въ то время вмѣстѣ съ Ап. Павломъ.

Глава IV. ст. 19-30. Проповѣдь Іисуса Христа въ Назаретѣ о Самомъ Себѣ. Ни какой пророкъ не принимается въ своемъ отечествѣ.

Въ синагогахъ еврейскихъ для назиданія народа во время богослужебныхъ собраній бывали чтенія изъ книгъ Моисея или пророческихъ. Послѣ чтенія допускались бѣсѣды по поводу прочитаннаго, при чемъ въ качествѣ оратора имѣлъ право выступать всякій желающій. Іисусъ Христосъ, родившись въ Вифлеемѣ, выросъ въ Назаретѣ. Здѣсь была Его родина, здѣсь всѣ съ дѣтства знали Его, здѣсь Онъ обыкновенно бывалъ и въ синагогѣ. Евангелистъ отмѣчаетъ тотъ случай, когда Господь впервые выступилъ въ назаретской синагогѣ съ проповѣдью.

Господь открылъ книгу пр. Исаи и прочиталъ оттуда то мѣсто (61,—1—2), гдѣ пророкъ отъ лица Мессіи изображаетъ цѣль пришествія Его въ міръ. Народъ съ вниманіемъ слушалъ новаго проповѣдника. Господь-же, къ удивленію слушателей, сказалъ: „нынѣ исполнилось писаніе сіе“ и сталъ толковать слова пророка въ приложеніи къ Себѣ.

Евангелистъ не сообщаетъ самаго толкованія, но на основаніи общихъ данныхъ Евангелія не трудно установить основы его.

На Мнѣ, сказалъ Господь, Духъ Господень и посему Я—помазанникъ Божій, т. е. источникъ силы Божественной.

Помазанниками у евреевъ назывались цари, первосвященники и пророки и самое помазаніе ихъ масломъ на эти служенія рассматривалось, какъ средство, сообщающее имъ особія Божественныя силы.

Христосъ не сказалъ, что Онъ—Богъ, Сынъ Божій, Онъ сказалъ только, что Онъ—помазанникъ Божій, облеченъ силою Божественной; но и это, какъ увидимъ ниже, показалось неудобопріемлемымъ для соотечественниковъ.

Въ чемъ-же проявилось это помазаніе, Господа?

Въ томъ, сказалъ Христосъ, что Я *благовѣствую нищимъ*. Вѣроятно, небогатая публика была въ числѣ слу-

шателей въ синагогѣ, тѣмъ интереснѣе имъ было слышать, что можетъ быть *благая вѣсть даже для низшихъ*. Книжники ихъ презирали, фарисеи чуждались и осуждали; затертые жизнью, они считались отребьемъ міра среди людей. И вотъ Господь говоритъ имъ: радуйтесь! Ваша нищета—лучшая школа для подготовленія къ Царству Небесному; чѣмъ болѣе вы теряете здѣсь, тѣмъ болѣе приобрѣтаете тамъ. Ваша бѣдность открываетъ вамъ путь къ нищетѣ духовной (см. первую зап. блаженства), т. е. къ такому богатству, котораго не стоитъ и весь міръ.

Мое помазаніе въ томъ, что Духъ Господень послалъ Меня исцѣлять сокрушенныхъ сердцемъ... Вы скорбите, у васъ болитъ душа; тоска, болѣзни и бѣдствія гнетутъ ваше сердце? Утѣшьтеесь, взгляните на то-же только съ другой стороны и вы увидите, что отъ этого-то вамъ и нужно радоваться. Какъ огонь очищаетъ всякую нечистоту съ металла, такъ и скорби, бѣдствія очищаютъ душу. Именно черезъ скорби вы просвѣтляетесь, возвышаетесь, поему вы несчастны, какъ говоритъ міръ, а блаженны; радуйтесь и веселитесь, потому, ибо великая награда ожидаетъ васъ на небесахъ!

Вы отъ того унылы, отъ того тяжело вамъ, что вы въ плѣну у страстей своихъ, которыя все извращаютъ, — хорошее выставляютъ плохимъ, а плохое представляютъ хорошимъ; въ плѣну у закона, у вашихъ законниковъ, которые, потерявъ духъ закона, свели его къ буквѣ и положили на васъ иго неудобноносимое; вы плѣнники своихъ привычекъ, предразсудковъ, всего уклада вашей жизни. Оставьте все это! Не бойтесь сбросить оковы, которые висятъ на васъ и вы сами увидите, какъ вамъ будетъ хорошо чувствовать себя свободными. Ваша свобода—въ рукахъ вашихъ, въ вашемъ самоуправленіи и чѣмъ рѣшительнѣе станете вы на этотъ путь, тѣмъ блаженнѣе будете вы.

Вы слѣпы духовно (слѣпымъ прозрѣніе) и только потому не видите того свѣта и радости, которыя окружаютъ васъ отовсюду. Откройте ваши глаза, поймите, что зло есть зло и никогда добромъ быть не можетъ, и ведетъ только къ мученію. Зачѣмъ вы сами мучаете себя (отпустить из-

мученныхъ на свободу“)? Зачѣмъ своими руками строите себѣ темницу? Къ свободѣ вы призываетесь, а не къ рабству, къ свѣту, а не къ тьмѣ; и эту свободу, этотъ свѣтъ, это наступленіе духовнаго юбилейнаго года ¹⁾ („лѣто Господне благопріятно“); года раскрѣпощенія, всепрощенія, братства, и любви возвѣщаю вамъ Я!..

Народъ дивился тому, что онъ слышалъ, но то обстоятельство, что проповѣдникъ былъ, какъ они считали, сынъ всѣмъ имъ извѣстнаго плотника Іосифа, соблазняло его. Они съ дѣтства знали жизнь Іисуса Христа, Онъ выросъ среди нихъ, какъ обыкновенный человѣкъ и вдругъ Онъ называетъ себя помазанникомъ Божиимъ и выступаетъ съ такимъ новымъ ученіемъ?! Правда, говорили, что Онъ творилъ какіе-то чудеса въ Каперноумѣ, но мало-ли чего говорятъ? Ктому-же и Самъ Онъ, повидимому, только говоритъ хорошо, а въ дѣйствительности таковъ-же какъ и всѣ? („врачъ! исцѣли Самъ Себя“).

И не повѣрилъ народъ проповѣди Господа потому, что Господь говорилъ на родинѣ Своей, гдѣ всѣ знали Его, какъ только сына плотника и никакъ не могли допустить, что изъ Назарета можетъ произойти что-либо великое.

Истинно, истинно говорю вамъ, сказалъ тогда Господь, никакой пророкъ не принимается въ отечествѣ своемъ, т. е. съ вами происходитъ то, что всегда было на всемъ протяженіи исторіи: свои всегда гнали пророковъ и убивали ихъ и только въ чужомъ народѣ они имѣли успѣхъ. Поэтому-же, т. е. по невѣрію вашему, вы не видите отъ Меня тѣхъ чудесъ, свидѣтелемъ которыхъ былъ Капернаумъ; ибо чудо есть открытое проявленіе силы Божіей, сила-же Божія проявляется только тамъ, гдѣ есть вѣра, т. е. возможность воспріятія чуда. И въ этомъ вы не одиноки: вспомните Ілію пророка. Много тогда, во время голода, было бѣдныхъ вдовъ во Израилѣ, однако ни къ одной изъ нихъ не былъ посланъ Ілія,—онъ посланъ былъ *въ чужую землю*, къ вдовѣ въ Сарепту Сидонскую. Вспомните Елисея пророка.—Много было прокаженныхъ евреевъ при немъ, однако

¹⁾ Юбилейнымъ годомъ у евреевъ былъ каждый 50-й годъ, когда всѣмъ объявлялась свобода, отпускались рабы и плѣнные, прощались долги, когда какъ-бы прекращалось право собственности и вся земля предоставлялась для общаго пользованія.

чуда исцѣленія удостоился только *иноплеменникъ* Ниманъ Сиріянинъ.

Услышавши это, народъ пришелъ въ ярость и не только отвергъ Источникъ благодати, но и хотѣлъ даже убить Господа. Однако не приспѣло еще время смерти Его и Онъ чудесно уклонился отъ грозившей Ему опасности..

Давно прошло то время, но исторія эта осталась вѣчной на всѣ времена.—Развращенные страстями и пороками, сбитые съ пути всевозможными книжниками и фари́сеями, люди плохо вѣрятъ тому, что Господь близъ нихъ, что Онъ свой для нихъ и около нихъ. Они привыкли видѣть Его только на почтительномъ разстояніи, только въ отдаленныхъ и величественныхъ явленіяхъ природы и жизни и если Онъ благоволитъ имъ явиться, такъ сказать, въ будничной, ежедневной обстановкѣ, они не узнаютъ Его, отрицаются отъ Него; они называютъ это случаемъ, совпадениемъ и чѣмъ угодно въ этомъ родѣ, но никакъ не милостію Господа. И отвергнутый Господь оставляетъ ихъ, а они, несчастные, кричатъ о чудѣ, требуютъ чуда, какъ будто можетъ быть чудо для ослѣпшихъ духовно!..

Притчи Спасителя.

Глава VII ст. 36—50: притча о займодавецѣ и двухъ должникахъ.

Основная мысль притчи: любовь покрываетъ все и очищаетъ отъ всякой скверны. Фарисеи судили о чловѣкѣ по внѣшнимъ дѣламъ его и по поведенію и думали, что Богъ и пророки Его должны чуждаться грѣшныхъ. Господь же говоритъ, что дѣло не въ внѣшнихъ дѣлахъ хотя-бы и многочисленныхъ, а въ настроеніи, въ сохраненіи въ себѣ огня любви, который уничтожаетъ всякіе грѣхи и дѣлаетъ чловѣка чистымъ предъ Богомъ.

Глава X ст. 25—38; притча о милосердомъ Самарянинѣ.

Основная мысль притчи.—Сожалѣніе къ несчастному—вотъ показатель здоровья души; ибо кто имѣетъ сожалѣніе къ другому, тотъ тѣмъ свидѣтельствуетъ, что онъ до нѣкоторой степени *живетъ съ другимъ одною жизнью* и чувствуетъ его страданія, какъ свои. Кто имѣетъ это, для того

ясенъ вопросъ: кто его ближній, ибо жалостливость не различаетъ людей по рангамъ, не знаетъ даже раздѣленія на враговъ и друзей; кто-же не имѣетъ этого чувства, тотъ не можетъ замѣнить его ничѣмъ, никакимъ внѣшнимъ званіемъ, никакимъ положеніемъ.

Глава XII ст. 13—22: притча о неразумномъ богачѣ.

Не прилѣпляй своего сердца къ благамъ міра, ибо жизнь человѣка не зависитъ отъ обилія его имѣнія.—Такова основная идея притчи. Пользуйся благами, которыя посылаетъ тебѣ Богъ, но не полагай въ нихъ сокровища своего; пользуйся, какъ средствомъ для духовнаго обогащенія, а не какъ цѣлю жизни, ибо со смертію все оставитъ человѣка и въ чемъ онъ, бѣдный, положитъ тогда опору свою, если опорой этою были для него только земныя сокровища?!...

Глава XIII ст. 1—10: притча о неплодной смоковницѣ.

Идея притчи.—Здѣсь изображено наступавшее отверженіе народа іудейскаго, какъ и въ притчѣ о злыхъ виноградаряхъ. Садовникъ упросилъ хозяина потерпѣть неплодную смоковницу еще 4-й годъ и обѣщалъ ее унавозить; если же эта послѣдняя попытка оплодотворить ее не удастся, то пусть хозяинъ ее срубитъ. Безплодіе смоковницы—невѣріе и незаконная жизнь іудеевъ, садовникъ—Христосъ и Его ученіе и дѣла; безплодіе іудейства, отвергшаго Его проповѣдь было окончательной причиной отверженія Богомъ избраннаго народа. Если-же ничто не помогаетъ, Онъ тогда отвращаетъ лице Свое отъ такого народа, какъ заживо погибшаго, богоотверженнаго: повелѣваетъ срубить смоковницу. Однако и въ этомъ случаѣ, по благодати Божіей, отверженіе никогда не бываетъ окончательнымъ: отъ срубленной смоковницы бываютъ побѣги и въ нихъ она можетъ исправиться, сдѣлаться плодоносною!... Такъ Ап. Павелъ предсказалъ обращеніе іудеевъ въ послѣднія времена міра. (Рим. 11, 23—32).

Глава XIV ст. 7—25: притча о званыхъ на вечерю.

Кто возвышаетъ себя въ чемъ-бы то ни-было, тотъ будетъ униженъ, смиренный-же возвысится. (Обѣдъ у началь-

ника фарисейскаго)—ст. 7—11. Будь безкорыстенъ, не ищи своего ни въ чемъ и за это ты получишь награду на небесахъ. (Наставленіе о томъ, кого нужно звать на обѣдъ), ст. 12—15.

Притча—ст. 16—25. Историческій смыслъ притчи тотъ, что Богъ отвергъ Свой призванный, богоизбранный народъ, когда онъ самъ недостойною жизнію расторгъ завѣтъ свой съ Богомъ; общая-же идея притчи такова: Господь по любви къ людямъ основалъ Церковь Свою—этотъ большой ужинъ—на землѣ, чтобы питать въ ней всѣхъ для Царства Небеснаго, и зоветъ въ нее проповѣдію христіанства. Но это призваніе обязываетъ: кто призванъ быть членомъ Церкви, тотъ долженъ оставить свою привязанность къ міру, иначе Господь отвергнетъ его и призоветъ на его мѣсто другихъ, хотя-бы они по внѣшнему своему виду и положенію и мало походили на участниковъ въ трапезѣ Господней. И Богъ зреть на душу, а не на внѣшнее положеніе и принимаетъ въ Свое общеніе только тѣхъ, которые сами самоотверженно стремятся къ Нему!

Глава XV ст. 11—32: притча о блудномъ сынѣ.

Притча о блудномъ сынѣ есть благовѣстіе къ несчастнымъ, падшимъ, погрязшимъ въ тинѣ грѣха и порока. Ихъ строго судилъ законъ Моисея и еще строже жестокіе въ своихъ сердцахъ законники и книжники: они возбраняли даже входить съ такими явными грѣшниками въ какое-бы то ни было жизненное общеніе. Но „другъ мытарей и грѣшниковъ“, Господь болѣе всего старался согрѣть любовью этихъ несчастныхъ, дабы они не впали въ отчаяніе и не погибли-бы для вѣчности. Не нуждаются здоровые во врачѣ, говорилъ Онъ, а болящіе. Эту мысль Онъ поясняетъ и въ данной притчѣ. Онъ выставляетъ сына павшаго до послѣдней степени: онъ своеволенъ—не захотѣлъ жить вмѣстѣ съ отцемъ; онъ промоталъ свою часть имѣнія; онъ жилъ распутно; онъ дошелъ до крайней степени нищеты и, какъ-бы, смѣшался съ свиньями, которыхъ онъ пасъ,—какого онъ заслуживаетъ снисхожденія? И однако, говоритъ Господь, Отецъ небесный готовъ не только простить его, но и возвеличить; чѣмъ болѣе онъ жалокъ, тѣмъ болѣе Богъ жалѣ-

еть его, лишь-бы только онъ самъ не забылъ обратиться къ Богу съ смиреннымъ раскаяніемъ въ своемъ недостойствѣ,

Но блудный сынъ въ самой нищетѣ своей получаетъ своего учителя; онъ палъ, но онъ съ паденіемъ и все потерялъ. Ему нечего возвращать другимъ, ибо у него нѣтъ ничего,—отъ него требуется, поэтому, только глубокое раскаяніе въ паденіи и добровольный отказъ отъ прежней жизни съ рѣшимостію стать на новый путь. Но какъ быть тѣмъ людямъ, которые въ своемъ паденіи не только не растратили то, что имѣли, но и обогатились неправедно? Какъ быть тѣмъ мытарямъ и подобнымъ имъ которые самою своею службою (сборъ податей) толкались на нечестность (взятки, утайки правительственныхъ суммъ и т. п.) и теперь стояли предъ Господомъ, слушая слово Его?

Въ отвѣтъ на это Господь предложилъ притчу о невѣрномъ управителѣ. Глава XVI ст. 1—13.

Фарисейскій судъ такимъ лицамъ былъ извѣстенъ: имя мытаря сдѣлалось синонимомъ величайшаго грѣшника, который терялъ всякую надежду на помилованіе. Но судъ Господа оказался инымъ.

У одного богатаго человѣка, сказалъ Господь, оказался нечестнымъ управляющій его имѣніемъ. Хозяинъ сказалъ, что онъ его уволить отъ должности. Что-же мнѣ дѣлать?—Задумался тогда управляющій. Заниматься черной работой я не привыкъ, просить милостыню стыдно,—какъ-же и чѣмъ-же мнѣ жить, когда меня уволить?

И рѣшилъ сдѣлать слѣдующее: пока, говорить, я на мѣстѣ, воспользуюсь имѣніемъ хозяина такъ, что-бы чрезъ него мнѣ пріобрѣсть друзей на будущее время.

Онъ призываетъ должниковъ хозяина и каждому сокращаетъ его долгъ. Облагодѣтельствоваанные должники, конечно, съ того времени стали друзьями этого благотворителя на чужой счетъ.

Достойно замѣчанія, что управитель не прощаетъ каждому должнику *всего долга*, а только часть, т. е. онъ не грабитель, готовый совсѣмъ разорить хозяина, онъ ищетъ только выхода изъ создавшагося положенія и дѣлаетъ такъ, чтобы и себѣ было хорошо и хозяину не очень плохо.

Когда узналъ хозяинъ, онъ похвалилъ его за то, что онъ проявилъ такую *догадливость*, изворотливость. „Ибо сыны вѣка сего, добавляетъ Господь, догадливѣе сыновъ свѣта въ своемъ родѣ“; т. е. люди міра, рабы страстей практичнѣе, мудрѣе въ нѣкоторомъ отношеніи (въ родѣ своемъ) людей благочестивыхъ; именно въ томъ отношеніи, что прилагаютъ всѣ старанія, изоощряются до виртуозности, чтобы достигнуть своего; люди-же добродѣтельные обычно бываютъ болѣе пассивными въ достиженіи своихъ цѣлей.

„И я говорю вамъ, даетъ наставленіе Господь, приобрятайте себѣ друзей богатствомъ неправеднымъ“...

Подъ неправедными, или чужими богатствами Господь разумѣетъ не краденое богатство въ отличіе отъ честно нажитаго, а вещественное богатство въ отличіе отъ истиннаго, духовнаго. (Ср. 1 Тим. 6, 17). Поступокъ нечестный управителя не одобряется въ притчѣ; похвала господина была ироническая и указываетъ на то, что мы не должны жалѣть богатства, ибо оно не наше, а Божіе, вѣренное намъ не надолго: зачѣмъ его жалѣть? не гораздо ли расчетливѣе будетъ раздать его тѣмъ, которые могутъ быть намъ полезны въ день расчета души нашей и съ Богомъ, которые будутъ за насъ молиться, когда мы умремъ, т. е. обнищаемъ. Не смущайтесь тѣмъ, что это будетъ малая добродѣтель съ вашей стороны,—съ малаго начинается все великое, ибо если окажетесь небрежными въ маломъ, какъ вы достигнете великаго? Если будете злоупотреблять богатствомъ истиннымъ (земнымъ, измѣнчивымъ), то кто довѣритъ вамъ истинное, благодатное, духовное, вѣчное?

Искать-же того и другого вмѣстѣ, прилѣпить свое сердце къ Богу и міру невозможно: идти впередъ можетъ только тотъ, кто выбралъ одинъ путь и только съ того времени, какъ выбралъ; ибо до этого онъ будетъ стоять въ раздумьи, такъ и въ духовной жизни.

Глава XVI, ст. 19—31. Притча о богатомъ и Лазарѣ.

Идея притчи въ томъ, что наслажденія въ здѣшней жизни, радости плоти притупляютъ духовнаго человека, дѣлаютъ человека безпечнымъ въ отношеніи къ вѣчному и безсердечнымъ, жестокимъ въ отношеніи къ другимъ людямъ.

Отъ этого „получившій доброе въ этой жизни“ готовить себѣ страданія въ будущей; а страдающій здѣсь, т. е. не питающій страстіей своихъ, подготавливаетъ себя къ блаженству тамъ.

Глава XVIII ст. 1—15. Притча о судѣ неправедномъ и о мытарѣ и фарисеѣ.

Обѣ притчи говорятъ о молитвѣ. Первая говоритъ о томъ, что молитва должна быть настойчива и неотступна, т. е. должна быть отъ всей души, отъ всего сердца, отъ всей мысли; молитва должна быть воплемъ души, *потребностью* человѣка, а не внѣшнимъ только правиломъ жизни. Ибо если настойчивость достигаетъ своей цѣли даже тамъ, гдѣ человѣку непріятно слушать просителя, то тѣмъ болѣе „Богъ защититъ избранныхъ Своихъ, вопіющихъ къ Нему день и ночь, хотя и медлитъ защититъ ихъ“. Богъ хочетъ, чтобы мы любили Его. Кого мы любимъ, о томъ постоянно думаемъ, съ тѣмъ готовы быть въ постоянномъ общеніи. Вотъ почему Онъ хочетъ, чтобы мы молились Ему день и ночь. И медлитъ Онъ исполнить нашу добрую просьбу лишь для того, чтобы смирить насъ и пріучить къ терпѣнію. Притча о мытарѣ и фарисеѣ говоритъ о внутренней природѣ молитвы. Если молитва есть выраженіе любви, то она естественно можетъ быть исполнена только духа смиренія, самоуничиженія, сознанія собственнаго недостойнства; и таковою она, говоритъ Господь, должна быть. Тамъ-же, гдѣ въ молитвѣ проявляется гордость, самохвальство, тамъ она недостойна. Бога и не оправдываетъ человѣка, хотя-бы *по виду* онъ имѣлъ и не мало добрыхъ дѣлъ (пощусь два раза въ недѣлю, даю десятину).

Глава XIX ст. 12—27. Притча о царѣ и рабахъ его.

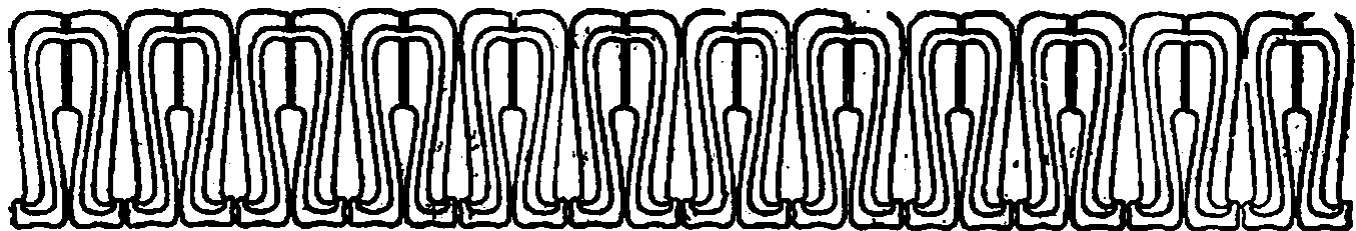
По основной мысли этой притчѣ подобна притча о талантахъ (Мѡ. 25,—14—28). Поводомъ къ притчѣ послужило настроеніе Апостоловъ и слушателей: „Христосъ былъ близъ Иерусалима, и они думали, что скоро должно открыться Царствіе Божіе“, которое понимали въ смыслѣ земного владычества.

Господь говорить о царствѣ, въ третьемъ лицѣ говорить и о томъ, что *Онъ* дѣйствительно будетъ царемъ, несмотря на тѣхъ, которые не хотятъ этого, но Его подданными будутъ не сыны Авраама по плоти, т. е. евреи, а безотносительно къ происхожденію, всѣ тѣ, которые разовьютъ въ себѣ заложеныя въ нихъ сѣмена Царства Божія (мины—таланты). Всѣ-же остальные будутъ извергнуты изъ Его царства и жестоко наказаны. Такимъ образомъ, притча призываетъ всѣхъ къ самодѣятельности, къ совершенствованію въ дѣлѣ возможно полнаго раскрытія данныхъ Богомъ силъ и способностей, при постоянномъ памятованіи о Богѣ и о томъ, что Онъ въ свое время потребуетъ отчетъ у всякаго,—на страшномъ судѣ Своемъ.

Свящ. Г. Дмитревскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Первый день творенія міра*)

Историко-апологическій очеркъ.

V.

Начало философской мысли относятъ къ шестому вѣку до Рож. Хр. Колыбелью философіи была Малая Азія, Іоническіе острова и Фракія. Отцами философіи справедливо считаются греки, одинъ изъ культурнѣйшихъ и образованнѣйшихъ народовъ древняго міра. Правда, и другіе народы, напр. египтяне, славились своей мудростью, но ихъ міросозерцаніе, подавляемое массою мифическихъ сказаній о богахъ, не могло дать начала развитію свободной философіи. Не было для этого достаточной энергии, смѣлости и инициативы. Но, какъ говоритъ одинъ западный ученый „самостоятельное мышленіе индивидуумовъ, опираясь на творчество религиозной фантазіи; перешло отъ вопросовъ практической жизни къ познанію природы и почерпнуло въ немъ ту свободу отъ внѣшнихъ цѣлей, и ту концентрацію знанія въ самомъ себѣ, которая составляетъ сущность науки“.

(В. Виндельбандъ. Пер. П. Рудина. Петрогр. 1898 г. ст. 22).

И вотъ вслѣдствіе того, что первые мыслители обратили вниманіе на природу, этотъ періодъ называется космологическимъ, обнимающій время приблизительно съ 600 по 450 год. до Р. Хр. Затѣмъ слѣдуетъ періодъ антропологическій (450—400 г.), потому что мыслители этого времени занялись человѣкомъ и, наконецъ, развитіе греческой философіи заканчивается блестящимъ „систематическимъ“ періодомъ (400—322), имѣвшимъ такихъ свѣтилъ древней науки, какими являются Платонъ и Аристотель, сочиненія которыхъ не потеряли своего значенія и въ наше время. Первые философы Thalész, Анаксименъ и Анаксимандръ естественно обратили свое вниманіе на природу (космос) и

*) См. № 1 журналъ „Вѣра Разумъ“ за 1917 г.

поставили себѣ вопросы: изъ чего устроенъ міръ? что является общей основой міра? Они оставили въ сторонѣ религиозную точку зрѣнія и попробовали рѣшить вопросъ безъ участія божества, только основываясь на доводахъ разума и наблюденіяхъ. Θαλεις утверждалъ, что основа всего существующаго есть вода, на которой плаваетъ земля и что изъ воды произошли всѣ предметы міра. Анаксимандръ считалъ, что вода понятіе очень матеріальное и что основаніемъ всего существующаго должно быть нѣчто другое. Онъ думалъ также, что изъ одного какого нибудь вещества не могутъ происходить иныя вещи. А потому основой всего существующаго онъ считалъ вѣчную неисчерпаемую, неразрушимую матерію, το ἀπειρον. Но третій милетскій философъ Анаксименъ не удовлетворился признаніемъ за сущность міра такой неопредѣленной матеріи. Онъ желалъ вывести міръ изъ болѣе реальнаго начала, чѣмъ ἀπειρον Анаксимандра и менѣе грубаго, чѣмъ вода Θαλеса. И вотъ онъ училъ, что основой всему является вѣчно движущійся воздухъ, который имѣетъ свойство безконечности. Всѣ вещи произошли путемъ сгущенія, или разрѣженія воздуха. Путемъ сгущенія воздуха произошла и земля, которую Анаксименъ представлялъ въ формѣ диска. Воздухъ, по ученію этого философа, есть первый двигатель и начало движенія.

Вотъ въ какихъ сужденіяхъ о началѣ міра выразилась первая философская мысль, первый философскій лепетъ. Что представляетъ ихъ философія? Отвѣтить на этотъ вопросъ трудно, въ виду того, что до насъ дошли лишь отрывки изъ ихъ сочиненій, да и то не изъ первыхъ рукъ. Но несомнѣнно одно: ихъ философія имѣетъ всѣ свойства матеріалистическаго міровоззрѣнія. О Богѣ живомъ у нихъ нѣтъ разговора. По ихъ понятіямъ сама міровая матерія представляется жизненнымъ началомъ, обладаетъ творческой силой. Такое ученіе носить теперь названіе гилозоизма (γῆ — земля и ζῆν — жизнь, т. е. буквально значить жизнь изъ земли).

Очень любопытныя свѣдѣнія о мірѣ находимъ мы у Пифагорейцевъ. Основателемъ этой школы былъ Пифагоръ (582—507 л.), родившійся, какъ полагаютъ, на островѣ Самосѣ. Окончательно же развилъ и изложилъ ученіе Пифагорейцевъ Филолай, современникъ Сократа. По ученію

Пифагорейцевъ, міръ есть гармонія чиселъ. Вся суть вещей выражается въ числахъ и первоначало міра есть единица. Все разнообразіе міра есть повтореніе единицъ. Изучая музыку, они нашли, что гармонія тоновъ выражается извѣстнымъ соотношеніемъ чиселъ (терція, октава); изучая астрономію, они убѣдились, что звѣзды и планеты также двигаются на извѣстныхъ разстояніяхъ отъ общаго центра. Подобныя наблюденія привели ихъ къ мысли, что вообще все бытіе міра, все имманентное существованіе можетъ быть выражено числами, потому что математическія понятія вѣчны, неразрушимы, неизмѣнны. Міросозерцаніе пифагорейцевъ, поэтому, чисто математическое, абстрактное. Но конечно, принимая за основу міра гармонію чиселъ, пифагорейцы не считали ихъ такимъ элементомъ, какъ матерія. Они учили, что всѣ вещи произошли, сообразуясь съ числами, что вещи суть отраженіе чиселъ. Ихъ космологія кратко можетъ быть выражена такъ. Міръ есть сочетаніе безпредѣльнаго и величинъ. Это первоначальное единое, распространяясь и разъединяясь, образуетъ промежутки и движеніе. Такимъ образомъ возникаетъ пространство, міровыя тѣла и время. Въ срединѣ этого Космоса находится центральный огонь, называемый иначе очагомъ вселенной, домомъ Зевса. Воікругъ этого огня и вращаются десять божественныхъ тѣлъ: неподвижныя звѣзды, пять планетъ, солнце, луна, земля и такъ называемое „противоземліе“, особая планета, при помощи которой объясняли затменія. При вращеніи и планеты и земля всегда обращены къ центральному огню одной своей стороною. Солнце и луна представлялись стекловиднымъ шаромъ, который отражалъ свѣтъ и теплоту отъ центрального огня. (Кн. С. Н. Трубецкой. Истор. древ. философіи. ч. пер. Мос. 1912 г. ст. 98). Космологическія данныя пифагорейцевъ были въ нѣкоторыхъ случаяхъ не далеки отъ истины и если бы только они на мѣсто центрального огня помѣстили солнце, то картина солнечной системы была бы правильная. Однимъ изъ замѣчательныхъ философовъ этой эпохи былъ несомнѣнно Гераклитъ. Родился онъ въ Ефесѣ приблизительно около 540 г. Основой всего существующаго онъ считалъ огонь, который находится въ вѣчномъ движеніи. Слѣдуетъ оговориться, что подъ огнемъ Гераклитъ подразумѣвалъ не грубое пламя, а

свѣтъ, тепло. Изъ огня, вслѣдствіе сгущенія, образуется вода и земля, а затѣмъ процессъ идетъ обратно: изъ воды и земли происходитъ огонь. Первый процессъ называется нисходящимъ, второй поступательнымъ. Вездѣ во всемъ круговоротѣ нѣтъ ничего постояннаго и неизмѣннаго, все охвачено вѣчнымъ теченіемъ. *Panta rei* — все течетъ, вотъ основная формула Гераклита, которой выражается вся сущность его философіи. Въ міровомъ процессѣ видна цѣлесообразность, гармонія. И вотъ чтобы объяснить ее, Гераклитъ говорилъ, что само это первоначало, огонь, есть разумная сущность (Ремке, I. Очеркъ ист. филос. Петр. 1898 г. ст. 9). Указаніе на разумъ, конечно, очень важно, но понимать это нужно пантеистически, потому что на этомъ разумѣ онъ основывалъ не только цѣлесообразность, но и необходимость мірового процесса.

Представитель элеатской школы философъ Ксенофанъ (род. около 570 г.) высказывалъ пантеистическія мысли, когда утверждалъ, что міръ есть ничто иное какъ Богъ. Но въ то время, когда милетцы это жизненное начало представляли надѣленнымъ творческой силой, Ксенофанъ считалъ его неподвижнымъ, ограниченнымъ, погруженнымъ въ самого себя. Преемникъ Ксенофана Парменидъ (род. въ 515 г.) также училъ, что есть одно вѣчное, однородное, не возникающее, не преходящее, неизмѣнное бытіе и въ этомъ единомъ тонетъ все разнообразіе явленій. Міръ, поэтому, есть иллюзія, обманъ чувствъ. Приблизительно такія же мысли, съ нѣкоторыми дополненіями и измѣненіями высказывали и другіе философы элеатской школы: Зенонъ и Мелиссъ. Словомъ, и здѣсь мы имѣемъ дѣло съ пантеистическимъ образомъ мысли. Чѣмъ же объяснить то явленіе, что начало философской мысли клонится къ пантеизму? Намъ кажется, что на этотъ вопросъ можно отвѣтить такъ. Умъ древнихъ мудрецовъ не могъ возвыситься до идеи личнаго, живого, Всесовершеннаго Бога: это дано только въ Божественномъ откровеніи. Но съ другой стороны, эти мудрецы не были настолько наивны, чтобы признать міръ, съ его порядкомъ и гармоніей, дѣломъ слѣплого случая. И вотъ они приходили къ мысли, что самый міръ и есть божество, что благодаря этому въ самой матеріи и заключается жизненная сила. Мудрецы эти, конечно, были далеки отъ той

мысли, чтобы матерія, будучи безжизненной, инертной, сама бы произвела жизнь. Они разрѣшали эту трудную проблему тѣмъ, что надѣляли эту матерію божественными свойствами (То θεῶν Анаксимандра). Эмпедокль (490—430 г.) внесъ новую, существенную черту въ міропониманіе, отличающую его отъ милетцевъ и элейцевъ. Онъ училъ, что міръ состоитъ изъ четырехъ элементовъ: воды, воздуха, огня и земли. Эти элементы онъ называлъ корнями всѣхъ вещей. Эти элементы вѣчны, однородны, неизмѣнны, но дѣлимы и подвижны. Всѣ предметы міра происходятъ отъ смѣшенія этихъ элементовъ, разрушеніе же предмета есть лишь разложеніе его на эти элементы. Величайшій скачекъ впередъ по сравненію со своими современниками сдѣлалъ Анаксагоръ изъ Клазоменъ (500—430 г.). Онъ жилъ въ Афинахъ и былъ друженъ съ Перикломъ, извѣстнымъ государственнымъ дѣятелемъ. Анаксагоръ признавалъ міръ происшедшимъ изъ сочетанія безчисленнаго количества элементовъ, которые онъ называлъ „сѣменами міра“, или „Оміомеріями“. Эти элементы существуютъ разныхъ цвѣтовъ, видовъ, даже вкусовъ. Какъ самый міръ, такъ и предметы состоятъ изъ комбинаціи этихъ оміомерій. Распаденіе этихъ частицъ вѣдетъ за собой разрушеніе предмета, наоборотъ: соединеніе—возникновеніе предмета. Оміомеріи, по мнѣнію Анаксагора, вѣчны, неизмѣнны. Но и онъ, подобно Гераклиту, видѣлъ въ мірѣ полную цѣлесообразность. Чудныя картины природы и вообще вся природа съ ея мудрыми законами заставили вдумчиваго философа искать причину этой цѣлесообразности не въ мертвыхъ элементахъ, а въ чемъ-то другомъ, что двигаетъ міромъ. Этотъ двигатель Анаксагоръ называлъ „Умомъ“, воѣ, показывая этимъ, что этотъ двигатель есть начало, совершенно нематеріальное, не похожее на міръ чувственный. Это указаніе на мировой умъ очень замѣчательно и ярко выдѣляетъ Анаксагора отъ прочихъ философовъ—гиллозоистовъ, которые самой матеріи приписывали творческую силу. Между ними и Анаксагоромъ лежитъ цѣлая пропасть. Объ этомъ умѣ Анаксагоръ говоритъ такъ. „Умъ безпредѣленъ, самовластенъ и не смѣшанъ ни съ какою вещью, но пребываетъ одинъ, самъ по себѣ... Ибо онъ есть легчайшее изъ всѣхъ вещей и чистѣйшее и обладаетъ всяческимъ вѣдѣніемъ обо всемъ и величайшею

мощью. И все, что только имѣеть душу, большое и малое, всѣмъ этимъ владычествуетъ Умъ. И все, что только будетъ и что было прежде, тогда какъ теперь его нѣтъ, и все что ни есть,—все устроилъ Умъ, точно также, какъ онъ устроилъ и самое круговращеніе, которое совершаютъ нынѣ звѣзды, солнце, луна и выдѣляющіяся массы воздуха и эфира“. Повидимому изъ этого опредѣленія Ума можно было бы допустить, что Анаксагоръ признаетъ его существомъ личнымъ и живымъ, но оказывается, что подъ умомъ нужно скорѣе признать подвижной, легчайшій элементъ способный къ самостоятельному, цѣлесообразному движенію (Виндельб. 37). Происхожденіе міра Анаксагоръ рисуетъ такъ. Сначала всѣ элементы находились въ одной общей смѣси, но умъ далъ ей толчекъ, произвелъ круговоротъ. Отъ этого движенія вышло то, что тонкія частицы соединились и образовали эфиръ, а болѣе плотныя собрались къ центру, образовали сначала воздухъ, изъ воздуха произошла вода, изъ воды земля, а изъ послѣдней камни. Вслѣдствіе вращения, отъ земли отдѣлились нѣкоторые камни, унеслись въ пространство, сами пришли въ движеніе и засвѣтили на небѣ. Такъ образовались звѣзды и солнце, которое Анаксагоръ считалъ во много разъ больше Пелопоннеса. Замѣчательно, что вмѣстѣ со своимъ ученіемъ объ міровомъ разумѣ, Анаксагоръ и въ человѣкѣ признаетъ, кромѣ тѣлеснаго начала, еще и духовное, разумное, составленное не изъ первоначальныхъ, матеріальныхъ „оміомерій“.

Огромный шагъ назадъ сдѣлалъ Демокритъ, жившій приблизительно между 460—360 г. Этого философа справедливо считаютъ отцомъ матеріализма. Демокритъ положилъ начало атомистической теоріи. Всѣ предметы міра состоятъ, по этому ученію, изъ недѣлимыхъ матеріальныхъ частицъ, атомовъ, раздѣленныхъ между собой пространствомъ. Демокритъ такъ представлялъ себѣ начало міра. Атомы, надѣленные извѣстной долей тяжести, движутся отъ вѣка. Вслѣдствіе ихъ движенія, сталкиванія другъ съ другомъ, образовались вихревыя обращенія. Эти вихри все болѣе и болѣе уплотнялись и въ концѣ концовъ образовалась земля. Все сводится къ механическимъ толчкамъ и движеніямъ. Разумной причины нѣтъ, а тѣмъ болѣе не можетъ быть никакого разговора при такомъ объясненіи міра о Творцѣ. Мы мину-

емъ другихъ философовъ, мало значущихъ и перейдемъ къ величайшимъ умамъ древности: Сократу, Платону и Аристотелю.

VI.

По интересующему насъ вопросу у Сократа (род. въ 469 г.) мы не находимъ болѣе или менѣе подробныхъ разясненій. Онъ не интересовался космологическими проблемами, заявивъ, что не дѣло ума человѣческаго пытаться разяснить „дѣла божественныя“. Вслѣдствіе такой точки зрѣнія Сократъ занялся этическими вопросами. Его интересовали вопросы не о началѣ міра, а о томъ, что такое добро и какъ долженъ человѣкъ проводить добродѣтельную жизнь. Сократъ былъ глубокой мыслитель, потому онъ не могъ допустить, что міръ, есть дѣло простого случая. Изъ факта цѣлесообразности міра Сократъ училъ, что есть Высшій Разумъ, который произвелъ этотъ дивно устроенный міръ съ его вѣнцомъ творенія—человѣкомъ. И мы видимъ, что Сократъ вѣрилъ во всевѣдущаго и всеблагаго Бога, Который „устраиваетъ и объединяетъ въ стройномъ порядкѣ вселенную, въ которой заключены всѣ блага и всякая красота. Премудрый Деміургъ зиждитель міра, Онъ есть Богъ благій, жизнелюбецъ и человѣколюбецъ; ибо онъ Онъ все создалъ къ благу, къ той всеобщей цѣли, которую Онъ имѣетъ въ себѣ“ (С. Н. Трубецкой. Курсъ исторіи др. фил. Москва, 1912 г. ст. 230).

Сократъ, не смотря на всю свою геніальность, признавалъ Бога не Творцомъ, но лишь Деміургомъ міра, т. е. Образователемъ. И его глубочайшій умъ не могъ дойти до идеи чистаго творенія.

Однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ философовъ древняго міра справедливо считается Платонъ (428—347 г.) Его философія носитъ въ себѣ много оригинальныхъ чертъ. Для того, чтобы болѣе ясно отвѣтить на вопросъ: какъ понималъ начало міра Платонъ, необходимо коснуться его ученія объ идеяхъ. Еще прежде философы учили, что истинное познание не заключается въ одномъ лишь воспріятіи міра чувственнаго, потому что чувства наши обманчивы, а предметы міра видимаго такъ непостоянны, неустойчивы. Отсюда дѣлали выводъ, что истинное есть то, что находится за предѣлами непосредственнаго воспріятія. Это истинное неизмѣнное, по Платону, и есть идеи, какъ бы общія понятія предметовъ. Эти идеи

обладаютъ вѣчною реальностью и не подлежатъ никакому измѣненію. Онѣ составляютъ самую сущность предмета, являются первообразомъ множества однородныхъ предметовъ въ мірѣ внѣшнемъ. Эти идеи внѣ пространства и времени. Ихъ созерцаютъ лишь блаженные духи. Имъ принадлежитъ полное бытіе. Но идеи эти проявляются во внѣшнемъ мірѣ черезъ матерію. Теперь является важный вопросъ: какимъ же путемъ идеи воплощаются въ формы? Здѣсь Платонъ училъ, что посредницей между міромъ идеи и матеріей является міровая душа. Доказывается это фактомъ цѣлесообразности міра, стройнымъ, гармоническимъ движеніемъ свѣтилъ небесныхъ и разумностью въ созданіи міра, а такъ какъ совершенство и разумность немислимы безъ души, то, по Платону, выходитъ, что и міръ имѣетъ свою душу. Она одушевляетъ міръ, является причиною движенія, посредницей между идеей и матеріей, она источникъ познанія. И вотъ на основаніи ученія о міровой душѣ, идеяхъ и невещественной матеріи начало міра, по Платону, рисуется такимъ образомъ. Создатель міра—вѣчный, благой Богъ. Этотъ Богъ, или Деміургъ, изъ готоваго матеріала, т. е. изъ идей, вѣчно существующихъ, и матеріи, создалъ міровую душу. Эту смѣсь Деміургъ распространилъ въ разныя стороны, пользуясь геометрическими законами. Такимъ образомъ явились двѣ области: одна—сфера неподвижныхъ звѣздъ, а другая—планеты. И та, и другая двигаются міровой душой, совершая свои стройныя, гармоническія теченія. Есть одна, крайне интересная, черта въ космологіи Платона. Онъ часто указываетъ на благость Бога и говоритъ, что Богъ создалъ міръ по своему образу. Мысль для древнихъ вѣковъ очень знаменательная. Но и Платону, гению древняго міра, не суждено было дойти до мысли о безусловно всесовершенномъ Богѣ, творящемъ міръ изъ ничего, одной только своей волей. Платонъ—сторонникъ дуализма. Онъ на ряду съ Богомъ ставитъ міръ вѣчныхъ идей и матерію. Ясно, что Богъ ограничивается этими идеями и является не Творцомъ, а лишь создателемъ міра.

И послѣдній великій философъ древности Аристотель (род. въ 384 г.) не только не возвышается надъ Платономъ въ разрѣшеніи нашего вопроса, но стоитъ даже значительно ниже. Онъ также признаетъ основными два начала: матерію и форму, въ которую воплощается матерія. Матерія неопредѣлен-

на, неизмѣнна. Только черезъ форму матерія дѣлается явной, опредѣленной и дѣйствительной. Но какъ же Аристотель говоритъ о первомъ двигателѣ, первой причинѣ бытія? Къ сожалѣнію, здѣсь философъ разсуждаетъ очень поверхностно: Личнаго Бога у него нѣтъ. Богъ Аристотеля это чисто философская отвлеченность, гипотеза, безъ которой трудно было бы объяснить первую причину міра. Для Аристотеля было ясно, что цѣпь причинъ и слѣдствій не можетъ продолжаться въ безконечность, что есть какая то перво-причина всего, начало всякаго бытія и движенія. И эта перво-причина, по Аристотелю, неизмѣнна, вѣчна, не матеріальна; она двигаетъ міромъ: не внѣшнимъ путемъ, а составляетъ внутреннюю цѣль. Это божество Аристотеля помѣщается гдѣ то въ надзвѣздныхъ краяхъ и приводитъ въ движеніе сферу неподвижныхъ звѣздъ. Но „Богъ Аристотеля не есть личный Богъ,—говоритъ нашъ философъ; это лишь конечное условіе мірового движенія, мірового процесса, а слѣдовательно, и мірового бытія въ его цѣломъ, первая причина вселенной“. (Трубец. *ibid.* часть II, ст. 92). Краткій очеркъ возрѣнія философскихъ ученій о началѣ міра мы кончимъ стойками. Намъ, конечно, нѣтъ надобности подробно излагать ученіе этой извѣстной философской школы: мы коснемся только ихъ космологическихъ понятій. Вселенная, по ихъ ученію, есть существо одушевленное, душа котораго Богъ, а тѣло матерія, при чемъ рѣзкаго разграниченія между ними нѣтъ. Міры возникли черезъ сгущеніе эфира. Это сгущеніе сначала произвело воздухъ, а потомъ воду. Легкія части снова улетучивались въ воздухъ и огонь, а болѣе твердыя, путемъ осажденія, образовали землю. Затѣмъ наступаетъ пора воспламененія стихій и вещество міра распространяется во всѣ стороны. Проходитъ извѣстный періодъ и снова начинается сгущеніе. Такимъ образомъ все происходитъ какъ бы механически. Ясно, что при такомъ міросозерцаніи нѣтъ мѣста личному Богу, Который у стойковъ и исключается.

Другой философской школы древности—эпикурейской мы совсѣмъ касаться не будемъ. Эта школа, проповѣдуя удовольствія, какъ цѣль жизни, разумѣется далека была отъ того, чтобы утруждать себя такими отвлеченными вопросами, какъ о началѣ міра и первыхъ причинахъ бытія. Этими краткими данными и заключимъ мнѣнія древнихъ философовъ о

началѣ міра, чтобы перейти къ среднимъ и новымъ вѣкамъ.

VII.

Ученіе о мірозданіи въ началѣ нашей эры ничѣмъ не отличалось отъ воззрѣній древнихъ вѣковъ. Почти пятнадцать вѣковъ, вплоть до Коперника, царила Птолемея система міра. Изложена она въ книгѣ Птолемея подъ названіемъ „Megale Sintaxis“ (великое построение), испорченное потомъ въ „Амальгестъ“. Земля, по этому міровоззрѣнію, неподвижна и составляетъ центръ вселенной. Вокругъ нея движутся солнце, луна, планеты и всѣ звѣзды. Настоящій переворотъ въ ученіи о мірозданіи сдѣлалъ знаменитый Коперникъ. Это былъ человѣкъ большого ума и онъ первый разрушилъ ложный взглядъ на вселенную и освѣтилъ лучемъ истиннаго знанія царившую до тѣхъ поръ тьму. Но только подъ конецъ своей жизни онъ выпустилъ трудъ подъ названіемъ „шесть книгъ о круговыхъ движеніяхъ небесныхъ тѣлъ Николая Коперника изъ Торна“. Эта новая система міра сводилась къ слѣдующимъ выводамъ. Центръ занимаетъ не земля, но солнце, вокругъ котораго вращаются всѣ планеты, въ томъ числѣ слѣдовательно и земля; поэтому движеніе солнца по небу есть лишь кажущееся, а не истинное. Мы видимъ, что солнце идетъ по небу, но это обманъ: на самомъ дѣлѣ лишь земля наша вращается вокругъ своей оси въ теченіи сутокъ, т. е. 24 часа. Эти выводы Коперника были поистиннѣ ошеломляющи для его современниковъ. Мы со школьной скамьи привыкли вѣрить, что земля вращается вокругъ своей оси и въ теченіе года успѣваетъ сдѣлать кругъ по своей орбитѣ около солнца. Но представимъ себѣ людей, которые цѣлыя тысячелѣтія вѣрили въ обратное; что центръ мірозданія занимаетъ земля, что все вращается около нея. Какъ же они могли отнестись къ этому поразительному открытію? Увы, здѣсь повторилась обычная исторія. Гений выше толпы и толпа его не въ состояніи понять. Только кружокъ друзей оцѣнилъ Коперника, а большинству его открытіе казалось прямо таки нелепостью, противорѣчившей даже св. Писанію.

Еще болѣе печальная судьба постигла другого ученаго Галилея. Онъ явился горячимъ сторонникомъ Коперника и выпустилъ свое сочиненіе: „разговоры о двухъ великихъ

міровыхъ системахъ, Птолемеевой и Коперниковой“. Это вызвало цѣлую бурю въ невѣжественныхъ людяхъ. Семидесятилѣтняго старца инквизиція привлекла къ суду. Результатъ его всѣмъ извѣстенъ. Галилея принудили дать торжественное, клятвенное отреченіе отъ ученія о движеніи земли. И вотъ 22 іюня 1633 года въ церкви св. Маріи, въ присутствіи кардиналовъ и епископовъ, Галилей отрекся отъ законовъ, данныхъ Богомъ при твореніи вселенной.

Коперникъ и Галилей заложили, такъ сказать, фундаментъ истиннаго знанія о мірозданіи, окончаніе же этой постройки принадлежитъ величайшимъ умамъ своего, да пожалуй, и нашего времени: Кеплеру и Ньютону. Кеплера справедливо называютъ законодателемъ неба, потому что ему первому удалось открыть законы, которыми управляются движенія планетъ вокругъ солнца. Мы не будемъ подробно говорить, какъ онъ открылъ эти законы и не будемъ долго останавливаться на нихъ, это не входитъ въ рамки настоящаго труда, а скажемъ кратко. Первый законъ гласитъ такъ: „орбита каждой планеты есть эллипсисъ, въ одномъ изъ фокусовъ котораго помѣщается солнце“. Проще это можно сказать такъ. Орбита планеты есть нѣсколько удлиненный кругъ, который называется эллипсисомъ, при чемъ солнце находится не въ центрѣ, а нѣсколько вправо или влѣво отъ него. Чтобы найти этотъ законъ, Кеплеру пришлось употребить цѣлыхъ восемь лѣтъ на вычисленія и наблюденія. Второй законъ формулируется въ такой фразѣ: при движеніи вокругъ солнца радіусъ-векторъ планеты въ равные промежутки времени описываетъ площади одинаковой величины. Слѣдуетъ пояснить здѣсь, что называется радіусомъ-векторомъ. Начертите эллипсисъ, который будетъ представлять изъ себя орбиту планеты, проведите наибольшую ось и намѣтьте точку, только не въ центрѣ. Эта точка пусть будетъ солнце. Тогда проведите отъ этой точки въ разныя стороны линій на примѣръ шесть, чтобы образовали три треугольника. Для большей ясности заштрихуйте эти треугольники. Каждая линія треугольника и будетъ радіусъ-векторъ. По закону Кеплера выходитъ, что если планета описываетъ у этихъ треугольниковъ дугу въ одинаковое время, напр., въ мѣсяцъ, то и площади ихъ будутъ одинаковой величины. При взглядѣ на чертежъ видно сразу, что

чѣмъ планета далѣе отъ солнца, тѣмъ она медленнѣе идетъ, чѣмъ ближе къ солнцу тѣмъ ходъ ея быстрѣе, потому что въ послѣднемъ случаѣ ей приходится въ одно и то же время пройти большую дугу, чѣмъ въ первомъ. Послѣдній законъ Кеплера: „квадраты временъ обращенія планетъ относятся, какъ кубы ихъ среднихъ разстояній отъ солнца“ также не составляетъ особеннаго труда для его пониманія. Квадратъ—это число, помноженное на такое же число. Квадратъ пяти будетъ 25, а кубъ—это, число умноженное на себя два раза. Кубъ пяти будетъ слѣдовательно 125. По этому закону Кеплера нѣтъ надобности вычислять отдѣльно разстояніе какой-либо планеты отъ солнца: достаточно лишь знать время ея обращенія по своей орбитѣ. Это время, возведенное въ квадратъ, какъ разъ будетъ соответствовать кубу разстоянія отъ солнца. Значеніе этихъ законовъ огромно. Люди ясно увидали, что вся наша солнечная система управляется удивительными, цѣлесообразными законами, о которыхъ раньше передовые умы и помыслить не могли. Всѣ планеты стройно, гармонически кружатся около солнца, повинуюсь Высшему Разуму, давшему при мірозданіи величественные законы. Хотя заслуги Коперника и Кеплера и велики, но еще оставалось разрѣшить нѣкоторые вопросы. Почему планеты несутся по эллипсамъ? Чѣмъ объяснить это стройное движеніе? Чему приписать таинственное отношеніе квадратовъ обращенія и кубовъ разстоянія? Всѣ эти вопросы разрѣшилъ величайшій математикъ англичанинъ Исаакъ Ньютонъ, родившійся въ 1642 г. Его многіе годы занималъ вопросъ: что это за сила, которая заставляетъ луну кружиться около земли, а землю и планеты около солнца? Результатомъ этихъ размышленій было открытіе знаменитаго закона всемірнаго тяготѣнія. Ньютонъ его выразилъ такъ: „каждая частица матеріи во вселенной притягиваетъ каждую другую съ силою, пропорціональною маесамъ частицъ и обратно пропорціональною квадрату ихъ разстоянія“. Послѣднее выраженіе нужно понимать такъ, что чѣмъ дальше одно тѣло отъ другого, тѣмъ меньше обнаруживается законъ тяготѣнія. Открытіе Ньютона имѣетъ огромное значеніе. Кеплеръ лишь открылъ законы неба, Ньютонъ далъ имъ правильное, блестящее объясненіе. На основаніи закона всемірнаго тяготѣнія яви-

ласть возможность опредѣлить тяжесть земли, луны, солнца и планетъ, опредѣлить ихъ плотность. Свои изслѣдованія Ньютонъ обнародовалъ въ 1686 г. Книга носила названіе: „Математическія начала естественной философіи“. Этими четырьмя учеными и закончимъ настоящую главу. Эти имена основаніе дальнѣйшаго ученія о мірозданіи. Правда, много люди узнали съ тѣхъ поръ новаго. Телескопъ и спектроскопъ произвели величайшій переворотъ. Наука съ каждымъ днемъ идетъ все впередъ и впередъ, но законы, открытые Коперникомъ, Кеплеромъ и Ньютономъ, остаются въ полной силѣ. Совершенно напрасно люди того времени думали, что эти открытія будто бы умаляютъ величіе Божіе. Напротивъ: современное знаніе о вселенной наглядно и краснорѣчиво говоритъ о величіи Творца, о Его Всемогуществѣ и безпредѣльномъ умѣ. Древній философъ представлялъ себѣ небо хрустальной сферой, къ которой были прикрѣплены звѣзды. И что сказалъ бы теперь такой философъ, если бы ему сообщили, что каждая звѣзда есть солнце и и многія въ сотни, въ тысячи разъ превосходятъ наше, хотя и послѣднее почти въ полтора милліона болѣе нашей земли? Какой необыкновенный ужасъ почувствовалъ бы онъ, когда ему разъяснили бы, что если летѣть къ ближайшей отъ земли звѣздѣ Альфѣ въ созвѣздіи центавра со скоростью свѣта, дѣлающаго въ секунду 288,000 верстъ, то только черезъ 3¹/₂ года можно было бы достигнуть этой звѣзды? И это еще ближайшая звѣзда! А есть звѣзды, свѣтъ отъ которыхъ долетаетъ до насъ въ десятки, сотни, даже тысячи лѣтъ! Какія огромнѣйшія, не поддающіяся человѣческому уму, разстоянія! И неужели эти знанія умаляютъ нашу вѣру въ величіе Творца? Нѣтъ, не умаляютъ, а увеличиваютъ, наполняютъ нашу душу благоговѣніемъ передъ тѣмъ, кто изъ небытія въ бытіе вызвалъ всю эту вселенную съ милліонами міровъ. И начало *этой* вѣры положили несомнѣнно люди, которые разбили наивныя, древнія понятія о мірозданіи и открыли истинные законы неба. Таковы Коперникъ, Кеплеръ и Ньютонъ. Это были люди глубоко вѣрующіе. Они, зная, что такое вселенная, и не могли быть атеистами. О Ньютонѣ, напр., рассказываютъ, что когда въ его присутствіи произносилось имя Бога, онъ снималъ шляпу. Вообще нужно сказать, что почти всѣ астрономы

люди вѣрующіе. Наблюдая и изучая вселенную, они наглядно видятъ и убѣждаются, что она не можетъ быть дѣломъ слѣпого случая.

Итакъ, для разумной вѣры во Всемогущаго Бога астрономія является не тормазомъ, а надежнымъ, вѣрнымъ средствомъ.

VIII.

Человѣческая мысль пошла далѣе по пути изслѣдованій и открытій. Упомянутые выше ученые, открывъ поразительные законы мірозданія, благоговѣнно склонили передъ ними свои головы и не пытались даже разрѣшить вопросъ: откуда же и какъ появились эти міры? Какъ люди вѣрующіе, они признавали Творцомъ вселенной Бога. Но другіе мыслители, пользуясь опытомъ предыдущихъ вѣковъ, прямо поставили вопросъ, какъ говорятъ, ребромъ: какъ произошли міры съ научной точки зрѣнія? Этотъ вопросъ, казавшійся для прежнихъ людей чудовищно смѣлымъ, теперь началъ открыто обсуждаться; явились попытки проникнуть въ тайны мірозданія, захотѣлось снять таинственный покровъ отдаленнаго прошлаго. Захотѣлось мыслящимъ умамъ побывать, если можно такъ выразиться, при самомъ твореніи міра. Теорій мірозданія предложено нѣсколько десятковъ, но разумѣется мы не будемъ останавливаться на всѣхъ. Это утомительно и длинно. Мы укажемъ только выдающіяся. Къ числу таковыхъ принадлежатъ теоріи Канта, Лапласа и Фая, при чемъ первыя двѣ сливаются въ одну Канта-Лапласовскую по причинѣ нѣкоторыхъ сходныхъ положеній. Вопросъ о мірозданіи пробовали разрѣшать и до Канта. Однимъ изъ первыхъ ученыхъ, пытавшимся отвѣтить на животрепещущій и важный вопросъ о твореніи міра, былъ философъ Рене Декартъ (1596—1650 г.). Онъ училъ, что матерію и движеніе сотворилъ Богъ. Поэтому Декартъ примыкаетъ къ христіанскимъ мыслителямъ, что не слѣдуетъ упускать изъ вида. Но хотя онъ и вѣрилъ въ Творца вселенной, однако ему хотѣлось бы установить ходъ естественнаго развитія міра и міровой жизни. Говоря современнымъ научнымъ языкомъ, Декартъ пробуетъ примкнуть къ христіанско-эволюціонному образу мыслей, т. е. намѣренъ смотрѣть на вселенную не какъ явившуюся *мгновенно*, но развившуюся.

постепенно, на основаніи законовъ, данныхъ Богомъ. Какіе же принципы Декарта? Вотъ его міровоззрѣніе. Вся вселенная сотворена изъ мельчайшихъ элементовъ, находящихся въ вихреобразномъ движеніи. Эти элементы трехъ видовъ: свѣтлые, прозрачные и темные. Изъ первыхъ сотворены звѣзды и солнце, изъ вторыхъ небо, а изъ третьихъ планеты, а въ томъ числѣ и земля. Благодаря вихревымъ движеніямъ свѣтлыхъ частицъ образовались центры, изъ которыхъ потомъ произошли звѣзды и солнце. Прозрачные и темные элементы начали въ свою очередь вращаться около свѣтлыхъ центровъ и дали начало планетамъ. Нѣкоторыя темныя тѣла, въ силу своего сильнаго движенія, далеко отошли отъ главнаго центра и образовали изъ себя кометы. Земля сначала была то-же солнце, окруженное вихремъ. Но съ теченіемъ времени поверхность ея покрылась сначала пятнами, а потомъ и корой. Средина осталась по прежнему огненной. Вокругъ этой средины находится плотная металлическая оболочка, затѣмъ слѣдуетъ воздушная и водяная, а далѣе уже кора земная, состоящая изъ глины, песку и камней. Кора во многихъ мѣстахъ лопается, отчего наружу выходитъ вода. Такъ произошли океаны и моря. Тамъ, гдѣ случились разрывы коры образовались горы. Земля и планеты движутся вокругъ солнца въ вихрѣ эфира, подобно тому какъ, напр., засохшія листья, подхваченные вихремъ воздуха, могутъ описать правильный кругъ.

Другой знаменитый философъ Лейбницъ (1646—1716) высказалъ почти тѣ же мысли, что и Декартъ. Онъ говорилъ, что земля была сначала раскаленной, а потомъ начала покрываться корой. Вода находилась въ газообразномъ состояніи, и лишь впоследствии охладилась и образовала моря. Благодаря охлажденію, произошли пустоты, вслѣдствіе которыхъ явились провалы земной коры, давшіе мѣсто горамъ. Сначала вода покрывала всю землю, почему и находятъ вездѣ раковины. Другіе ученые этого времени говорили, что внутренность земли наполнена густымъ кипяткомъ. Былъ и такой естествоиспытатель, который вопросъ о происхожденіи земли и планетъ рѣшалъ очень наивно. Мы имѣемъ въ виду Бюффона (1707—1788 г.). Онъ полагалъ, что нѣкогда комета огромныхъ размѣровъ налетѣла на солнце, оторвала отъ него куски; эти куски начали описывать около солнца свои

орбиты и изъ нихъ образовались планеты со своими спутниками. Эта гипотеза если и говоритъ о происхожденіи планетъ путемъ удара кометы о солнце, то не говоритъ: откуда же явилось солнце и звѣзды. Да и много есть въ ней противорѣчій и ошибокъ при свѣтѣ новѣйшаго знанія о небѣ.

Теперь мы перейдемъ къ знаменитымъ гипотезамъ объ образованіи земли. Начнемъ съ Канта. Знаменитый германскій философъ Иммануиль Кантъ (1724—1804 г.) былъ еще молодымъ человѣкомъ 31 года, когда выпустилъ въ свѣтъ свою книгу: „естественная исторія неба“, въ которой проводитъ свой взглядъ на происхожденіе вселенной, а въ частности солнца съ его планетной системой. Въ своемъ предисловіи онъ говоритъ: „разъ только существуетъ матерія, одаренная неотъемлемой силой тяготѣнія, не трудно опредѣлить причины, которыя могли способствовать установленію существующаго міропорядка въ основныхъ его чертахъ..... Вотъ почему я увѣренъ, что физическая часть міровѣдѣнія достигнетъ въ будущемъ того же совершенства, той же законченности, какую далъ Ньютонъ половинѣ математической. Законы, которыми держится современный міропорядокъ, уже выяснены; послѣ нихъ на всемъ просторѣ естествознанія я не знаю другихъ, которые такъ легко поддавались бы математическому изслѣдованію, какъ законы, по которымъ этотъ міропорядокъ образовался“ (Клейнъ. Аст. веч. ст. 190—2). По мнѣнію Канта, легче и съ большимъ правомъ можно сказать: „дайте мнѣ матерію и я построю изъ нея міръ“, чѣмъ „дайте мнѣ матерію и я покажу вамъ, какъ произошла гусеница“, потому что мы не знаемъ законовъ строенія гусеницы, какъ существа живого. Какъ же представлялъ Кантъ начало міра? По его предположенію сначала существовала одна лишь матерія. Солнце, съ планетами и ихъ спутниками были разложены на свои элементы. Эта матерія не была газообразна, но представляла изъ себя собраніе болѣе или менѣ твердыхъ частицъ и находилась въ пустомъ пространствѣ. Кантъ говоритъ: „это состояніе, если его разсматривать само по себѣ, или, независимо отъ самой системы, представляется мнѣ самымъ простымъ, какое можетъ послѣдовать за чистымъ хаосомъ. Въ ту эпоху ничто еще не приняло опредѣленной формы; образованіе изолированныхъ небесныхъ тѣлъ составляетъ уже послѣдній актъ“

(Вольфъ. Космологическ. гипотезы. Спб. изд. Соѣк. 1900 г. ст. 9). Частицы эти обладали двумя свойствами: взаимнымъ тяготѣніемъ и нѣкоторой отталкивательной силой. И вотъ, вслѣдствіе закона взаимнаго тяготѣнія, болѣе разряженныя частицы начали притягиваться болѣе плотными. Но наибольшее скопленіе матеріи направилось въ главный центръ, образовавшій впоследствии,—солнце. Частицы, устремляясь къ центру, сталкивались одна съ другой и подвергались боковымъ уклоненіямъ, вслѣдствіе отталкивательной силы. Отсюда появились вихри и въ концѣ концовъ установились круговыя движенія, направленные въ одну и ту же сторону. И солнце получило вращеніе также вслѣдствіе столкновенія съ нимъ матеріи. Когда опредѣлился болѣе точно главный центръ и произошло его вращательное движеніе, тогда онъ вслѣдствіе вращенія и центробѣжной силы сдѣлался приплюснутымъ и далъ отъ себя нѣсколько колецъ, матеріальныя частицы которыхъ начали двигаться по круговымъ путямъ около главнаго сгущенія. Видную и первую роль въ соединеніи частицъ Кантъ отводитъ извѣстному химическому сродству матеріаловъ, а затѣмъ уже вводитъ законъ притяженія Ньютона. Вотъ въ самыхъ краткихъ словахъ гипотеза Канта о происхожденіи міра.

Гипотеза Канта страдаетъ многими ошибками, что подтверждено позднѣйшими открытіями и изслѣдованіями. Мы считаемъ необходимымъ указать на эти недостатки. Кантъ утверждаетъ, что первобытная матерія раздѣлилась на нѣсколько скопленій, изъ которыхъ впоследствии образовались планеты, при чемъ эти скопленія оставались неподвижными, въ состояніи равновѣсія. Спрашивается теперь: что же заставило выйти ихъ изъ этого состоянія равновѣсія? Почему образовались боковыя движенія? Всѣ эти скопленія, лишенные начальной скорости, „необходимо собрались бы, въ концѣ концовъ, въ единую массу“ (Вольфъ. Кос. гип. ст. 17). И это вполне понятно. Кантъ утверждаетъ, что главное скопленіе матеріи, принявъ форму сфероида, выдѣлило изъ себя кольца, изъ которыхъ произошли планеты; но въ такомъ случаѣ ихъ орбита должна быть правильнымъ кругомъ, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Мы знаемъ, что орбита планеты есть эллипсисъ съ разнымъ эксцентриситетомъ, т. е. удлиненіемъ. Отчего же образовался эллипсисъ? Кантъ предполаगा-

еть, что „уклоненіе планетныхъ путей отъ формы круга и наклонъ къ эклиптикѣ можно объяснить изначала существовавшимъ недостаткомъ въ симметріи“ (Аррениусъ. Представленія о мірозданіи на протяж. вѣковъ, Моск. книг. Сѣинксъ. Ст. 121). Но это не есть объясненіе. Отчего же образовался этотъ недостатокъ въ симметріи, когда всѣ данныя заставляютъ предполагать, что лишь самый правильный кругъ долженъ быть орбитой планетъ? Здѣсь въ гипотезѣ Канта большая ошибка, противорѣчащая первому закону Кеплера. Далѣе: онъ предполагаетъ, что чѣмъ дальше разстояніе планеты отъ солнца, тѣмъ менѣе дѣйствуетъ сила тяготѣнія и тѣмъ болѣе увеличивается эксцентриситетъ орбиты. Это вѣрно по отношенію къ Сатурну, Юпитеру, землѣ и Венерѣ, но не вѣрно по отношенію къ Марсу и Меркурію, которые обладаютъ самымъ большимъ эксцентриситетомъ. Изъ гипотезы Канта слѣдуетъ также, что только отдаленныя планеты могутъ имѣть спутниковъ, а между тѣмъ открытіе двухъ маленькихъ спутниковъ у Марса подрываетъ подобный выводъ. Намъ еще могутъ предложить очень важный вопросъ: откуда же по Канту взялась матерія? Существовала ли она отъ вѣчности, или же явилась благодаря творческому акту? Кантъ признаетъ послѣднее. Хотя онъ и подвергъ критикѣ доказательства бытія Божія, но однако призналъ силу за нравственнымъ и даже обосновалъ его, а поэтому къ атеистамъ Канта отнести нельзя. Онъ, подобно Декарту и Ньютону считалъ Бога Творцомъ первоосновы міра (св. Аррен. ст. 186).

Теперь мы перейдемъ къ изложенію знаменитой въ свое время гипотезы французскаго математика Лапласа (1749—1827). Правда, многіе выводы ея теперь ошибочны, особенно при свѣтѣ новыхъ открытій, но главные принципы раздѣляются и современными учеными, которые, конечно, видоизмѣнили и дополнили эту гипотезу согласно новѣйшимъ научнымъ даннымъ.

IX.

Лапласъ, подобно другимъ знаменитымъ ученымъ, былъ крайне заинтересованъ стройнымъ обращеніемъ планетъ вокругъ солнца. Онъ ясно сознавалъ, что такая гармонія не есть дѣло слѣпного случая, а имѣетъ серьезную причину,

благодаря которой планеты песутся вокругъ солнца по одному направленію и всѣ въ одной плоскости. Лапласъ въ своемъ знаменитомъ трудѣ: „Изложеніе системы міра“, подобно Канту, также предполагалъ, что всѣ міры произошли изъ туманности. Но между туманностью Канта и Лапласа большая разница. Кантъ думалъ, что первоначальная туманность состояла изъ болѣе или менѣе твердыхъ частицъ, которыя сначала находились въ состояніи покоя, а затѣмъ пришли въ движеніе и начали обращаться вокругъ своихъ центровъ. Туманность же Лапласа—это газъ, обладающій всѣми свойствами газа. Но замѣчательно, что Лапласъ начинаетъ свою гипотезу не описаніемъ этой туманности, а прямо съ образованія солнца. Онъ говоритъ, что солнце въ тѣ отдаленныя отъ насъ времена должно было казаться свѣтящимся ядромъ, окруженнымъ туманностью, подобно тѣмъ туманностямъ, которыя видны въ телескопы. Но, конечно, добавляетъ тутъ же Лапласъ, было время, когда эта туманность была настолько разсѣяна въ пространствѣ, что съ трудомъ можно было бы подозрѣвать о ея существованіи. Но вотъ въ извѣстное время вся эта туманность пришла въ движеніе. Что же заставило ее выйти изъ покоя? Лапласъ не говоритъ о этой причинѣ, но полагаетъ, что частицы газа были надѣлены взаимнымъ тяготѣніемъ. Туманность эта была огромныхъ размѣровъ и простиралась далѣко за предѣлы орбиты Нептуна, планеты, наиболѣе удаленной отъ солнца. Вотъ въ какихъ главныхъ словахъ рисуется Лапласъ свою гипотезу о началѣ планетъ. „Атмосфера солнца,—говоритъ онъ,—не можетъ распространяться неопредѣленно: ея предѣлъ тотъ пунктъ, гдѣ центробѣжная сила, происходящая отъ ея вращательнаго движенія, уравновѣшиваетъ притяженіе, а по мѣрѣ того, какъ охлажденіе сжимаетъ атмосферу и сгущаетъ на поверхности свѣтила сосѣднія съ нею частицы, вращательное движеніе усиливается.... Вращеніе должно быть быстрѣе, когда эти частицы приближаются къ центру солнца. Центробѣжная сила, происходящая отъ этого движенія, такимъ образомъ увеличивается, и пунктъ, въ которомъ притяженіе ей равно, приближается къ солнечному центру. Стало бытъ, если предположить то, что естественно требуетъ допущенія, а именно, что атмосфера распространялась въ какую нибудь эпоху до извѣстнаго предѣла, то она должна была, охлаждаясь,

оставить частицы, расположенныя на этомъ предѣлѣ и на послѣдовательныхъ предѣлахъ, производимыхъ усиленнымъ обращеніемъ солнца. Эти оставленныя частицы продолжали обращаться вокругъ этого свѣтила, такъ какъ ихъ центробѣжная сила была уравновѣшена ихъ тяготѣніемъ.... Разсмотримъ теперь оставленные послѣдовательно поясы газовъ. Эти поясы должны были, по всей вѣроятности, черезъ свое сгущеніе и взаимное притяженіе своихъ частицъ, образовать различныя концентрическія кольца паровъ, обращающихся вокругъ солнца. Взаимное треніе частицъ каждаго кольца должно было ускорять движеніе однихъ и замедлять движеніе другихъ до тѣхъ поръ, пока онѣ не приобрѣли одного и того же углового движенія... Почти всегда каждое туманное кольцо должно было разорваться на нѣсколько массъ, которыя, двигаясь съ очень мало различными скоростями, продолжали обращаться на одинаковомъ разстояніи вокругъ солнца. Теперь, если мы прослѣдимъ перемѣны, которыя должны были произвести дальнѣйшее охлажденіе въ такихъ газообразныхъ планетахъ, то увидимъ въ центрѣ каждой изъ нихъ возникновеніе ядра, которое безпрестанно растетъ вслѣдствіе сгущенія окружающей его атмосферы. Въ этомъ состояніи планета совершенно походила на солнце въ томъ состояніи туманности, въ какомъ мы только что его рассмотрѣли; слѣдовательно, охлажденіе должно было производить, на разныхъ предѣлахъ его атмосферы, явленія, подобныя тѣмъ, которыя мы описали, т. е. кольца и спутниковъ, обращающихся вокругъ его центра въ направленіи его вращательнаго движенія и вращающихся въ томъ же направленіи вокругъ самихъ себя (Фей. Происхожденіе міра. 3-е изд. Губинскаго. Петр. 1905 г. ст. 93—5). Мы нарочно привели эту длинную цитату, чтобы мысли Лапласа о началѣ міра высказать его же словами. Представимъ же себѣ болѣе ясно и наглядно это „рожденіе міровъ“ по Лапласу. Вотъ передъ нами исполнинская, чрезвычайно разряженная, тонкая туманность, обладающая низкой температурой. Діаметръ ея превосходитъ наше воображеніе: онъ болѣе восьми милліардовъ верстъ. Лапласъ считалъ, что туманность простиралась далеко за предѣлы Нептуна, а такъ какъ разстояніе Нептуна отъ солнца болѣе четырехъ милліардовъ верстъ, то діаметръ

дасть цифру вдвое большую. Эта туманность начинаетъ приходить въ движеніе. Сначала движеніе ея медленное, но затѣмъ дѣлается все быстрѣе и быстрѣе. Къ центру начинаютъ вслѣдствіе тяжести падать частицы, а поэтому центръ становится болѣе и болѣе плотнымъ. Туманность начинаетъ раскаливаться вслѣдствіе тренія и движенія частицъ. Появляется ядро-будущее солнце. Вращеніе дѣлается болѣе быстрымъ. Вся туманность, вслѣдствіе своего вращенія принимаетъ форму чечевицы. Наконецъ, когда вращеніе достигаетъ наибольшаго напряженія отъ общей массы туманности, отрывается первое наружное кольцо. Это кольцо продолжаетъ вращаться вокругъ центра до тѣхъ поръ, пока вслѣдствіе разныхъ неправильныхъ движеній не происходитъ разрыва. Тогда вся масса кольца собирается въ одно скопленіе, которое опять продолжаетъ нестись по своей орбитѣ. Съ этимъ скопленіемъ повторяется та же исторія, что и съ общей туманностью. Въ центрѣ образовывается ядро-будущая планета, затѣмъ опять это скопленіе даетъ, въ свою очередь, кольца, изъ которыхъ происходятъ потомъ спутники планетъ. Ясно, что сколько планетъ, на столько же главныхъ колецъ раздѣлилась главная масса.

Вотъ главные принципы гипотезы Лапласа. Теперь спрашивается: можетъ ли быть она принята цѣликомъ? Нѣтъ ли въ ней крупныхъ ошибокъ? Отвѣчаетъ ли она современнымъ знаніямъ о вселенной? На эти вопросы слѣдуетъ отвѣтить отрицательно. Мы теперь должны указать на эти недостатки и сдѣлать краткій критическій обзоръ гипотезъ. Лапласъ утверждаетъ, что когда центробѣжная сила и сила тяжести во вращающейся туманности достигли извѣстнаго напряженія, то туманность дала первое кольцо. Современные же ученые говорятъ, что образованіе колецъ, такое, какое предложилъ Лапласъ, невозможно. Въ то время, когда центробѣжная и центростремительная силы уравновѣсились бы, то произошло бы непрерывное отдѣленіе матеріи, которое дало бы тонкій плоскій кругъ, состоящій изъ безчисленнаго множества взаимно связанныхъ колецъ. (С. Ньюкомбъ. Астрономія. Петр. 1896 г. ст. 564). Другіе считаютъ, что было бы лишь непрерывное выдѣленіе вещества, изъ котораго образовались бы сплошныя кольца, или же множество мелкихъ астероидовъ. Лапласъ утверждаетъ,

что кольцо, оторвавшись отъ общей массы сфероида, продолжало совершать свой путь по орбитѣ, наконецъ разорвалось, собралось въ одну массу и произвело изъ себя планету. Но такое утверждение оспаривается современными учеными: оно не согласуется съ позднѣйшимъ образованіемъ спутниковъ, потому что такое соединеніе потребовало бы огромный періодъ времени. Возьмемъ опять самое отдаленное кольцо, изъ котораго произошла планета Нептунъ. Вотъ это кольцо разорвалось. Пространство между двумя половинами чудовищно: около восьми милліардовъ верстъ. Теперь спрашивается: почему же эти „обломки“ кольца стремились соединиться между собой, разъ произошелъ разрывъ? Если какія-то силы произвели разрывъ, то очевидно эти силы воспрепятствовали бы этимъ обломкамъ соединиться снова въ одну массу. Да и помимо этого, находясь одинъ отъ другого на такомъ огромномъ разстояніи, эти „осколки“, конечно, не имѣли бы тенденціи соединиться ужъ въ силу того обстоятельства, что утратили бы взаимное притяженіе. Такъ именно думаетъ одинъ англійскій ученый. Керквудъ. Затѣмъ нужно, чтобы и по истеченіи этого срока эти части представляли изъ себя туманность, которая дала бы спутника Нептуна. Указываютъ и на другіе недостатки гипотезы Лапласа. Мы приведемъ еще два таковыхъ. По Лапласу все планеты и ихъ спутники должны обращаться по одному прямому направленію и въ ту же сторону, въ которую обращается и солнце. Это вполне и понятно. Но оказывается, что спутники Урана вращаются не въ общей плоскости эклиптики, а почти перпендикулярно къ ней. Это ударъ для гипотезы Лапласа. Самъ Лапласъ зналъ объ обратномъ движеніи, но не зная, какъ объяснить его, сослался на какія-то причины, дѣйствовавшія послѣ образованія планеты. Онъ признаетъ: „если бы солнечная система образовалась съ полной правильностью, то орбиты тѣлъ, ее образующихъ, были бы кругами, плоскости которыхъ, какъ и плоскости различныхъ экваторіальныхъ колецъ, совпали бы съ плоскостью солнечнаго экватора. Но легко понять что безчисленныя разнообразія, которыя должны были существовать относительно температуры и плотности этихъ огромныхъ массъ, причинили эксцентрисичность ихъ орбитъ и уклоненіе ихъ движеній отъ плоскости экватора“. Но

это не объясненіе, а лишь ссылка на разныя случайности, которыми убѣдить никого нельзя. По гипотезѣ Лапласа и спутники должны имѣть прямое движеніе и всѣ лежать въ плоскости эклиптики. Открытіе спутника Нептуна еще болѣе подорвало гипотезу Лапласа. Какъ извѣстно, всѣ планеты обращаются на своихъ осяхъ съ запада на востокъ, а движеніе этого спутника обратное: съ востока на западъ. Это идетъ опять таки вразрѣзъ съ гипотезою Лапласа. Далѣе: если бы образованіе планетъ шло такъ, какъ говорилъ Лапласъ, то оси планетъ должны быть перпендикулярны къ плоскости орбиты, а между тѣмъ мы видимъ, что эти оси болѣе или менѣе сильно наклонены. Экваторъ Урана, напр. отклоненъ на 80 град., поэтому ось планеты представляется какъ бы опрокинутой на своей орбитѣ. Меркурій имѣетъ отклоненіе 70 гр., земля какъ извѣстно 23 град. въ то время какъ Юпитеръ имѣетъ всего 3, 6 гр. т. е. ось его почти перпендикулярна къ плоскости орбиты. Этого мало: и плоскости орбитъ не совпадаютъ съ плоскостью солнечнаго экватора и также имѣютъ болѣе, или меньшій наклонъ. И здѣсь гипотеза Лапласа *во всемъ ея объемѣ* оказывается несостоятельной. Новѣйшія изслѣдованія кольца Сатурна показали, что оно состоитъ изъ множества метеоритовъ, тогда какъ Лапласъ считалъ его жидкимъ. Еще есть такое необъяснимое явленіе съ точки зрѣнія Лапласа. Въ семидесятихъ годахъ прошлаго столѣтія американскій астрономъ Асафъ Голль открылъ въ большой Вашингтонскій рефракторъ двухъ спутниковъ Марса: первый, близкій къ планетѣ, названъ Фобосъ, а дальній Деймосъ. Обращеніе ихъ около своей планеты поразительное. Фобосъ дѣлаетъ свой путь вокругъ планеты въ 7 ч. 39 мин., а Деймосъ въ 13 ч. 18 м., тогда какъ самъ Марсъ дѣлаетъ полный оборотъ вокругъ своей оси въ 24 ч. 37 мин. Изъ этого выходитъ, что Фобосъ болѣе трехъ разъ въ теченіе Марсовыхъ сутокъ успѣетъ объѣхать вокругъ своей планеты. Это открытіе опять таки не согласуется съ гипотезой Лапласа. Мы знаемъ уже, какъ произошли, по Лапласу, кольца. Когда сфероидъ пріобрѣлъ наибольшее вращеніе, только тогда отъ него въ силу центробѣжной силы оторвалось кольцо. Ясно, что движеніе кольца будетъ медленнѣе, чѣмъ самого ядра, давшего кольцо. Изъ этого слѣдуетъ,

что и движеніе спутника, происшедшаго изъ кольца, должно быть медленнѣе, чѣмъ самой планеты. Это мы и видимъ у спутниковъ Юпитера, Сатурна и земли. Но почему же въ системѣ Марса дѣло обстоитъ иначе? Если законъ одинаковъ, то онъ долженъ одинаково простирается на всѣ планеты съ ихъ спутниками, а вотъ однако Марсъ даетъ поразительное исключеніе. Почему же такъ? Гипотеза Лапласа здѣсь ничего опредѣленнаго сказать не можетъ.

Въ заключеніе мы добавимъ, что, не смотря на разныя ошибки и промахи, гипотеза Лапласа *въ своихъ общихъ чертахъ* принимается учеными, которые, сообразуясь съ новѣйшими открытіями и изслѣдованіями, дополнили и видоизмѣнили ее.

Х.

Теперь мы перейдемъ къ изложенію гипотезы французскаго ученаго Фэя, которая получила большое распространеніе и популярность. Въ то время какъ Лапласъ свою космогонію начинаетъ съ солнца, Фэй болѣе или менѣе подробно начинаетъ съ хаоса, изъ котораго уже потомъ образовались туманности, давшія начало звѣздамъ. Фэй такъ опредѣляетъ первобытный хаосъ. „Вначалѣ вселенная,—говоритъ онъ,—сводилась къ общему хаосу, крайне разрѣженному, состоящему изъ всѣхъ элементовъ земной химіи, болѣе или менѣе смѣшанныхъ. Эти матеріалы, подчиненные, кромѣ того, взаимному притяженію, были изначала воодушевлены различными движеніями, которыя производили ихъ раздѣленіе въ ключья или облака. Эти послѣднія сохранили свое быстрое перемѣщеніе и внутреннія чрезвычайно медленныя вихревыя движенія. Эти мириады, хаотическихъ ключевъ породили, путемъ прогрессивнаго сгущенія, различные міры вселенной“ (Происх. міра ст. 155.) Задача, которую поставилъ себѣ Фэй для разрѣшенія, поистинѣ грандіозна. Онъ пытается прослѣдить развитіе не только одной солнечной системы, но всей вселенной. И такъ, по его мнѣнію, вначалѣ былъ хаосъ. Частицы его были надѣлены двумя движеніями: поступательными впередъ и вихревыми. Эта матерія содержитъ въ себѣ всѣ энергіи вселенной, которыя теперь дѣйствуютъ: свѣтъ, электричество, теплота и пр., но тогда эти энергіи были, такъ сказать, скрыты, оставаясь сущностью матеріи. Это была, какъ говорятъ, „энергія по-

ложенія“, потенциальная, превратившаяся потомъ въ „энергію движенія“, или кинетическую. Хаосъ сначала былъ холоднымъ, но потомъ, вслѣдствіе сгущенія, явилась теплота и свѣтъ. И вотъ, когда этотъ чрезвычайно разряженный хаосъ уплотнился, онъ и сталъ туманностью, видимой даже теперь въ трубы, въ нѣкоторыхъ созвѣздіяхъ. Эта туманность была охвачена огромными вихреобразными движеніями, которыя и разорвали ее на безчисленное множество другихъ туманностей, изъ которыхъ образовались звѣзды. Такъ какъ туманность вращается вокругъ своей оси, то она даетъ отъ себя рядъ колецъ, изъ которыхъ образовались потомъ планеты. Но образованіе колецъ, по Фэю, совершенно иное, чѣмъ у Лапласа. Здѣсь онъ радикально расходится съ нимъ. Лапласъ говоритъ, что сначала уплотнился центръ, а затѣмъ уже въ силу центробѣжной силы оторвались кольца и поэтому планеты болѣе позднѣйшаго происхожденія, чѣмъ солнце. Фэй утверждаетъ наоборотъ. По его мнѣнію туманность, вслѣдствіе своего вихревого обращенія дала сначала кольца, а потомъ уже въ центрѣ образовалось солнце. Последнее, по его мнѣнію, болѣе поздняго происхожденія, чѣмъ планеты, потому что вихреобразныя движенія уже существовали, туманная масса этихъ вихрей начала уже сгущаться, между тѣмъ какъ центръ оставался еще пустымъ, незаполненнымъ и лишь впоследствии, частицы начали падать къ центру и уплотняться. Дальнѣйшее образованіе планетъ изъ этихъ колецъ становится уже понятнымъ. Дѣло, по Фэю, обстояло такъ. Представьте себѣ вращающееся кольцо туманности. Очевидно, что скорость частицъ увеличивается отъ внутренняго края къ наружному. При такомъ условіи въ кольцо опять произойдутъ вихри, при чемъ эти вихри будутъ вращаться въ ту сторону, въ которую вращалось и кольцо. Въ концѣ концовъ одинъ изъ этихъ вихрей, какъ болѣе сильный, притянетъ къ себѣ остальные и получится сферическая масса, вращающаяся вокругъ оси и болѣе или менѣе перпендикулярная къ плоскости кольца. Эта масса все болѣе и болѣе начнетъ уплотняться, раскаляться, затѣмъ послѣдуетъ охлажденіе и получится планета. Когда туманная масса начнетъ сформировываться въ сфероидъ, тогда лишь образуется мало-помалу центральное сгущеніе, которое также начнетъ вращаться въ одну

общую сторону вращенія и дастъ изъ себя въ послѣдствіи солнце. Образованіе спутниковъ здѣсь почти то же, какое даетъ и Лапласъ. Но есть у Фэя оригинальное объясненіе обратныхъ спутниковъ Урана и Нептуна. Какъ извѣстно, у Лапласа здѣсь наиболѣе слабая сторона гипотезы, съ которой никакъ нельзя примирить этого обратнаго движенія. Фэй говоритъ, что прежде всего образовались планеты: Меркурій, Венера, Земля, Марсъ, Юпитеръ и Сатурнъ. Въ эту эпоху центральное сгущеніе было слабо и не имѣло никакого вліянія на новообразовавшіяся сферическія тѣла, происшедшія изъ колець. Центральная сила тогда была почти пропорціональна разстоянію. Но далѣе дѣло обстояло иначе. Образовалось солнце, которое въ семьсотъ разъ превосходитъ своимъ объемомъ всѣ планеты, взятыя вмѣстѣ. Очевидно, что законъ тяготѣнія измѣнился кореннымъ образомъ. Сила тяготѣнія измѣнилась изъ прямо пропорціональной— въ обратную пропорціональную квадратамъ разстоянія отъ центра, что дѣйствительно наблюдается и теперь. Планеты приблизились къ солнцу. Земля, напр., которой вначалѣ нужны были вѣка; для своего обращенія вокругъ пустого центра, теперь только въ теченіи года совершаетъ свой полный оборотъ. Очевидно, что въ частицахъ, образующихъ крайнія тѣла нашей солнечной системы, должны произойти глубокія измѣненія. И какъ результатъ этихъ новыхъ движеній, по второму закону (тяготѣніе обратно пропорціонально квадратамъ разстояній отъ центра) явились спутники съ „попятными“ обращеніями. Что же касается образованія самой земли, то Фэй также дѣлитъ его на періоды. Первый періодъ—это раскаленность земли. Въ этотъ періодъ земля начинаетъ превращаться въ жидкое тѣло, при чемъ вся масса располагается концентрическими слоями по своей плотности. Вся вода еще въ состояніи атмосферы, окружавшей сферидъ. Вторымъ періодомъ—это такъ называемый антезоическій, когда теплота земного шара начинаетъ уменьшаться. На землѣ образовывается кора, воды отлагаются на почву, при чемъ происходитъ физико-химическая переработка послѣдней. Въ слѣдующемъ третьемъ періодѣ кора начинаетъ уже уплотняться. Температура одинакова, какъ на полюсахъ, такъ и на экваторѣ. Нѣтъ ни климатовъ, ни временъ года. Землю окружаетъ обширная атмосфера, за-

ощущающая ее отъ охлаждения. Въ четвертомъ періодѣ, возрастающаго солнечнаго свѣта, на землѣ начинается развиваться растительная и животная жизнь. Образовываются горныя цѣпи. Начинается различіе въ климатахъ. Въ послѣднемъ періодѣ солнце достигаетъ максимума своей дѣятельности. Устанавливаются климаты. Отсюда являются льды и ихъ таяніе. На вершинахъ высокихъ горъ появляются вѣчныя снѣга и ледники. Словомъ, картина нашихъ дней: Вотъ въ немногихъ словахъ резюме гипотезы Фэй. Что же сказать о ней? Имѣетъ ли она преимущество передъ гипотезой Лапласа, или нѣтъ? Намъ это слѣдуетъ сказать, что и та и другая гипотеза имѣютъ свои достоинства и свои недостатки. Если считать землю уже охладившимся тѣломъ, а солнце еще находящимся въ періодѣ угасанія, что подтверждается теперь и научно, то разумѣется Фэй стоитъ здѣсь на вѣрной дорогѣ. Ясно, что сначала образовалась земля, а потомъ уже солнце. Если признать, далѣе, что тогда лишь появились системы Урана и Нептуна, когда солнце начало проявлять свое притяженіе, то опять таки по вопросу объ обратномъ движеніи спутниковъ этихъ планетъ Фэй стоитъ на вѣрной дорогѣ. Но и въ теоріи Фэй, какъ и Лапласа цѣликомъ остаются неразрѣшенные вопросы: почему же образовались кольца, вращающіеся при томъ вокругъ пустого центра? Почему кольцо, раздѣлившись на множество вихрей, соединилось въ одну общую массу? Не лучше ли было бы предположить, что каждый вихрь далъ бы начало маленькой планетѣ—астероиду? Почему Уранъ и Нептунъ похожи и по массѣ, и по плотности, и по спектру, и по величинѣ сжатія на Сатурнъ и Юпитеръ, когда Фэй утверждаетъ, что первыя двѣ планеты гораздо позднѣйшаго происхожденія? На эти вопросы гипотеза Фэй не въ силахъ дать точныя, обоснованныя отвѣты, какъ и гипотеза Лапласа. Въ заключеніе остается намъ спросить: откуда матерія, по Фэй? Вѣрилъ ли онъ въ Творца ее, или же считалъ ее существующую отъ вѣчности? Отвѣтъ на эти вопросы даетъ самъ Фэй въ своемъ введеніи къ книгѣ „Происхожденіе міра“. Тамъ мы читаемъ слѣдующія многоговорящія и важныя для нашего времени фразы. Сначала Фэй выражаетъ опасеніе, какъ бы попытки объяснить происхожденіе міра не поколебали вѣры въ существованіе

Бога, какъ Творца неба и далѣе говоритъ: „А между тѣмъ аргументъ въ доказательство существованія божественнаго провидѣнія остается: онъ будетъ оставаться и существовать до тѣхъ поръ, пока остается человѣкъ, созерцающій небо и размышляющій о немъ“. Говоря далѣе о томъ впечатлѣннн, которое производитъ въ насъ созерцаніе неба, онъ продолжаетъ: „мы, такъ сказать, чувствуемъ, какъ наша мысль возвышается до понятія высшаго, чѣмъ тѣ малыя вещи, которыя насъ окружаютъ... А такъ какъ нашъ умъ сдѣлалъ себя не самъ, то въ мірѣ долженъ существовать Верховный Умъ, отъ котораго происходитъ нашъ. Съ этихъ поръ, чѣмъ выше идея, которую люди составляютъ себѣ объ этомъ Верховномъ Умѣ, тѣмъ она ближе подходитъ къ истинѣ. Мы не рискуемъ ошибиться, когда считаемъ Его Творцомъ всѣхъ вещей, отнеся къ нему это великолѣпіе небесъ, которыя будятъ нашу мысль, вѣря, что мы имъ не чужіе, не представляемъ чего-то различнаго отъ нихъ, и вотъ, въ концѣ концовъ, мы вполне подготовлены понять и воспринять формулу вѣрующнхъ; Богъ, Отецъ всемогущій, Создатель неба и земли. Что касается отрицанія Божества, то оно подобно тяжелому наденію съ высоты на землю. Эти звѣзды, эти чудеса природы были бы дѣломъ случая! Нашъ умъ былъ бы матеріей, которая сама собою предалась мышленію! Человѣкъ снова обратился бы въ такое же животное, какъ другіе; какъ они, онъ проводилъ бы эту жизнь спустя рукава, безъ цѣли, и кончилъ бы ее, какъ они, выполнивъ свои функціи питанія и воспроизведенія“. Какіе нибудь комментаріи къ этой цитатѣ совершенно излишни: она сама говоритъ за себя. Глубокій умъ Фэя соединяется съ вѣрой въ Бога, Творца неба и земли.

Поповъ-Пермскій.

(Продолженіе будетъ).

Къ вопросу о значеніи юродства въ нравственной жизни христіанина.

Въ статьѣ „Духовное совершенство, какъ верховный идеаль челоуѣческой жизни“ („Вѣра и Разумъ“ 1916 г. кн. 8—9) я выразилъ свое несогласіе съ нѣкоторыми взглядами В. И. Экземплярскаго, поскольку они отразились въ его очеркахъ: „Христіанское юродство и христіанская сила“ („Христіанская Мысль 1916 г. № 1—3). Именно мною были высказаны тогда слѣдующія мысли: 1) что христіанство, *правильно понимаемое*, можетъ казаться юродствомъ лишь *душевному* челоуѣку, живущему низшею стороною своего существа; 2) что съ точки зрѣнія истинныхъ свѣточей челоуѣческой культуры таковымъ можетъ быть признано лишь *буквальное* слѣдованіе Евангелію, которое иногда бываетъ *противно его духу*; 3) что юродство не имѣетъ принципиальнаго значенія въ христіанствѣ, а является *одной изъ формъ* осуществленія христіанскаго идеала, законной лишь при извѣстномъ состояніи общества и при извѣстныхъ бытовыхъ условіяхъ; 4) что признаніе христіанства юродствомъ вредно въ цѣляхъ христіанизации современнаго общества.

Въ XI книжкѣ „Христіанской Мысли“ В. И. Экземплярскій, по поводу моей статьи еще разъ подтверждая свои прежнія мысли, съ особенною настойчивостью раскрываетъ слѣдующія три положенія: I) что христіанство представляется юродствомъ не только душевнымъ, но и, съ обычной точки зрѣнія, высоко культурнымъ людямъ, такъ какъ направленіе всей современной культуры, матеріальной и духовной, противно завѣтамъ Христа; II) что нагорную проповѣдь Спасителя нужно понимать буквально; III) что юродство имѣетъ принципиальное значеніе въ христіанствѣ.

1) „Было бы очень радостно согласиться съ П. В. Левитовымъ (что христіанство можетъ казаться юродствомъ лишь душевному человѣку),—пишетъ онъ,—но... предъ глазами стоитъ ужасъ не только коренного разлада Евангелія и быта, но и прямой враждебности современнаго направленія культуры и матеріальной и духовной завѣтамъ Христа“.... „Пусть кто хочетъ и можетъ защищаетъ съ евангельской точки зрѣнія „тѣ цѣнности, предъ которыми преклоняется современный культурный міръ“. Я этого не могу и не хочу. Для моего сознанія этотъ міръ служить другимъ богамъ, а не Господу Іисусу“.

Но во 1) если бы даже дѣйствительно современная культура, матеріальная и духовная, была прямо враждебна завѣтамъ Христа, это обстоятельство не опровергало бы того положенія, что христіанство можетъ казаться юродствомъ лишь душевному человѣку. Изъ него слѣдовало бы лишь то, что большинство дѣятелей современной культуры душевные, а не духовные люди. Во 2) даже тѣ, кто фактически дѣйствуютъ въ направленіи, противномъ Евангелію, далеко не всегда видятъ въ немъ безуміе. Часто они поступаютъ такъ не потому, что не признаютъ высоты христіанскихъ идеаловъ и расхожденія съ ними той жизни, строителями которой они являются, а потому что находятъ „иной законъ во удѣхъ своихъ, противвоюющъ закону ихъ ума“; потому что стремятся не только къ добру, но и къ счастью въ житейскомъ смыслѣ этого слова. Въ 3)—и это главный пунктъ моего несогласія съ В. И. Экземплярскимъ—далеко не безспорна мысль о прямой враждебности направленія всей современной культуры завѣтамъ Христа. Культура европейскихъ народовъ въ своемъ поступательномъ движеніи уклоняется, конечно, отъ нормъ, данныхъ намъ въ Евангеліи, но утверждать, чтобы въ цѣломъ она носила антихристіанскій характеръ, значило бы видѣть только тѣни предмета, не обращая вниманія на его свѣтлыя стороны. Работая на культурномъ поприщѣ, мы совершенствуемъ человѣческую природу и человѣческую жизнь и вмѣстѣ съ тѣмъ выполняемъ свой долгъ любви по отношенію къ ближнимъ. Мы должны накормить алчущаго, напоить жаждущаго, одѣть нагого. Не менѣе обязаны мы просвѣтить незнающаго и смягчить жестокаго, грубаго, пробудить эстетическое чувство въ томъ, въ комъ оно нераз-

вита и т. д. Этимъ именно цѣлямъ и служитъ культура. Она стремится къ тому, чтобы сдѣлать жизнь болѣе легкой и радостной, болѣе полной и разнообразной, болѣе изящной и интересной. Подъ ея вліяніемъ люди становятся мягче, отношенія между ними облагораживаются и утончаются. Способствуя росту матеріальной культуры, мы увеличиваемъ сумму жизненныхъ благъ, облегчаемъ трудъ изнемогающихъ подъ его бременемъ, даемъ больше досуга человѣку для удовлетворенія его духовныхъ потребностей или, какъ говоритъ Вл. Соловьевъ, для достойнаго человѣческаго существованія. Что антихристіанскаго въ томъ, что теперь мы можемъ безъ особенной усталости проѣхать тысячу верстъ въ сутки, что машина въ одинъ часъ дѣлаетъ ту ткань, надъ которой многія noci раньше должна была сидѣть работница; что улицы нашихъ городовъ не тонутъ въ грязи и т. д. Мнѣ кажется, нельзя всего этого считать даже и безразличнымъ съ христіанской точки зрѣнія. Если я люблю своихъ ближнихъ, то непременно долженъ желать имъ того же, чего себѣ. А такъ какъ себѣ самому всякій хочетъ жизни по возможности свободной отъ страданій, красивой и легкой, то онъ обязанъ, насколько это отъ него зависитъ, заботиться объ устройствѣ такой же жизни и для ближнихъ. Фаустъ, тщетно искавшій счастья во всевозможныхъ личныхъ наслажденіяхъ, въ концѣ концовъ обрѣлъ его въ самоотверженномъ служеніи на пользу другихъ людей, выразившемся въ осушеніи болотъ, т. е., слѣдовательно, въ дѣятельности, направленной къ усовершенствованію матеріальной культуры. Тѣмъ болѣе должна быть признана дѣломъ добрымъ, а не худымъ культура духовная. Неужели, устраивая школы, больницы, всевозможныя благотворительныя и просвѣтительныя учрежденія, заботясь о развитіи наукъ и искусствъ, мы дѣлаемъ антихристіанское дѣло? Неужели, работа сельской учительницы, подвижника науки, просиживающаго noci надъ учеными изслѣдованіями, художника надъ картинами—противна любви къ ближнимъ? Правда, самые высокіе, по видимому, поступки могутъ опредѣляться низменными мотивами, но вѣдь это возможно и тогда, когда мы исполняемъ по буквѣ евангельскіе завѣты.

Безспорно, что современная культура, матеріальная и духовная, имѣетъ свою изнанку, свои тѣневныя стороны. Эта

изнанка культуры особенно ярко была показана у насъ въ Россіи Л. Толстымъ. Но что же дѣлать, если жизнь такъ устроена, что, при безконечной сложности ея, нѣтъ такого добра, которое такъ или иначе не влекло бы за собою зла. Даже Евангеліе принесло не миръ, а мечъ на землю, а все же оно—*благая вѣсть*. Отдавъ послѣднюю рубашку нищему, мы, можетъ быть, черезъ часъ должны будемъ отказать другому просящему,—и все же нашъ поступокъ будетъ хорошимъ. Словомъ, при смѣшеніи добра и зла, радостей и страданій, при томъ смѣшеніи, когда, какъ сказалъ одинъ философъ, „во всемъ есть все“, мы должны оцѣнивать извѣстное явленіе *въ цѣломъ*, должны обращать вниманіе на то, какіе элементы въ немъ преобладаютъ—добрые или худые. Храмъ Христа Спасителя въ Москвѣ стоилъ нѣсколько десятковъ милліоновъ, которые могли бы быть розданы нищимъ. Но вѣдь и миро, которымъ женщина помазала ноги Спасителя, могло бы послужить этой цѣли. Хотя, вмѣсто постройки знаменитаго Московскаго храма, можно было бы накормить многихъ голодныхъ и одѣть многихъ нагихъ, но и храмъ этотъ радуетъ религіозное и эстетическое чувство сотенъ милліоновъ, а это тоже съ точки зрѣнія любви христіанской имѣетъ извѣстную цѣнность. Тѣ огромныя суммы, которыя тратятся въ настоящее время на содержаніе учебныхъ заведеній, жалованіе преподающимъ, учебныя пособія и проч., могли бы быть израсходованы, скажемъ, на улучшеніе матеріальныхъ условій жизни рабочихъ, но вѣдь еще вопросъ, въ чемъ они больше нуждаются—въ просвѣщеніи или въ хлѣбѣ? „Не о хлѣбѣ единымъ живъ будетъ человѣкъ“. Левъ Толстой въ своемъ произведеніи: „Что такое искусство?“ указываетъ на тѣ труды, которыхъ стоитъ оно обществу. Но мнѣ думается, что и искусство въ общемъ благо, а не зло. Возьмемъ хотя бы Третьяковскую галерею. Для того, чтобы могла существовать она, пришлось потратить много денегъ и трудовъ, но развѣ эти труды были совершенно бесполезны? Развѣ лучше было бы, если бы нѣсколько тысячъ человѣкъ питались, вмѣсто картофеля и хлѣба, мясомъ; а этой сокровищницы не существовало? Теперь посетители галлерей (а въ десятки-то лѣтъ въ ней перебивали сотни тысячъ) всякій разъ испытываютъ высшее наслажденіе, дающее имъ отдыхъ отъ мелкихъ заботъ и непріятностей. Этого мало. Картины

пробуждаютъ въ нихъ добрыя чувства, дѣлаютъ душу болѣе мягкой, сообщаютъ болѣе идеальное направленіе всей ихъ жизни. И мнѣ совершенно непонятно, почему, собирая эти картины, братья Третьяковы, несомнѣнно богатые люди, проявляли меньше любви къ ближнимъ, чѣмъ если бы они ходили по улицамъ и площадямъ и непосредственно раздавали деньги голоднымъ, не имѣющимъ крова и одежды. Почему, удовлетворяя потребность нуждающихся въ пищѣ, одеждѣ и т. д., я поступаю по христіански, а заботясь объ умноженіи эстетическихъ и подобныхъ радостей—вопреки Евангелію?

II) Соглашаясь далѣе, съ тѣмъ, что человѣческое сознаніе всегда признавало и признаетъ цѣнность любви, правдивости, честности, великодушія, самоотверженія, В. И. Экземплярскій замѣчаетъ: „конечно, все это признается хорошимъ и въ христіанствѣ. Но дѣло въ томъ, что христіанство не останавливается въ этомъ случаѣ на уровнѣ естественныхъ религій и философскихъ ученій, но идетъ безмѣрно дальше ихъ, какъ и Самъ Христосъ не разъ говорилъ... Блаженства евангельскія являются возвѣщеніемъ совершенно новаго взгляда на жизнь и жизненные отношенія, такого взгляда, который былъ неприемлемъ для огромнаго большинства современниковъ Христовыхъ, какъ неприемлемъ и въ наше время“.

Что христіанство идетъ дальше естественныхъ этическихъ ученій—это безспорно. Но оно идетъ дальше и ветхаго завета. Въ нагорной проповѣди Христосъ, повидимому, устанавливаетъ противоположность Своего ученія не только язычеству, но и іудейству. „Вы слышали, что сказано древнимъ... а Я говорю Вамъ“. А между тѣмъ *полной* противоположности новозавѣтнаго закона ветхозавѣтному допустить нельзя, такъ какъ виновникъ того и другого одинъ и тотъ же Богъ, Который не могъ въ одно время называть добромъ то, что стало зломъ въ другое время, не могъ противорѣчить Самому Себѣ. Въ какомъ смыслѣ надобно понимать новизну евангельскаго закона, это всего яснѣе видно изъ словъ Спасителя: „заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга, какъ Я возлюбилъ васъ“ (Іоанн. 13,34). Мы знаемъ, что заповѣдь о любви была известна и въ ветхомъ заветѣ. Если теперь она возвѣщается какъ новая заповѣдь, то не

со стороны содержанія, а въ виду того, что для нея указываются новыя основанія, что она расширяется въ своемъ объемѣ, а главное, что предъявляется требованіе ея безпредѣльности. Христосъ говорить: „люби безъ конца, не останавливайся въ любви ни на какой точкѣ, люби всѣхъ ближнихъ и дальнихъ, люби враговъ, люби до готовности жизнь свою положить за другихъ“. *Безпредѣльность въ любви*— вотъ то новое, что находимъ мы въ Евангеліи по сравненію не только съ естественными этическими ученіями, но и съ ветхозавѣтною моралью. Но между безпредѣльностью любви и осуществленіемъ ея въ тѣхъ именно формахъ, какія указаны Христомъ лишь для примѣра, нѣтъ необходимой связи. Можно по буквѣ быть вѣрнымъ Евангелію и безъ особенной любви къ ближнимъ (припомнимъ хотя бы слово ап. Павла: „если я раздамъ все имѣніе мое, а любви не имѣю, нѣтъ мнѣ въ томъ никакой пользы“ и сопоставимъ ихъ съ совѣтомъ Господа богатому юношѣ: „если хочешь быть совершеннымъ, пойди, продай имѣніе твое и раздай нищимъ“), можно и при истинно христіанской любви къ ближнимъ выразить ее въ культурномъ служеніи обществу, хотя бы такимъ образомъ и пришлось нарушить букву Евангелія. Основная идея, образно раскрываемая въ нагорной проповѣди та, что любовь наша должна быть готова на всякія жертвы, поскольку онѣ дѣйствительно требуются ею. Если бы даже пришлось подставить другую щеку обидчику, отдать послѣднюю одежду нищему, то и предъ этимъ не нужно останавливаться. Но это не значитъ, что всегда слѣдуетъ подставлять щеку ударившему, всегда давать просящему. Вѣдь въ нѣкоторыхъ случаяхъ для насъ ясно бываетъ, что буквально исполняя евангельскія заповѣди мы нарушаемъ законъ любви. Христіанинъ долженъ подставить другую щеку ударившему только въ томъ случаѣ, если онъ убѣжденъ, что это благотворно подѣйствуетъ на него. Но если онъ увѣренъ въ противномъ, если для него ясно, что подставивъ обидчику щеку, онъ увеличиваетъ наглость и злобу, подрываетъ въ обществѣ чувство законности, убѣжденіе въ правотѣ и неприкосновенности человѣческой личности, то онъ долженъ оказать энергичное противодѣйствіе злу¹⁾.

¹⁾ В. И. Экземплярскій готовъ согласиться съ тѣмъ, что частныя примѣры въ нагорной проповѣди имѣютъ ограниченное зна-

В. И. Экземплярскій по поводу моихъ словъ: „не трудно видѣть, что именно во имя любви мы иногда обязаны бываемъ отказать просящему“, пишетъ: „для меня лично не только трудно, но просто невозможно увидать это послѣ категорическаго завѣта Господа „всякому просящему у тебя дай“ (Лук. VI, 30).

Но вѣдь такой же категорическій завѣтъ Господа содержится и въ словахъ: „если глазъ твой соблазняетъ тебя, вырви его“ (Мрк. 10,47), „не заботьтесь о завтрашнемъ днѣ“ (Мѡ. 6,34), „если кто не возненавидитъ отца своего, и матери, и жены, и дѣтей, и братьевъ и сестеръ,... тотъ не можетъ быть Моимъ ученикомъ“ (Лук. 14,27). Но неужели дѣйствительно человѣкъ, возненавидѣвшій своихъ ближайшихъ родственниковъ, не желающій заботиться о томъ, что завтра будутъ ѣсть его жена и дѣти и т. д.—уразумѣль подлинный смыслъ Евангелія? А если эти выраженія можно понимать небуквально, условно, въ ограничительномъ смыслѣ, то почему не стать на ту же точку зрѣнія и при толкованіи всей нагорной проповѣди. Въ частности, если бы мы никому никогда не отказывали ни въ какой просьбѣ, то должны были бы совершать дѣйствія явно безнравственныя и преступныя. Вѣдь у насъ могутъ просить револьверъ, чтобы кого нибудь убить, яду, чтобы отравиться, денегъ на водку, на посѣщеніе публичнаго дома, на „оружіе социаль-революціонной партіи“, на печатаніе погромныхъ листовъ, призывающихъ къ избіенію интеллигенціи и евреевъ (все это на самомъ дѣлѣ было въ 1906/7 году). Знакомый вамъ молодой человѣкъ, лѣнтяй и прожигатель жизни, давно уже освободившій себя отъ всякихъ моральныхъ критеріевъ, съ презрѣніемъ относящійся къ честной трудовой жизни, при-

ченіе, не обнимаютъ всей христіанской практики. Если сказано подставить щеку ударившему въ одну, то это лишь частное примѣненіе общаго закона: не противься злему“.

По моему мнѣнію, примѣры нагорной проповѣди имѣютъ ограниченное значеніе не въ томъ только смыслѣ, что они не обнимаютъ всей христіанской практики (это понятно само собою: насъ могутъ ударить и не въ щеку, а на примѣръ, въ голову, просить у насъ не одежды, а пищи), а и въ томъ, что они именно суть *примѣры*, выражающіе извѣстную мысль, указывающіе на то, какъ слѣдуетъ поступать въ большинствѣ случаевъ, а не на то, что должно дѣлать всегда.

сылаетъ вамъ нахальное письмо съ требованіемъ денегъ. Вы хорошо его знаете, извѣстно вамъ и то, на что нужны ему деньги—на кутежи, на карточную игру и проч. Неужели вы должны исполнить его просьбу? Не будетъ ли это исполненіе просьбы противно во 1) любви къ нему, заботѣ о его *дѣйствительномъ* благѣ, во 2) любви къ другимъ людямъ. Вѣдь тѣ же самыя деньги завтра потребуются вашему сыну уже не на кутежъ, а на сапоги или на книги, потребуются вамъ самимъ, чтобы помочь дѣйствительно нуждающимся. Примѣромъ величайшей по силѣ и самоотверженію любви можетъ служить любовь материнская. Но мать далеко не всегда исполняетъ всякую просьбу дитяти. Она отказывается удовлетворять такія его желанія, исполненіе которыхъ безнравственно, вредно для самого ребенка или для другихъ дѣтей. Мы не можемъ согласиться даже и съ тою мыслью В. И. Экземплярскаго, что никому никогда не слѣдуетъ отказывать въ ласковомъ словѣ. Бываютъ такіе моменты въ жизни человѣка, когда сказать ему ласковое слово было бы преступленіемъ, когда лаской мы выразили бы ему сочувствіе въ томъ, что заслуживаетъ негодованія: бываютъ такія положенія, когда нашимъ нравственнымъ долгомъ является не ласковое, а грозное, обличительное и негодующее слово. И Самъ Христосъ не былъ ласковъ по отношенію къ книжникамъ и фарисеямъ, а беспощадно обличалъ ихъ, хотя и зналъ, что это обличеніе не будетъ для нихъ пріятно.

В. И. Экземплярскій не соглашается съ тѣмъ, что въ нагорной проповѣди мы имѣемъ рядъ иллюстрацій и конкретныхъ примѣровъ. Это, по его мнѣнію,—„положительныя заповѣди, обязательность которыхъ долженъ въ своей совѣсти признать каждый, называющій Господа Учителемъ. Слова Христовы—духъ и жизнь, и едва ли значить не понимать смысла евангельскихъ изреченій, если настаивать на необходимости благоговѣйнаго отношенія къ самому слову Евангелія, если угодно, къ самой буквѣ его“.

И я согласенъ съ тѣмъ, что для насъ обязательно уваженіе къ Евангелію даже по буквѣ, но въ какомъ смыслѣ? Въ томъ же, въ какомъ обязательно для насъ съ благоговѣніемъ относиться даже и къ самой книгѣ Евангелія, къ той бумагѣ, на которой начертаны священные глаголы. Если бы, напримѣръ, мы стали кощунственно приводить еван-

гельскія изреченія шутки ради въ обыкновенномъ разговорѣ,—это было бы проявленіемъ нашего неуваженія къ Евангелію, Но благоговѣйное отношеніе къ Евангелію вовсе не требуетъ того, чтобы его буквально понимали и исполняли. Это было бы буквоѣдство, номистическое отношеніе къ закону, отвлеченно-формалистическая точка зрѣнія, столь ненавистная Христу. Сказано—значить нечего разсуждать, а надо исполнять—вотъ вѣдь въ сущности та почва, на которой стоятъ защитники буквального пониманія Евангелія. А между тѣмъ для того и данъ намъ „свѣтъ разума“, чтобы понимать смыслъ сказаннаго, судить, почему такъ сказано, а не иначе, съ какою цѣлью и т. д. Самъ Христосъ ученіемъ и примѣромъ Своимъ показалъ намъ, что нельзя буквально понимать Его нагорной проповѣди. Онъ, сдѣлавъ бичъ изъ веревокъ, изгналъ мѣновщиковъ изъ храма, деньги ихъ рассыпалъ и столы опрокинулъ (Іоанн. 2, 15), Онъ уклонялся отъ враговъ Своихъ, хотѣвшихъ Его убить (Лук. 4, 13; 7, 1),—слѣдовательно, противился злу, Онъ грозно обличалъ книжниковъ и фарисеевъ, называя ихъ „безумными и слѣпыми“, „окрашенными гробами“, „исполненными лицемѣрія и беззаконія“, „зміями и порожденіями ехидны“ (Мѣ. 23, 24, 27, 28, 33, 35), не подставилъ другой щеки, тогда слуга первосвященника ударилъ Его по ланитѣ (Іоанн. 18, 22—23). Апостолы понимали, конечно, духъ ученія Христова. Но они противились злу (Дѣян. 5, 5, 10; 13, 10—11; 17, 37; 23, 3), допускали частную собственность (Дѣян. 5, 4), учили о повиновеніи властямъ (Рим. гл. 13).

В. И. Экземплярскій указываетъ на то, что буквально понимали нагорную проповѣдь древніе учителя Церкви. Соглашаюсь съ тѣмъ, что большинство изъ нихъ *склонялось* къ такому ея пониманію. Однако же нельзя утверждать, чтобы для нихъ этотъ вопросъ былъ разрѣшенъ окончательно и безповоротно. Не правильнѣе ли будетъ предположить, что и для древняго церковнаго сознанія данная проблема была, какъ и для насъ, проблемою. Въ святоотеческой литературѣ не мало найдется такихъ мыслей, которыя стоятъ если не въ прямомъ, то въ косвенномъ противорѣчьи съ буквальнымъ пониманіемъ Евангелія (таковы, напримѣръ, мысли о необходимости государства, о правѣ суда наказывать преступниковъ, о совмѣстимости христіанства съ воен-

ной службой и т. п.), предъявляется не мало такихъ требованій, которыя были бы невозможны, если бы весь тогдашній строй жизни осуждался цѣликомъ, а онъ осуждался бы цѣликомъ, отъ него не осталось бы камня на камень, если бы нагорную проповѣдь понимать буквально. Затѣмъ, хотя при рѣшеніи тѣхъ или иныхъ вопросовъ христіанской нравственности сознание первенствующей Церкви, по понятнымъ причинамъ, имѣетъ преимущественную цѣнность, но нельзя отрицать всякой цѣнности и за церковнымъ сознаниемъ послѣдующихъ вѣковъ. А въ послѣдующіе вѣка, если не имѣтъ въ виду рѣдкихъ исключеній, вся церковь—іерархія и міряне—и вся богословская наука были противъ буквального пониманія нагорной проповѣди. Толстой остался почти одинокимъ съ своимъ ученіемъ о непротивленіи злу въ цѣломъ мірѣ, да и онъ всею своею жизнью доказалъ, что это ученіе было для него лишь теоріей. И въ числѣ идейныхъ противниковъ Толстого можно указать не однихъ лишь богослововъ, приспособляющихъ свою мысль къ оправданію валичной дѣйствительности, а и многихъ искреннихъ и горячихъ поборниковъ правды.

По мнѣнію В. И. Экземплярскаго, „любовь не можетъ дѣйствовать мѣрами насилія“. Но неужели никогда? А по отношенію къ ребенку, къ душевно-больному? Неужели въ извѣстномъ примѣрѣ, приводимомъ у Вл. Соловьева въ „Трехъ разговорахъ“, отецъ для спасенія дочери не только не можетъ убить злодѣя (съ этимъ еще можно соглашаться), но и схватить его за руку и остановить, оттолкнуть въ сторону и т. д. Неужели, если мы пассивно взираемъ на то, какъ разбойникъ убиваетъ человѣка, мы проявляемъ больше любви къ нему и къ его жертвѣ, нежели въ томъ случаѣ, когда силою удерживаемъ его отъ преступленія? Не правильнѣе ли согласиться съ тою мыслью, что физическое насиліе есть нѣчто этически нейтральное, получающее ту или иную цѣнность въ зависимости отъ того, на что направлено оно. „Насиліе—пишетъ проф. А. Ѳ. Гусевъ—было бы зломъ только въ томъ случаѣ, если бы физическая сила, какъ физическая, была зломъ непременно. Но... какъ всякій другой поступокъ нашъ, такъ и насиліе само по себѣ, въ качествѣ голаго факта, ни нравственно, ни безнравственно а становится таковымъ или инымъ въ нравственномъ отно-

шеніи, смотря по мотивамъ, способамъ и цѣли его совершенія. Коль скоро насиліе совершается по добрымъ побужденіямъ, не сопровождается озлобленіемъ и местию и имѣетъ цѣлью благо людей, то оно не только можетъ, но и должно быть названо хорошимъ въ нравственномъ отношеніи со стороны лица, вынужденнаго къ нему“. („О сущности религіозно-нравственнаго ученія Л. Н. Толстого“, Казань, 1902 г. стр. 384). „Мы полагаемъ, онъ (Л. Толстой) не ограничился бы однимъ словеснымъ отказомъ и увѣщаніемъ злодѣевъ, если бы они насильно влагали ему въ руки пукъ зажженной лучины и тащили его съ ней въ темную ночь къ легко воспламеняющемуся деревянному дому“ (ibid. стр. 360). Все это мысли избитыя въ нашей богословской литературѣ, но вслѣдствіе этого онѣ не перестаютъ быть истинными¹⁾.

Наблюдая жизнь, убѣждаешься въ томъ, что зло растетъ и забираетъ силу главнымъ образомъ потому, что не встрѣчаетъ себѣ энергичнаго противодѣйствія. Оно въ такомъ случаѣ чувствуетъ подъ собою почву, высоко подымаетъ голову, наглѣетъ и начинаетъ давить слабыхъ и смиренныхъ. Темныя силы, по справедливому замѣчанію Джемса, систе-

¹⁾ Невольно припоминается здѣсь сцена изъ „Трехъ разговоровъ“ Вл. Соловьева. Г. З. говоритъ о позволительности даже убійства въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Князь отвѣчаетъ ему: „Вы разумѣете тотъ знаменитый случай, когда въ пустынномъ мѣстѣ какой-нибудь отецъ видитъ разъяреннаго мерзавца, который бросается на его невинную дочь, чтобы совершить надъ нею гнусное злодѣяніе, и вотъ несчастный отецъ, не имѣя возможности иначе защитить ее, убиваетъ обидчика. Тысячу разъ слыжалъ этотъ аргументъ“. „Замѣчательно, однако, не то, что вы тысячу разъ его слышали, — возражаетъ Г. З., — а то, что никто ни разу не слыжалъ отъ вашихъ единомышленниковъ дѣланнаго или жоть сколько-нибудь благовиднаго возраженія на этотъ простой аргументъ. И ни въ „Трехъ разговорахъ“, ни вообще гдѣ бы то ни было до сихъ поръ не дано вполнѣ удовлетворительнаго отвѣта на вопросъ о томъ, какъ надобно поступать въ подобныхъ случаяхъ. Въ доказательство того, что буквальное пониманіе словъ Спасителя: „не противься злему“ ведетъ къ поступкамъ, противнымъ любви къ людямъ, приводились неопровержимые аргументы и никто изъ защитниковъ непротівленія злу не ослабилъ ихъ силы, никто — даже и самъ Толстой. Обыкновенно въ такомъ случаѣ уклоняются отъ вопроса, даютъ отвѣтъ не на него, а лишь на другіе сходные съ нимъ вопросы, или же въ худшемъ случаѣ (и это бываетъ) обвиняютъ противниковъ въ недобросовѣстности, въ желаніи „приспособиться“ и т. д.“

матически пользуются добродѣтелями непротивленія для своихъ цѣлей. Обратимъ при этомъ вниманіе на слѣдующій фактъ. Хотя по требованіямъ логики отъ дѣйствительности нельзя дѣлать перехода къ необходимости особенно въ нравственной области—но психологически дѣло обстоитъ иначе. Какъ признаетъ это и В. И. Экземплярскій, человѣкъ примирятся обыкновенно съ силою факта, какъ бы онъ ни былъ возмутителенъ и ненормаленъ. „Это всегда было и есть, значитъ такъ и должно быть“—вотъ обычная логика большинства. Съ этой точки зрѣнія, непротивленіе злу во всѣхъ безъ исключенія случаяхъ, можетъ оказывать прямо таки развращающее вліяніе на общество. „Съ нимъ не борятся, ему подчиняются, предъ нимъ пасуютъ,—значитъ оно есть нѣчто должное и цѣнное“,—вотъ впечатлѣніе, которое можетъ получиться у многихъ. Наоборотъ, если бы всякое дѣйствительное зло немедленно встрѣчало себѣ энергичное противодѣйствіе, оно дискредитировалось бы въ человѣческомъ сознаніи и въ такомъ случаѣ у людей отпадала бы охота творить его. Достоевскій лучше другихъ понималъ подлинный смыслъ Евангелія (въ данномъ пунктѣ я согласенъ съ В. И. Экземплярскимъ), но ему была совершенно чужда психологія непротивленія. Такъ, на примѣръ, онъ до глубины души возмущался оправдательными вердиктами присяжныхъ, видя въ нихъ потакательство преступникамъ и даже призывъ къ новымъ преступленіямъ. Вообще борьба со зломъ и осуществленіе добра неразрывно связаны между собою.

„Пока есть въ мірѣ голодные и холодные, до тѣхъ поръ христіанинъ не только не можетъ быть богатымъ, но и каждая копейка будетъ тяготить его душу сознаніемъ недостатка любви по отношенію къ нуждающимся“.

Да, если онъ будетъ беречь эту копейку для себя. Но человѣкъ можетъ смотрѣть на собственность, какъ на орудіе любви къ ближнимъ, выражая, однако-же, эту любовь не въ формѣ раздаванія своего имущества всѣмъ просящимъ, а и иными многоразличными способами. Въ настоящее время считается уже безспорной истиной, что непосредственная подача милостыни нищимъ—найхудшая изъ формъ благотворительности (см. объ этомъ, на примѣръ, статью Снигирева въ „Отдыхъ Христіанина“ за 1914 г. кн. 6). Она во 1) под-

держиваетъ институтъ нищенства, котораго при сравнительно нормальныхъ общественныхъ условіяхъ можетъ и не быть (всѣмъ способнымъ къ труду должна быть доставлена возможность трудиться, а неспособные должны быть предметомъ общественнаго призрѣнія: созданіе такого порядка вещей составляетъ одну изъ задачъ соціальной культуры), во 2) обогащаетъ не только дѣйствительно нуждающихся (истинное горе обыкновенно боязливо и скромно, оно не любитъ выставлять себя наружу), сколько наиболѣе лѣнивыхъ, безсовѣстныхъ, наглыхъ. Зная объ этомъ, богатый человѣкъ, даже и при наличности истинно христіанскаго настроенія, можетъ использовать свое имущество болѣе цѣлесообразно, принимая участіе въ организованной общественной благотворительности, жертвуя деньги на всевозможныя просвѣтительныя учрежденія и т. д. Этого мало. Я убѣжденъ, что въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ христіанская любовь можетъ побуждать человѣка, не отказываясь отъ своего состоянія, хотя бы и въ пользу тѣхъ или другихъ благотворительныхъ и просвѣтительныхъ учрежденій, самому распоряжаться имъ. Благоразумная мать, при всей своей любви къ дѣтямъ, можетъ и должна воздержаться отъ покупки имъ лакомствъ, если эти деньги необходимы на лѣкарства ей самой, такъ какъ она знаетъ, что *ея здоровье* составляетъ условіе ихъ *блага*. Нѣчто подобное бываетъ въ жизни и внѣ предѣловъ семьи. Этого вопроса я уже касался въ своей статьѣ: „Можетъ ли христіанинъ владѣть собственностью“ („На современныя темы“, Екатеринбургъ, 1909 г. стр. 46—56). „Если какой нибудь ученый или художникъ—писалъ я—лишится крова, необходимой пищи и одежды, то въ постоянныхъ заботахъ о кускѣ хлѣба онъ потеряетъ возможность художественнаго творчества, или плодотворной научной работы. Та польза, которую принесетъ онъ ближнимъ, раздѣливъ съ ними свое состояніе, ничтожна сравнительно съ тою, которою сталъ бы сопровождать его трудъ, непрерываемый житейскимъ попеченіемъ о предметахъ первой необходимости. Проникнутая нравственной идеей картина или машина, равная сотнямъ рабочихъ силъ, въ несравнимо большей степени могутъ способствовать человѣческому счастью, чѣмъ тѣ нѣсколько сотъ или тысячъ рублей, которые, будучи розданы неимущимъ, явятся каплей въ морѣ въ дѣлѣ борьбы

съ нищетою... Путемъ участія въ законодательной, научной, художественной и литературной дѣятельности можно принести несравнимо больше добра бѣдному, обездоленному люду, чѣмъ чрезъ непосредственную матеріальную помощь. А если быть дѣятелемъ во всѣхъ этихъ областяхъ въ силу условій жизни для 'человѣка' нельзя, не имѣя собственности, то онъ и не долженъ отказываться отъ послѣдней. Правда, ссылаясь на это, человѣкъ можетъ сдѣлать себѣ лазейку для того, чтобы владѣть состояніемъ по чисто эгоистическимъ соображеніямъ, но возможность злоупотребленія извѣстнымъ принципомъ никогда не можетъ свидѣтельствовать о несостоятельности его самого по себѣ.

III) По мнѣнію В. И. Экземплярскаго, „юрродство имѣетъ значеніе не одной изъ формъ осуществленія христіанскаго идеала, какъ, на примѣръ, монашество, но имѣетъ общеобязательное значеніе, точнѣе: является неизбѣжнымъ спутникомъ всякаго послѣдовательнаго проведенія христіанства въ жизнь“.

Если подъ „юрродствомъ“ разумѣть неограниченность любви, полноту самоотреченія, не останавливающагося ни предъ какими жертвами, то я согласенъ съ тѣмъ, что оно имѣетъ принципиальное значеніе въ христіанствѣ, предъ-являющемъ къ человѣку требованіе безконечнаго совершенствованія и, слѣдовательно, безконечной любви. Но такая безпредѣльность любви никогда не разсматривалась лучшими (по ап. Павлу „духовными“) людьми какъ глупость, чудачество, а наоборотъ всегда вызывала въ нихъ восхищеніе и преклоненіе, вызываетъ и до сихъ поръ. Христосъ не былъ юродивымъ въ историческомъ значеніи этого слова: какъ говоритъ В. И. Экземплярскій, образъ Его былъ гармониченъ. Этого мало. Христосъ производилъ впечатлѣніе огромной умственной силы и волевой мощи, впечатлѣніе величія и красоты. Образъ Спасителя даетъ полное удовлетвореніе не только нашему нравственному, но и эстетическому чувству. Характеръ Христа величавый и нравственно прекрасный: недаромъ предъ Нимъ преклоняются даже невѣрующіе, какъ, на примѣръ, Ренанъ. Въ глазахъ многихъ іудеевъ, не понимавшихъ Его ученія, Онъ казался безумцемъ и преступникомъ, но во 1) не юродивымъ, а во 2) высоко ли стояло умственное и моральное развитіе массъ народныхъ въ то

время? Да и не всѣ іудеи смотрѣли такъ на Іисуса: были у Него и послѣдователи, явные и тайные, были и тѣ, кто кричали Ему: „осанна!“ То же въ меньшей степени можно сказать и объ апостолахъ и обо всѣхъ тѣхъ праведникахъ, о которыхъ говоритъ ап. Павелъ въ II-ой главѣ посланія къ Евреямъ, и о чтимыхъ Церковью святыхъ. Іоаннъ Златоустъ и митроп. Филиппъ проявили такую мощь въ борьбѣ противъ господствовавшей въ то время злой силы, такую горячую любовь къ правдѣ, что называть ихъ юродивыми,—значило бы пользоваться терминомъ „юродство“ совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, какой теперь съ нимъ обычно соединяется. Оба святителя не были непротивленцами. Наоборотъ, главная заслуга ихъ заключалась въ томъ, что они энергично боролись со зломъ, отдали жизнь свою на эту борьбу. Но, скажетъ В. И. Экземплярскій, боролись словомъ, а не насиліемъ. На это отвѣтимъ: самое понятіе насилія трудно заключить въ опредѣленные рамки. И Іоаннъ Златоустъ, и митроп. Филиппъ оба энергично обличали сильныхъ міра сего, обличали настойчиво, грозно, зная, что вызываютъ въ обличаемыхъ гнѣвъ, страданія. По существу дѣла это было примѣненіемъ силы, хотя она и осуществлялась не мускулами рукъ, а мускулами, управляющими органами рѣчи. Психологія Златоуста и св. Филиппа противоположна непротивленческой психологіи, и было бы очень рискованно утверждать, что названные святители были исполнителями буквы Евангелія, что, на примѣръ, св. Филиппъ далъ бы свой жезлъ грозному царю, если бы онъ просилъ его для того, чтобы этимъ жезломъ ударить, а тѣмъ болѣе убить кого либо изъ бояръ.

В. И. Экземплярскій соглашается съ тѣмъ, что „это безуміе святителей—высшая сила и красота, высшая мудрость“, но никакъ не можетъ „смягчить той своей мысли“, что этого не признаетъ міръ, „что и теперь нужно въ смыслѣ апостольскаго ученія обезумѣть, чтобы жить по законамъ Божьяго Царства... Говоря коротко: безъ юродства нельзя быть христіаниномъ“.

Но развѣ „безуміе“ Златоуста, св. Филиппа и имъ подобныхъ не признается высшею мудростью, высшею силою и красотой всѣми лучшими людьми въ мірѣ? В. И. Экземплярскій какъ бы нарочно выбралъ такіе примѣры, изъ которыхъ видна справедливость моей мысли, что христіанское

ученіе, правильно понимаемое, можетъ казаться юродствомъ развѣ лишь человѣку, потерявшему всякую воспріимчивость къ доброму и прекрасному. Прежде всего для меня ясно, что названные святители, *поскольку это видно изъ ихъ дѣйствій*, энергично противились злу (а вѣдь съ точки зрѣнія буквального пониманія Евангелія, они нарушители его велѣній, ибо Христосъ *прямо сказалъ*: „не противься злему“, не добавивъ даже: „насильственными мѣрами“.) Затѣмъ, развѣ въ сознаніи современнаго общества имена Златоуста и митр. Филиппа не окружены ореоломъ славы, развѣ найдется кто либо изъ людей, не опустившихся до скотскаго состоянія, кто бы въ душѣ или на словахъ относился къ нимъ съ насмѣшкою и презрѣніемъ? Правда, чѣмъ дальше отодвигаются подобные праведники въ глубь вѣковъ, тѣмъ больше растеть ихъ слава, тѣмъ сильнѣе становится обаяніе ихъ личности, но было бы несправедливостью утверждать, что человѣчество нисколько не цѣнитъ тѣхъ, кто и въ настоящее время жертвуетъ собою ради какой либо высокой идеи, полагаетъ душу свою за други, отрекается отъ личнаго счастья ради блага другихъ. „Безумству храбрыхъ поемъ мы пѣсни“— и дѣйствительно всѣ мы преклоняемся предъ такимъ безумствомъ, которое имѣетъ характеръ самоотверженнаго подвига. Самое слово „безуміе“, если оно нѣсколько легкомысленно и употребляется свѣтскими людьми въ подобныхъ случаяхъ, не имѣетъ и тѣни порицательнаго оттѣнка. Это то безуміе, какое въ моральной области мыслится нами чѣмъ то среднимъ творческому вдохновенію или интуиціи въ области интеллектуально—эстетической. Но если самоотверженный подвигъ любви и называютъ иногда безуміемъ, „святымъ безуміемъ“ „прекраснымъ безуміемъ“, противоположнымъ „мѣщанскому благоразумію“, „срединной пошлости“, то никто не назоветъ его „юродствомъ“, смѣшнымъ и страннымъ чудачествомъ, вызывающимъ недоумѣніе.

Иное дѣло люди, буквально понимающіе нагорную проповѣдь и старающіеся по буквѣ исполнить ее. Такіе люди, представляющіе всегда щеку всякому оскорбителю, никому никогда не отказывающіе ни въ какой просьбѣ, не противящіеся злу во всѣхъ его видахъ, вырывающіе себѣ глаза при первомъ прелюбодѣйномъ движеніи въ своемъ сердцѣ, не заботящіеся о пищѣ для себя и для своей семьи на

завтра, отказывающіеся произнести клятву даже тогда, когда вслѣдствіе этого будетъ умерщвленъ кто либо изъ ихъ ближнихъ,—такіе люди (хотя они могутъ быть субъективно правы, если дѣйствуютъ по внутреннему убѣжденію) дѣйствительно могутъ считаться неразумными даже и истинно интеллигентными людьми. Но, по нашему мнѣнію, такое сужденіе о нихъ не будетъ неправильнымъ даже и съ высшей точки зрѣнія, такъ какъ дѣйствія ихъ, повидимому согласныя съ Евангеліемъ, могутъ стоять во внутреннемъ противорѣчій съ нимъ.

IV) По поводу своей мысли, что признаніе христіанства юродствомъ вредно въ апологетическихъ цѣляхъ, считаю нужнымъ замѣтить слѣдующее. Быть можетъ, я грубо выразился. *Въ общемъ* статьи В. И. Экземплярскаго о христіанскомъ юродствѣ и христіанской силѣ, по встрѣчающимся въ нихъ вдохновеннымъ и глубокимъ мыслямъ, по проникающему ихъ настроенію, захватывающему читателя, по ихъ безусловной искренности—я считаю *полезными* въ смыслѣ христіанизации современнаго общества. Но отъ той своей мысли, что проповѣдь необходимости буквального пониманія Евангелія и отрицательной цѣнности культуры скорѣе можетъ отталкивать современнаго интеллигента отъ христіанства, нежели привлекать къ нему, я отказаться не могу. Не могу отказаться и отъ той своей мысли, что терминъ „юродство“ выбранъ В. И. Экземплярскимъ не совсѣмъ удачно. Бѣдь онъ готовъ признать, что грязь и лохматья только историческія детали и существа дѣла не касаются, что „можно воее отрицать чисто христіанскую природу историческихъ юродивыхъ“, что „необходимость быть безумнымъ въ мірѣ Христа ради останется неизбѣжнымъ условіемъ христіанскаго совершенства, *въ какихъ бы различныхъ формахъ ни проявлялось это христіанское самоотреченіе*“ (курсивъ мой). Но если такъ, то почему именно „историческіе юродивые важны, какъ живыя иллюстраціи того, къ чему можетъ приводить прямое послѣдовательное проведеніе въ жизнь святой евангельской буквы“. Почему въ первой своей статьѣ В. И. Экземплярскій не рассматривалъ въ качествѣ такихъ иллюстрацій Іоанна Златоуста и св. Филиппа, образы которыхъ имѣютъ мало общаго съ образами историческихъ юродивыхъ. Скажите современному интеллигенту, не совсѣмъ еще погряз-

шему въ тинѣ грѣховной, что всякій истинный послѣдователь Христа долженъ быть такимъ, какъ ап. Павелъ, Златоустъ, Василій Великій, митроп. Филиппъ, и онъ, хотя почувствуетъ трудность христіанскаго подвига, но въ то же время умомъ и сердцемъ почувствуетъ его величіе. Иное впечатлѣніе получится у него въ томъ случаѣ, если ему сказать, что христіанинъ долженъ быть юродивымъ. Предъ героическими подвигами въ защиту добра и правды лучшіе представители современнаго общества преклоняются, тогда какъ съ терминомъ „юродство“ у большинства соединяются неблагопріятныя ассоціаціи, оскорбляющія эстетическое, а можетъ, и моральное чувство. ¹⁾

Въ заключеніе не могу не выразить своего недоумѣнія по поводу одного страннаго обстоятельства. В. И. Экземплярскій, повидимому, во 1) не полагаетъ никакого различія между культурою и бытомъ; во 2) ставитъ въ вину культурѣ то, что органически съ нею не связано и изъ нея не вытекаетъ, а или является случайностью современной жизни или имѣетъ свой корень не въ культурѣ, а въ иныхъ совсѣмъ факторахъ, отъ нея не зависящихъ.

„Говорить о юродствѣ Евангелія теперь—пишетъ онъ—можетъ быть и дѣйствительно нѣсколько необычно, даже рискованно. Христіанство вошло въ весь нашъ бытъ, но такъ вошло, что этого быта не преобразило, а какъ бы дополнило, украсило. Освящается въ Москвѣ ресторанъ—тамъ и духовенство служитъ молебенъ, ярмарка въ Кіевѣ—тоже батюшка спѣшитъ Богу помолиться.... Не было и нѣтъ недостатка въ учителяхъ, которые отъ имени Евангелія доказывали, что съ нимъ согласно все, что вошло, какъ законъ, въ бытъ нашъ,

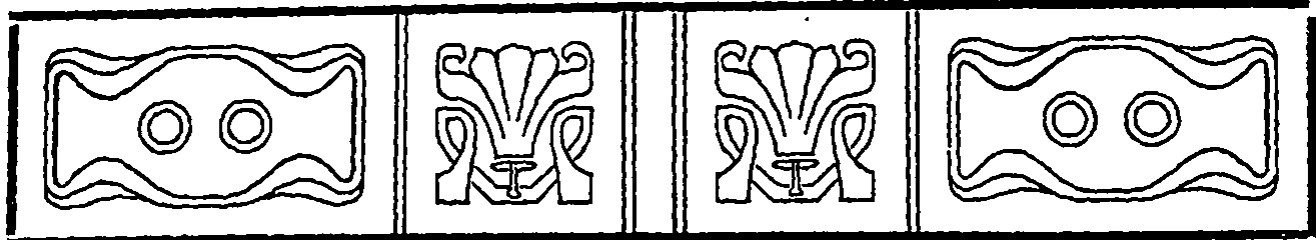
¹⁾ Утверждая это, я далеко отъ мысли отрицать значеніе и цѣнность подвига юродства, какъ одной изъ формъ осуществленія христіанскаго идеала, законной въ некоторыхъ исключительныхъ случаяхъ и лишь при извѣстныхъ бытовыхъ условіяхъ. Я знаю, что Церковь ублажаетъ нѣкоторыхъ историческихъ юродивыхъ, какъ святыхъ, и она имѣетъ, конечно, для этого основанія. Я констатирую лишь тотъ фактъ, что въ сознаніи современной интеллигенціи со словомъ „юродство“ соединяется представленіе не только о грязи и лохмотьяхъ, но и о такомъ поведеніи, которое граничитъ съ шутствомъ, фиглярствомъ. А причина этого обстоятельства, какъ писалъ я въ своей статьѣ о духовномъ совершенствѣ, заключается въ томъ, что на одного истиннаго юродиваго приходится нѣсколько юродивыхъ мнимыхъ.

что представляется основами современной культурной жизни“.

Я не принадлежу къ числу защитниковъ „во что бы то ни стало“ status quo современной церковной жизни. Не сочувствую ни тому, что религія иногда получаетъ у насъ декоративный характеръ по отношенію къ быту, ни тому, что богословіе наше временами оправдываетъ то, что заслуживало бы осужденія. Я менѣе всего готовъ считать нормальнымъ, на примѣръ то явленіе, что духовенство служить молебенъ предъ открытіемъ Московскаго „Яра“ (хотя ему, конечно, не безызвѣстно, что въ подобныхъ увеселительныхъ мѣстахъ обильно приносятся жертвы не только Бахусу, но и Венерѣ), или что во время пасхальной заутрени, въ ту великую свѣтозарную ночь, когда мы, по словамъ пѣсни церковной, должны обнять и назвать братьями другъ друга, въ соборахъ нѣкоторыхъ (не всѣхъ ли?) губернскихъ городовъ усиліями полиціи, на три аршина вокругъ генеральскихъ особъ и ихъ супругъ, образуется пустота, подчеркивающая и *здесь, въ храмѣ*, въ моментъ торжества Христовой вѣры и любви, ту пропасть, какая существуетъ между ними и обыкновенными смертными, не имѣющими ни красныхъ лентъ черезъ плечо, ни бѣлоснѣжныхъ балльных костюмовъ. Но мнѣ все же кажется, что высказанныя В. И. Экземплярскимъ благородныя и въ значительной мѣрѣ справедливыя мысли не доказываютъ того, что ему нужно доказать: антихристіанскаго характера современной культуры и необходимости объюродѣть въ мірскомъ смыслѣ, чтобы быть послѣдователемъ Евангелія. Можно искренно возмущаться тѣми явленіями, о которыхъ онъ говоритъ, и въ то же время цѣнить современную науку, искусство, промышленность, технику и т. д. Съ другой стороны, отрицательное отношеніе ко всему этому, борьба со всѣмъ этимъ, хотя бы она и влекла за собою преслѣдованія и гоненія со стороны власти имущихъ, никому изъ современной интеллигенціи не покажется юродствомъ, не вызоветъ насмѣшекъ и презрѣнія.

Павелъ Левитовъ.

О Ч Е Р К Ъ ЖИЗНИ И ДѢЯТЕЛЬНОСТИ МАКАРІЯ (Булгакова),

Митрополита Московскаго и Коломенскаго.

(19 сент. 1816—1916).

(Продолженіе*).

Переходя отъ постановки учебно-воспитательнаго дѣла въ Харьковской духовной Семинаріи до реформы, послѣдовавшей въ 1867 году, къ ознакомленію съ другими сторонами въ ней—административною и экономическою,—мы можемъ сказать, что въ этихъ частяхъ недостатки были еще болѣе ощутительны, какъ объ этомъ заключалъ преосвящ. Макарій, впрочемъ, не столько по непосредственному личному наблюденію, сколько по канцелярскому письменному дѣлопроизводству.

Уже въ началѣ своего управленія Харьковскою епархіею Преосв. Макарій сталъ замѣчать крайнюю медленность и несправность въ веденіи дѣлъ Семинарскаго Правленія: самыя срочныя дѣла иногда исполнялись чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, по истеченіи законнаго срока. Такъ, прошенія учениковъ о принятіи ихъ въ Семинарію, поданныя въ началѣ сентябрьской трети 1863 г., были разсмотрѣны Правленіемъ Семинаріи только въ концѣ этой трети. Журнальное постановленіе объ увольненіи отъ должности учителя иконописанія Полова и объ опредѣленіи на его мѣсто Степанова, утвержденное въ 1861 году, вслѣдствіе замедленія хода тайствъ о дѣлѣ предъ высшимъ начальствомъ, по винѣ Правленія Семинаріи, оставалось безъ исполненія около 2-хъ

*) См. ж. № 1 „Вѣра и Разумъ“ за 1917 г.

лѣтъ. Въ то же время внезапная ревизія, произведенная особою комиссіею, назначенною Преосв. Макаріемъ, открыла много беспорядковъ въ Харьковской Семинаріи и по экономической части, даже съ растратою значительной денежной суммы. Эти и многіе другіе недостатки, послѣ нѣкоторыхъ предварительныхъ мѣръ къ устраненію ихъ, послужили причиною увольненія отъ должности ректора Семинаріи, архимандрита Агапита ¹⁾ и назначенія на его мѣсто архимандрита Веніамина (Платонова), бывшаго до этого времени инспекторомъ Казанской Духовной Академіи. При новомъ ректорѣ установился порядокъ въ административной части Семинаріи, чѣмъ, впрочемъ, обязана была Семинарія не столько своему новому начальнику, который, по справедливому замѣчанію профессора Знаменскаго, не чувствовалъ особенной расположенности къ административной дѣятельности, сколько новымъ условіямъ въ организаціи Правленія, вскорѣ наступившимъ при реформѣ духовно-учебныхъ заведеній. Преосвященный Макарій, какъ уже намъ извѣстно, вслѣдствіе поручаемыхъ ему высшимъ начальствомъ ревизій духовно-учебныхъ заведеній, еще тогда, когда состоялъ инспекторомъ Петербургской Дух. Академіи, пришелъ къ сознанию необходимости ихъ радикальнаго преобразованія. Потому онъ былъ однимъ изъ первыхъ іерарховъ, сочувственно отнесшихся къ открывшимся правительственнымъ начинаніямъ въ реформированіи духовно-учебныхъ заведеній. При этомъ выяснилось, что скорѣе другихъ будутъ пре-

1) Хотя архим. Агапитъ былъ во многомъ неправъ, но едва ли онъ могъ нести полную отвѣтственность за медленность дѣлопроизводства. Канцелярское дѣлопроизводство въ Харьковской д. Семинаріи задерживалось не по винѣ ректора, а скорѣе по винѣ секретаря А. П. Черняева, который относился къ своимъ обязанностямъ безпечно и, между прочимъ, дошелъ до того, что сталъ поручать чтеніе ученическихъ опытовъ лучшимъ товарищамъ ихъ. Помню такой случай. Накопилось большое число сочиненій по словесности, не читанныхъ преподавателемъ. Между тѣмъ наступали экзамены, къ началу которыхъ сочиненія должны были сданы ихъ авторамъ. Тогда профессоръ призвалъ къ себѣ меня и Фенева, бывшаго впоследствии, по окончаніи курса въ Петербургскомъ филологическомъ институтѣ, инспекторомъ гимназій въ Уфѣ, и поручилъ исправленіе сочиненій, послѣ чего наскоро писалъ свои рецензіи. Наше положеніе неподготовленныхъ критиковъ было щекотливое, но мы принуждены были взяться не за свое дѣло.

образованы по новому уставу духовно-учебныхъ заведеній тѣхъ епархій, которыя примутъ рѣшительныя мѣры къ улучшенію ихъ матеріальнаго быта мѣстными средствами. Потому Преосв. Макарій сталъ энергично заботиться объ изысканіи такихъ средствъ. Но это дѣло потребовало немало времени и особыхъ усилій, пока не закончилось желаннымъ успѣхомъ. Въ 1865 году, по распоряженію преосвященнаго Макарія, назначено было двѣ коммисіи изъ представителей училищнаго и епархіальнаго вѣдомства для изысканія средствъ къ улучшенію матеріальнаго быта духовно-учебныхъ заведеній, изъ которыхъ одна должна была опредѣлить существенныя нужды заведеній и указать средства, необходимыя для ихъ удовлетворенія, а другая—должна была указать источники, изъ которыхъ могли быть заимствованы необходимыя средства. Заключение Коммисіи были переданы преосв. Макаріемъ на обсужденіе Харьковской духовной консисторіи и составленіе проекта о способахъ для достиженія намѣченной цѣли. Консисторія, по окончательномъ опредѣленіи необходимыхъ денежныхъ суммъ, признала возможнымъ составить ихъ путемъ отчисленія извѣстной части отъ всѣхъ церковныхъ доходовъ и сборовъ спеціально въ пользу духовно-учебныхъ заведеній,—въ частности, предназначить для этого остатки кошелековыхъ и кружечныхъ суммъ, а также излишекъ прибылей отъ продажи свѣчей. Проектъ, выработанный Консисторіею, былъ препровожденъ преосв. Макаріемъ въ Св. Синодъ и былъ одобренъ, но фактически могъ быть осуществленъ, по выраженію общаго согласія съ нимъ и участія всего Харьковскаго епархіальнаго духовенства. Преосв. Макарій 1-го марта 1866 года обратился съ горячимъ воззваніемъ къ духовенству своей епархіи, указывая на то, что теперь исключительно отъ него зависитъ улучшеніе матеріальнаго быта тѣхъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ нѣкогда воспитывалось оно и воспитываются его дѣти, а также улучшеніе содержанія тѣхъ почетныхъ лицъ, которыя трудятся надъ воспитаніемъ и образованіемъ дѣтей духовенства и приготовленіемъ достойныхъ пастырей для епархіи. Въ заключеніи этого воззванія говорилось: „Исполняя волю Св. Синода и желаніе собственнаго сердца, я не только приглашаю васъ, возлюбленные о Господѣ отцы и братія, но и усерднѣе, прошу выразить Ваше

живое сочувствіе тому, что такъ близко каждому изъ васъ и такъ дорого для всей нашей епархіальной церкви, и отозваться полнымъ согласіемъ на мое пастырское воззваніе“. Все духовенство Харьковской епархіи, за исключеніемъ трехъ причтовъ, съ полнымъ сочувствіемъ откликнулось на зовъ своего архипастыря. Были и такіе церковные причты, которыя къ опредѣленной епархіальнымъ начальствомъ цифрѣ годового взноса прибавляли извѣстную сумму отъ себя, а иные, находя средства своихъ церквей недостаточными, рѣшили давать опредѣленную сумму изъ своихъ собственныхъ средствъ. Когда было доложено Государю Императору объ успѣшныхъ результатахъ, достигнутыхъ Преосв. Макаріемъ въ изысканіи средствъ къ улучшенію духовно-учебныхъ заведеній, то Государь Императоръ 12 дек. 1866 года объявилъ архіепископу Макарію свою благодарность за архипастырскія заботы о духовно-учебныхъ заведеніяхъ ввѣренной ему епархіи.

Благодаря изысканнымъ епархіальнымъ средствамъ, возвышены были оклады лицъ, служащихъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ Харьковской епархіи, а также тѣ суммы, которыя предназначались на содержаніе воспитанниковъ, кромѣ, впрочемъ, предназначенныхъ на содержаніе семинарскихъ и училищныхъ зданій. Преосвященный Макарій всегда заботился о томъ, чтобы зданія духовно-учебныхъ заведеній своей епархіи привести въ возможно лучшій видъ. Такъ въ 1860 году въ Семинаріи были устроены амосовскія печи и для больныхъ заведена была домашняя аптека. Въ 1865 году были капитально отремонтированы главный семинарскій корпусъ и два флигеля. Въ 1867 году, въ виду приспособленія семинарскаго корпуса къ требованіямъ новаго устава, устроено было особое зданіе для больницы, такъ какъ прежнее помѣщеніе больницы въ главномъ семинарскомъ корпусѣ, рядомъ съ другими ученическими помѣщеніями, было неудобно въ гигиеническомъ отношеніи. Независимо отъ этого, сдѣланы были и другія поправки въ семинарскомъ корпусѣ, вмѣстѣ съ улучшеніемъ внутренней обстановки, на что было израсходовано до 10.165 рублей. Зданія Харьковскаго духовнаго училища были отремонтированы въ 1860 и въ 1861 годахъ. Когда же оказалось необходимымъ приспособить эти зданія къ требованіямъ Новаго Устава, то послѣдовали

такого рода улучшенія: классы были перенесены изъ нижняго въ верхній этажъ главнаго корпуса, произведены были значительныя передѣлки въ больницѣ и въ главномъ корпусѣ. Занятныя комнаты были отдѣлены отъ классовъ и отъ спальни, съ принятіемъ мѣръ къ лучшей вентиляціи всѣхъ ученическихъ помѣщеній.

Въ Ахтырскомъ духовномъ училищѣ послѣдовала въ 1866 году перестройка того корпуса, въ которомъ помѣщались: столовая, кухня и другія службы. Зданія Купянскаго духовнаго училища были капитально отремонтированы въ 1861 году на сумму въ 3000 р., собранную путемъ добровольныхъ пожертвованій; въ то же время все училищное зданіе было передѣлано внутри. Въ 1868 году былъ перенесенъ домъ, пожертвованный купянскими гражданами, на училищную усадьбу, купленъ также другой домъ, и всѣ училищныя зданія приспособлены къ требованіямъ Новаго Устава. Заслуживаетъ вниманія, что улучшение семинарскихъ зданій происходило на средства, отпускаемыя Св. Синодомъ, а ремонтровки въ училищахъ происходили на епархіальныя средства, при чемъ духовенство Харьковской епархіи, руководимое Преосв. Макаріемъ, во всѣхъ улучшенияхъ принимало самое живое участіе.

Благодаря именно такому отношенію духовенства къ учебнымъ заведеніямъ Харьковской епархіи, возбуждаемому и поддерживаемому преосв. Макаріемъ, послѣдовало полное преобразование ихъ въ 1867 году; тогда какъ въ другихъ епархіяхъ это преобразование послѣдовало гораздо позже. Въ административной части было важно усложненіе управленія заведеніемъ, вслѣдствіе привлеченія къ участию въ качествѣ членовъ Правленія, кромѣ начальствующихъ лицъ, большинства преподавателей и представителей отъ духовенства, избранныхъ посредствомъ баллотировки. Между тѣмъ какъ до реформы всѣми дѣлами духовно-учебныхъ заведеній завѣдывали только начальствующія лица, съ секретаремъ и экономомъ, теперь организованы были педагогическое и распорядительное собранія, въ которыхъ активное участіе въ обсужденіи дѣлъ стали принимать члены Правленія изъ преподавателей и духовенства. При самой организаціи новыхъ порядковъ послѣдовало большое оживленіе въ средѣ корпорацій заведеній, вслѣдствіе выборовъ чле-

новъ собраній—педагогическаго и экономическаго. Еще большее оживленіе проявлялось въ рѣшеніи различныхъ вопросовъ. Преосвящ. Макарій внимательно слѣдилъ за рѣшеніемъ дѣлъ въ собраніяхъ, наблюдая за тѣмъ, чтобы они были согласны если не съ буквальными требованіями новаго устава, то съ его духомъ, по тѣмъ вопросамъ, которые еще не были рѣшены опредѣленно уставомъ, хотя Преосвященнымъ Макаріемъ утверждались обыкновенно тѣ рѣшенія, къ которымъ склонялось большинство голосовъ въ Собраніяхъ, но нерѣдко Преосвященный дѣлалъ перевѣсъ и частнымъ отдѣльнымъ мнѣніямъ. Такъ, при рѣшеніи вопроса о способѣ занятія вакантныхъ кафедръ изъ среды наличныхъ преподавателей, преосв. Макарій призналъ справедливымъ *единоличное* мнѣніе члена Правленія проф. протоіерея Добротворскаго, находившаго нужнымъ особое испытаніе своего кандидата на кафедре тремя пробными уроками, подобно тому, какъ и сторонніе кандидаты по новому уставу должны были въ такихъ случаяхъ читать пробные уроки. Постановка учебно-воспитательнаго дѣла, согласно съ требованіями новаго устава, вызвала много работы. Преосв. Макарій настаивалъ на необходимости скорѣйшаго составленія дополнительныхъ правилъ къ уставу, правилъ поведенія для учащихся, инструкцій для руководителя воскресною школою, для эконома и т. д. Эти труды были выполнены членами Правленія въ 1867 и 1868 годахъ. Учебно-воспитательное дѣло на практикѣ оживилось въ значительной степени приливомъ въ семинарскую корпорацію новыхъ силъ. Съ 1867 года поступили на службу новые даровитые преподаватели изъ воспитанниковъ Московской духовной Академіи, которые стали вести дѣло преподаванія энергично и съ большимъ успѣхомъ. Къ нимъ принадлежали: С. И. Миропольскій, преподаватель философіи и педагогики, Н. П. Комаровъ, преподаватель Священнаго Писанія Новаго Завѣта, В. К. Θεоктистовъ, преподаватель латинскаго языка, а впоследствии философіи Н. А. Елеонскій, преподаватель богословскихъ предметовъ. О ихъ дарованіяхъ можно судить и по тому, что всѣ они въ послѣдующее время заняли высшіе посты по службѣ¹⁾.

1) И. С. Миропольскій былъ впоследствии Членомъ Учебнаго Комитета при Св. Синодѣ, Н. П. Комаровъ приглашенъ былъ для занятія кафедры патрологіи въ Московскую академію, но, по личномъ от-

Изъ числа этихъ преподавателей особенно выдѣлялся своею энергичною воодушевленною дѣятельностью С. И. Миропольскій, который первый началъ преподаваніе педагогики въ Х. Семинаріи, причемъ въ короткое время успѣлъ по своему предмету составить и литографировать содержательныя записки. Онъ же организовалъ при Харьковской Семинаріи воскресную школу для взрослыхъ. Учащіеся съ большимъ интересомъ отнеслись къ изученію педагогики и проявили большое усердіе въ практическихъ занятіяхъ въ воскресной школѣ. Усердіе нѣкоторыхъ воспитанниковъ простиралось до того, что они занимались добровольно съ своими школьниками даже въ обыкновенные дни, быть можетъ, въ ущербъ своимъ прямымъ занятіямъ. С. И. Миропольскій старался оживить и облагородить жизнь учащихся въ Харьковской духовной Семинаріи, располагая ихъ къ самодѣятельности, къ ознакомленію съ такими предметами, которые не входили въ семинарскую программу, заботился объ улучшеніи ученическаго музыкальнаго оркестра и т. д. Нелишне при этомъ вспомнить, что, благодаря ему, устроены были ученическія литературно-музыкальныя собранія въ день юбилейныхъ празднествъ въ честь Крылова и Карамзина, когда учащіеся читали отрывки изъ сочиненій этихъ писателей, а преподаватели представляли очерки ихъ жизни и литературной дѣятельности. Въ воспитаніи учениковъ Харьковской духовной Семинаріи произошли большія перемѣны съ поступленіемъ на должность инспектора, протоіерея В. Ѳ. Энеидова, отличавшагося твердою волею и большою настойчивостью въ достиженіи намѣченныхъ цѣлей. Его предшественникъ архимандритъ Павелъ, бывшій впоследствии епископомъ Пензенскимъ, рѣдко являлся среди учениковъ и мало наблюдалъ за ихъ поведеніемъ. Потому въ средѣ уча-

вазъ отъ приглашенія, занялъ должность преподавателя философіи въ Московской д. семинаріи, а потомъ редактировалъ Миссіонерскій журналъ въ Москвѣ. В. К. Феоктистовъ былъ инспекторомъ Института благородныхъ дѣвицъ въ Варшавѣ, а потомъ занялъ должность директора въ одной изъ гимназій Варшавскаго учебнаго округа. Н. А. Елеонскій былъ нѣкоторое время профессоромъ Свящ. Писанія въ Московской дух. Академіи, а потомъ перешелъ на кафедру профессора богословія въ Московскій Университетъ. При погребеніи московскаго митрополита Магарія онъ сказалъ необыкновенно трогательную и содержательную рѣчь. а

щихся стали проявляться довольно часто грубые пороки и своеволие. При новомъ инспекторѣ установился въ Семинаріи строгій режимъ, который хотя и вызывалъ неудовольствія со стороны учащихъ, пока въ видѣ глухого ропота, но несомнѣнно сопровождался усиленіемъ ученическихъ занятій своимъ дѣломъ и сравнительно большими успѣхами въ изучаемыхъ наукахъ. По временамъ, впрочемъ, преосв. Макаріей сдерживалъ чрезмѣрную строгость о. инспектора. Такъ, когда инспекторъ настоялъ въ Правленіи, чтобы нѣкоторые ученики, опустившіе классы безъ уважительной причины, были оштрафованы заключеніемъ въ карцеръ отъ 1 до 5 ч.,— то Преосв. Макаріей на журналѣ по этому пункту положилъ такую резолюцію. „Съ этимъ не могу согласиться: а) потому что Правленіе не истребовало объясненія отъ означенныхъ учениковъ, почему они не посѣщали классовъ, и б) еще болѣе потому, что заключеніе въ карцеръ признаю слишкомъ тяжкимъ и унижительнымъ наказаніемъ за такую вину“.

На экономическую часть Семинаріи, со времени ея реформы, было обращено большое вниманіе. Въ засѣданіи 16 октября 1867 года было, между прочимъ, постановлено „обязать эконома Семинаріи бывать при обѣденномъ и вечернемъ столѣ учениковъ въ кухнѣ, смотря по надобности“. Преосв. Макаріей одобрилъ такого рода постановленіе и призналъ необходимымъ внести его въ инструкцію для эконома, съ побужденіемъ составить такую инструкцію немедленно. Въ составленной инструкціи предоставлялись права членамъ Правленія отъ духовенства посѣщать Семинарію и вникать во всѣ распоряженія и дѣйствія эконома Семинаріи, напр., смотрѣть за качествомъ пищи, чистотою помѣщеній ученическихъ и т. д. Свои наблюденія они должны были предъавлять ректору Семинаріи и даже общему собранію и записывать ихъ въ особую книгу, причемъ экономъ обязанъ былъ скрѣплять протоколы своею подписью. И не только въ Семинаріяхъ, но и въ духовныхъ училищахъ Преосв. Макаріей придавалъ большое значеніе мнѣніямъ и заявленіямъ представителей отъ духовенства. За духовенствомъ онъ признавалъ полное право входить во всѣ подробности экономическаго состоянія училищъ и требовалъ отъ училищныхъ начальствъ подробнаго отчета въ распоряженіяхъ

экономическими суммами, отпускавшимися духовенствомъ на училища.

Введеніе реформы въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ Харьковской епархіи ознаменовано было въ 1867 году со стороны преосв. Макарія благотворительнымъ дѣломъ. Онъ выразилъ желаніе учредить на свои средства пять пансіонерскихъ вакансій для сиротъ, отличающихся какъ успѣхами въ наукахъ, такъ и добрымъ поведеніемъ—по одной при каждомъ духовномъ учебномъ заведеніи Харьковской Епархіи, съ ежегоднымъ пожертвованіемъ для этой цѣли по триста рублей во все время управленія епархіею.

Съ неменьшимъ вниманіемъ и участіемъ Преосв. Макарій относился къ училищу для дѣвицъ духовнаго званія, которое было открыто при Преосв. Филаретѣ (Гумилевскомъ) съ 1854 года, хотя вполне приспособлено было къ воспитанію учащихъ по устройствѣ и освященіи церкви въ 1856 году. Еновь устроенное училище было въ это время еще настолько малопомѣстительнымъ, что въ немъ могли воспитываться только 62 дѣвицы. Усадьба, отведенная для этого училища городскимъ обществомъ, была также незначительна: при училищѣ даже не было мѣста для разведенія сада. Благодаря заботамъ Преосв. Макарія, вслѣдствіе новыхъ значительныхъ пристроекъ, произведенныхъ въ 1859 и 1867 годахъ, училищный корпусъ былъ расширенъ настолько, что въ немъ могло воспитываться 140 дѣвицъ. Постепенно была расширена усадьба, которая занимала пространство въ 3 десятины 1863 кв. саж. Въ 1864 году она была обнесена плетнемъ и засажена садомъ. Средства на расширеніе училищныхъ зданій и усадьбы были собраны путемъ пожертвованій, которыхъ оказалось до 69,840 рублей, при чемъ самымъ щедрымъ благодѣтелемъ былъ преосв. Макарій, пожертвовавшій въ разное время въ пользу училища 3580 рублей, кромѣ жертвуемыхъ ежегодно по 50 руб. на одну стипендію въ училищѣ и части доходовъ, получаемыхъ отъ продажи своихъ сочиненій. Заслуживаетъ вниманія, что Преосв. Макарій заботился не только объ улучшеніи содержанія воспитанницъ училища, но также о возможномъ обезпеченіи ихъ будущей судьбы. Для этого въ 1866 году было собрано 3972 р. 73 к. изъ каковой суммы по 1866 годъ было

выдано всего сиротамъ, окончившимъ курсъ въ училищѣ, пособія въ количествѣ 186 р. 25 к.

Такъ какъ средства на содержаніе училища получались отъ мѣстнаго епархіальнаго духовенства, то преосв. Макарій предоставилъ духовенству широкія права для дальнѣйшаго наблюденія за содержаніемъ училищныхъ зданій и учащихся, а также и за ихъ воспитаніемъ. Епархіальнымъ благочиннымъ было предоставлено право входить во всѣ подробности экономическаго содержанія училища. Постоянное же руководство училищною жизнью было предоставлено епископомъ Комитету Училища, въ составъ котораго входили протоіереи и священники, избираемые временно изъ среды духовенства, а потомъ съ 1867 года учрежденъ былъ училищный Совѣтъ, состоявшій изъ предсѣдателя, начальницы, попечительницы, преподавателей и секретаря. Особыми правилами, выработанными комиссіею, подъ руководствомъ преосв. Макарія, и отпечатанными въ мѣстныхъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ, были опредѣлены составъ, предметы училищнаго Совѣта и порядокъ, въ какомъ должны были происходить засѣданія.

Учебно-воспитательное дѣло въ училищѣ для дѣвицъ духовнаго званія поставлено было настолько удовлетворительно уже въ 1867 году, что вызывало полное одобреніе со стороны преосв. Макарія. Первыми достойными тружениками въ немъ были: протоіерей Гапоновъ, занимавшій должность предсѣдателя Совѣта, начальница училища г-жа Колосовская, прот. Чижевскій, занимавшій должность дѣлопроизводителя, свящ. Лащенковъ (кандид. богословія), свящ. П. Ивановъ и священникъ Насѣдкинъ, состоявшіе преподавателями. Изъ предметовъ училищнаго курса особенное вниманіе было обращено Преосв. Макаріемъ на основательное изученіе педагогики, съ цѣлью подготовленія воспитанницъ къ учительской должности въ школахъ. Преподаваніе педагогики было впервые введено въ училищѣ съ 1866 года. Тогда же при училищѣ учреждена была бесплатная школа для практическаго ознакомленія воспитанницъ съ школьнымъ дѣломъ на 20 дѣтей. Въ 1867 году былъ произведенъ экзамень, давшій самые благопріятные результаты. Нельзя при этомъ забыть, что, благодаря ходатайству преосв. Макарія, свѣтскимъ лицамъ, служащимъ въ Харьковскомъ

училищѣ для двѣицъ духовнаго званія, были предоставлены права по государственной службѣ, чѣмъ въ значительной степени обезпечивалась будущность наставниковъ этого училища.

При своей многосложной церковно-административной дѣятельности по управленію Харьковскою епархіею, преосв. Макарій находилъ возможность заниматься разнообразными научными трудами. Въ это время составлено было имъ „Руководство къ изученію православнаго догматическаго богословія“ (1868 г.), введенное по опредѣленію Св. Синода, въ качествѣ учебника въ духовныхъ семинаріяхъ. Руководство это составилъ преосв. Макарій еще въ бытность его ректоромъ С.-Петербургской духовной академіи, но потомъ въ Харьковѣ оно было тщательно пересмотрѣно и переработано. Это руководство преосв. Макарій пожертвовалъ безвозмездно въ пользу семинарій. Здѣсь же преосв. Макарій продолжалъ писать свою Исторію Русской Церкви, при чемъ изданы были IV и V томы ея. преосв. Макарій писалъ и отдѣльныя церковно-историческія статьи, изъ которыхъ особеннаго вниманія заслуживаетъ составленная по просьбѣ оберъ-прокурора гр. Толстого „краткая записка о соборахъ въ особенности русскихъ“.

Въ Харьковѣ получила болѣе широкое развитіе и проповѣдническая дѣятельность преосв. Макарія. Отъ этого періода осталось до 68 проповѣдей преосв. Макарія, хотя изъ разныхъ источниковъ можно заключить, что число проповѣдей, произнесенныхъ въ Харьковѣ и въ епархіи, было гораздо больше. Конечно, многія изъ нихъ не были своевременно записаны и отпечатаны. Особенный интересъ и даже важное историческое значеніе имѣютъ тѣ проповѣди, которыя были произнесены по поводу важнѣйшихъ историческихъ реформъ, совершенныхъ въ царствованіе императора Александра II. Изъ различныхъ реформъ этого царствованія естественно обращали вниманіе проповѣдника такія, какъ отмѣна крѣпостнаго права въ 1861 году, введеніе земскихъ учрежденій въ 1865 году, введеніе судебной реформы въ 1867 году и полное преобразование духовно-учебныхъ заведеній въ 1868 году. Проповѣди преосв. Макарія настолько характерны по своему содержанію, что по нимъ, при расположеніи ихъ въ послѣдовательномъ хронологи-

ческомъ порядкѣ, можно опредѣлить прогрессивное теченіе нашей жизни въ эпоху освободительнаго царствованія. Особую группу составляютъ тѣ проповѣди, которыя были произнесены предъ интеллигентными слушателями въ университетской церкви, 17-го янв. въ день препод. Антонія В., при совершеніи торжественныхъ актовъ, а равно во время юбилейныхъ празднествъ въ честь Карамзина (1866) и Крылова (1868). Кто изъ современниковъ не восторгался этими проповѣдями, краткими по объему, но необыкновенно содержательными, выразительными по изложенію и проникнутыми высочайшимъ воодушевленіемъ церковнаго оратора? Главнымъ предметомъ этихъ проповѣдей преосв. Макарія служило преимущественно уясненіе вопроса объ отношеніи науки къ христіанству. Слова преосв. Макарія на юбилейныя торжества проникнуты сильнымъ патріотическимъ настроеніемъ. Въ нихъ онъ располагаетъ слушателей любить отчизну, любить родное слово, какъ любили ихъ Карамзинъ и Крыловъ.

Въ связи съ учено-литературною дѣятельностью преосв. Макарія находится его живое активное участіе въ изданіи въ Харьковѣ духовныхъ журналовъ, которое предпринято было въ значительной степени по его иниціативѣ. Преосв. Макарій задумалъ издавать духовный журналъ вскорѣ по прибытіи своемъ въ Харьковъ частію вообще для того, чтобы содѣйствовать распространенію въ обществѣ научно-богословскихъ знаній, примѣнительно къ современнымъ потребностямъ русскаго общества, а частію съ личною цѣлью — для помѣщенія своихъ учено-литературныхъ статей и проповѣдей. Осуществленіе этой мысли послѣдовало только съ 1862 года, когда выразилъ готовность быть редакторомъ журнала профессоръ богословія Харьковскаго Университета, Прот. В. И. Добротворскій. Новый учено-литературный журналъ сталъ издаваться съ разрѣшенія Св. Синода подъ именемъ „Духовнаго Вѣстника“. Главными сотрудниками журнала были профессора Х. Университета, преподаватели мѣстной Семинаріи и нѣкоторые ученые, по приглашенію преосв. Макарія. Къ послѣднимъ принадлежали: извѣстный археологъ К. И. Невоструевъ, извѣстный библиографъ И. С. Пономаревъ, архим. Антонинъ, Петерб. прот. Михайловскій, арк. Федоръ Бухаревъ и другія лица. При первоначальномъ

изданія „Духовнаго Вѣстника“ произвели большой шумъ во всей Россіи критическія статьи преподавателя Х. Сем. А. П. Черняева, скрывшаго свое авторство подъ псевдонимомъ Сербинова и ученаго бібліографа Пономарева, представляющія обстоятельный и основательный разборъ сочиненій архіеп. черниговскаго Филарета Гумилевскаго: а) „историческій обзоръ пѣснопѣвцевъ и пѣснопѣнія въ греческой церкви“; б) Русскіе святые, чтимые всею Церковію, или мѣстно и в) „Обзоръ русской духовной литературы“. Эти статьи несправедливо образованной публикой приписывались самому преосв. Макарію, какъ постоянному ученому сопернику Филарета, такъ что онъ принужденъ былъ въ частныхъ письмахъ оправдываться, съ указаніемъ дѣйствительныхъ авторовъ ихъ. Изъ другихъ статей, помѣщенныхъ въ „Духовномъ Вѣстникѣ“ за разные годы, особеннаго вниманія заслуживаютъ: а) проф. *Лавровскаго* П. А. Кириллъ и Меодій, какъ православные проповѣдники у западныхъ славянъ; б) проф. *И. В. Платонова*, Жизнь и подвиги первоучителей славянскихъ Кирилла и Меодія; в) проф. *Надлера*, Причины и первыя проявленія оппозиціи католицизму въ XIV и XV вв., г) прот. *Добротворскаго* „О религіозномъ органѣ въ душѣ человѣка“. д) *К. Е. Истомина*—Современные стоики и эпикурейцы. е) Письма противъ матеріализма *Фабри*. Преосвящ. Макарій помѣстилъ также въ Духовномъ Вѣстникѣ нѣсколько статей церковно-историческаго содержания и немало выдающихся своихъ проповѣдей. Многія лица изъ среды духовенства Харьковской епархіи помѣщали статьи, относящіяся къ вопросу объ улучшеніи быта духовенства и его пастырской дѣятельности. Кромѣ того, въ журналѣ съ особою живостью велся „лѣтописный листокъ“ Харьковской епархіи, который служилъ полнымъ и вѣрнымъ отраженіемъ современной жизни. Къ сожалѣнію, Духовный Вѣстникъ издавался только въ теченіе шести лѣтъ. Онъ прекратилъ свое существованіе въ 1867 году. Главною причиною скорого прекращенія изданія „Духовнаго Вѣстника“ послужилъ недостатокъ матеріальныхъ средствъ у его редактора, вследствие ограниченнаго числа подписчиковъ. Журналъ не былъ обязательнымъ для духовенства и не замѣнялъ Епархіальныхъ Вѣдомостей. Но несомнѣнно, этотъ журналъ, несмотря на непродолжительное существо-

ваніе, принесъ большую пользу русскому образованному обществу и еще болѣе мѣстному духовенству. Прежде всего Духовный Вѣстникъ приносилъ большую пользу русскому обществу тѣмъ, что въ такое либеральное время, какимъ были шестидесятые годы, своими основательными статьями пробуждалъ интересъ къ важнымъ вопросамъ въ области вѣры, нравственности и исторіи Христіанской Церкви, а вмѣстѣ съ тѣмъ, научно-богословскія статьи Духовнаго Вѣстника, проводившія здравыя сужденія о главнѣйшихъ предметахъ человѣческаго знанія, могли въ значительной степени противодѣйствовать матеріалистическимъ и натуралистическимъ идеямъ, широко распространявшимся въ образованномъ обществѣ. Особенно же Духовный Вѣстникъ оказалъ великія услуги какъ мѣстному, такъ и русскому духовенству вообще предоставленіемъ возможности обмѣниваться своими взглядами по современнымъ практическимъ вопросамъ, касавшимся улучшенія его матеріальнаго быта и его пастырской дѣятельности.

Кромѣ Духовнаго Вѣстника, въ Харьковѣ при духовной Семинаріи издавался другой журналъ „Духовный Дневникъ“ съ 1864 г. Въ этомъ журналѣ принимали главное участіе преподаватели мѣстной Семинаріи, при чемъ онъ преслѣдовалъ не столько научныя цѣли, сколько религіозно-назидательныя. Самымъ дѣятельнымъ сотрудникомъ этого журнала былъ ректоръ Семинаріи арх. Веніаминъ (Платоновъ), который помѣщалъ въ немъ наибольшее количество статей. Но онъ же сообщилъ журналу одностороннее созерцательно-аскетическое направленіе. Преосв. Макарій, хотя и помѣщалъ въ этомъ журналѣ свои проповѣди, но относился къ нему съ меньшимъ сочувствіемъ, чѣмъ къ „Духовному Вѣстнику“. „Духовный Дневникъ“ просуществовалъ всего три года (съ 1864—1867 г.).¹⁾

По распоряженію преосв. Макарія, этотъ журналъ былъ замѣненъ „Харьковскими Епархіальными Вѣдомостями“, редакторомъ которыхъ соотоялъ прот. Чижевскій до 1884 г.

1) Позволяемъ себѣ замѣтить для характеристики умственного развитія воспитанниковъ Харьковской духовной Семинаріи, что въ Духовномъ Дневникѣ помѣщались нѣкоторыя лучшія сочиненія воспитанниковъ ея. Эти сочиненія и по объему, и по содержанію пріятно выдѣляются своими достоинствами даже изъ ряда другихъ статей, помѣщенныхъ въ томъ же журналѣ.

Эти Епархіальныя Вѣдомости были исключительно мѣстнымъ органомъ, сообщавшимъ преимущественно официальныя свѣдѣнія о различныхъ мѣстныхъ распоряженіяхъ духовной власти или о мѣстныхъ церковныхъ событіяхъ; впрочемъ, иногда въ немъ помѣщались статьи, не лишенныя интереса и значенія.

Въ Харьковѣ преосв. Макарій, какъ и раньше, исполнялъ нѣкоторыя важныя порученія высшаго начальства. Такъ въ 1864 году онъ, по распоряженію Св. Синода, отправлялся въ г. Екатеринославъ для обозрѣнія духовно-учебныхъ заведеній и епархіи по всѣмъ частямъ епархіальнаго управленія. Но больше Преосв. Макарію приходилось выполнять порученія ученаго характера. Въ 1863 году Преосв. Макарій, по распоряженію Св. Синода, подобно всѣмъ другимъ епархіальнымъ архіереямъ, долженъ былъ давать отзывъ о трудахъ бывшаго Комитета по дѣлу преобразованія духовно-учебныхъ заведеній. Въ своемъ отзывѣ онъ указывалъ на необходимость преобразованія духовныхъ академій, наравнѣ съ низшими и средними духовно-учебными заведеніями; между тѣмъ какъ Комитетъ въ своихъ соображеніяхъ ограничивался только низшими и средними духовно-учебными заведеніями, оставивъ безъ всякаго вниманія вопросъ о преобразованіи духовныхъ академій. Преосвящ. Макарій выставялъ на видъ, что академіи требуютъ преобразованія и сами по себѣ, какъ представители духовной науки и учености; требуютъ преобразованія также по отношенію къ низшимъ и среднимъ духовно-учебнымъ заведеніямъ по приготовленію достойныхъ начальниковъ, наставниковъ и воспитателей для этихъ заведеній, которые могли бы вести учебно-воспитательное дѣло въ нихъ цѣлесообразно и успешно, вполнѣ согласно съ требованіями реформы. Этотъ отзывъ дѣйствительно побудилъ правительство приступить къ преобразованію академій, при чемъ самъ Преосв. Макарій принималъ весьма дѣятельное участіе въ составленіи новаго академическаго устава. Независимо отъ духовнаго начальства, Министерство Народнаго Просвѣщенія пресило Преосв. Макарія дать свои отзывы о проектахъ, составленныхъ въ 1862 г., по преобразованію университетовъ и среднихъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній. Въ этихъ отзывахъ заслуживаютъ особаго вниманія взгляды Преосв. Макарія

на постановку богословской и церковно-исторической науки въ университетахъ, а также на условія занятія законоучительской должности въ гимназіяхъ. Онъ признавалъ невозможнымъ преподавать въ университетахъ полный курсъ богословія, съ обычнымъ раздѣленіемъ его на отдѣлы, соотвѣтствующіе спеціальнымъ наукамъ, какъ это практиковалось раньше, а находилъ необходимымъ ограничиваться изложеніемъ самыхъ главныхъ и основныхъ истинъ, съ преслѣдованіемъ преимущественно апологетическихъ цѣлей. Въ Церковной Исторіи достаточно ограничиться общимъ обзоромъ событій и заботиться преимущественно о томъ, чтобы сообщить православный христіанскій взглядъ на эти событія, съ обращеніемъ вниманія на важнѣйшія эпохи. Законоучительство въ гимназіяхъ должно быть предоставляемо священникамъ, имѣющимъ ученые академическія степени, не по одному усмотрѣнію мѣстнаго начальства—свѣтскаго или епархіальнаго,—но по соискательству, и съ обязательнымъ прочтеніемъ трехъ пробныхъ уроковъ. Въ бытность Харьковскимъ архипастыремъ Преосв. Макаріемъ неоднократно, по порученію Св. Синода, разсматривалъ и давалъ отзывы о сочиненіяхъ разныхъ авторовъ. Согласно съ отзывомъ Преосв. Макарія, присуждена была ученая степень доктора Профессору Кіевского университета протоіерею о. Н. А. Фаворову за его сочиненія: 1) Руководство къ церковному собесѣдованію; 2) Жизнь и творенія блаж. Августина; 3) Жизнь Св. Кипріана, съ библиографическими изслѣдованіями его твореній и 4) Бесѣды о приготовленіи рода человѣческаго къ пришествію Спасителя.

Эта необыкновенно продуктивная дѣятельность Преосв. Макарія возможна была только потому, что какъ раньше въ другихъ мѣстахъ своего служенія, такъ и въ Харьковѣ онъ велъ жизнь строго регулярную, дорожа во времени каждымъ часомъ, отличаясь во всемъ аккуратностію и точностію. По воспоминаніямъ одного изъ близкихъ къ нему въ Харьковѣ лицъ, архим. Алипія, образъ жизни архипастыря былъ размѣренъ и рассчитанъ по минутамъ. Весь день его былъ распределенъ такъ, что большая часть времени приходилась на серьезныя умственные занятія. Но и служебными дѣлами онъ занимался усердно. Для этого у него были опредѣленные часы. Доступъ къ нему въ эти часы

былъ свободенъ для всякаго. Только пустыхъ рѣчей онъ не любилъ, дорожа временемъ своимъ и чужимъ. Онъ требовалъ быстро, кратко и яснаго изложенія дѣла, которое большею частію тутъ же и рѣшалось.

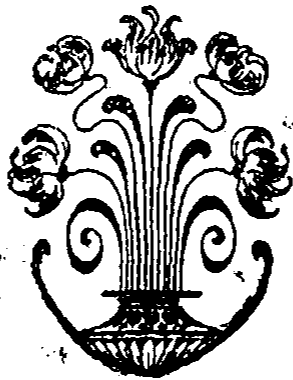
Труды пресв. Макарія какъ административные, по управленію Харьковскою епархіею, такъ и научные увѣнчались новыми высшими наградами. 8 апрѣля 1862 гора былъ возведенъ въ санъ архіепископа. 16 апрѣля 1867 года пресв. Макарію былъ пожалованъ орденъ Св. Александра Невскаго.

Духовенство Харьковской епархіи, къ которому пресв. Макарій относился всегда участливо, выразило свою любовь и глубокую признательность архипастырю не задолго предъ разлукою съ нимъ, 18-го января 1868 года въ слѣдующемъ адресѣ: „Высокопреосвященнѣйшій Владыко! Духовенство Харьковской епархіи, въ лицѣ своихъ уполномоченныхъ членовъ епархіальнаго съѣзда, поставяетъ для себя священной обязанностью повергнуть предъ особою Вашего Высокопреосвященства тѣ чувства признательности и сыновней любви къ Вамъ, какими одушевлено оно изъ края въ край епархіи. Имя Ваше славно въ православномъ отечествѣ и далеко за предѣлами его. Но имя Ваше благословенно и будетъ благословеннымъ на многія лѣта въ епархіи, Вами управляемой. Мысль объ улучшеніи быта приходского духовенства нашла въ Васъ ревностнаго дѣятеля въ исполненіи благихъ намѣреній Державнаго Венценосца. Отъ Васъ мы получили право мѣстнаго самоуправленія чрезъ выборныхъ благочинныхъ, чрезъ окружные совѣты. Лучшее устройство во всѣхъ отношеніяхъ нашихъ епархіальныхъ училищъ было предметомъ постоянныхъ, неуспяныхъ трудовъ и попеченій Вашихъ. И они-то эти труды и Ваше имя—причиною того, что училища наши раньше другихъ, съ нынѣшняго же года, будутъ пользоваться правами и выгодами, Высочайше дарованными духовно-учебнымъ заведеніямъ. Благодаря, Вашей высокой мысли и попечительной заботливости о всѣхъ насъ и въ особенности о нашихъ сиротахъ, стеклись мы и теперь сюда со всѣхъ мѣстъ епархіи для того, чтобы положить начало нашему взаимному сближенію и нашимъ общимъ единодушнымъ заботамъ о судьбѣ семействъ нашихъ“. Духовенство Харьковской епархіи, выражая архіепископу Макарію свою признательность за всѣ его попеченія о нуждахъ

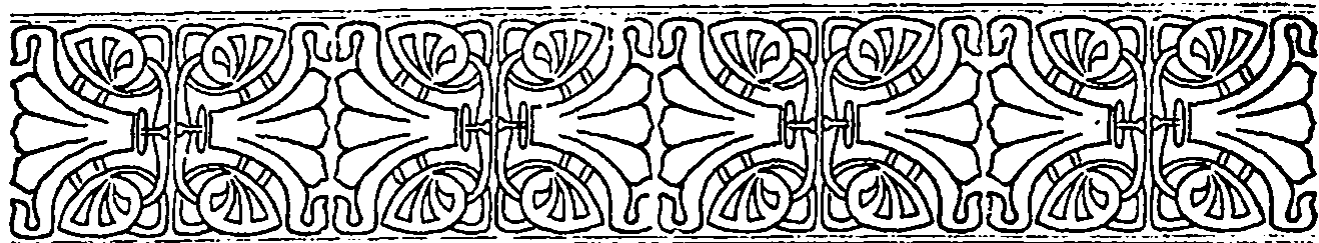
епархіи, какъ бы предчувствовало свою близкую разлуку съ любимымъ архипастыремъ. Дѣйствительно, 17 августа того-же 1868 года былъ полученъ въ Харьковѣ указъ о вызовѣ преосвящ. Макарія въ Св. Синодъ. Черезъ два мѣсяца, послѣ прибытія въ С.-Петербургъ, 23 ноября 1868 года, Преосв. Макарій, по полученіи извѣстія о кончинѣ литовскаго Митрополита Іосифа Симапки, былъ назначенъ Св. Синодомъ въ Вильно для погребенія почившаго архипастыря. Вскорѣ по погребеніи митрополита Іосифа, 10 декабря 1868 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе о назначеніи Преосв. Макарія Архіепископомъ литовскимъ и виленскимъ. Съ глубочайшею скорбію духовенство Харьковской епархіи узнало о своей окончательной разлукѣ съ любимымъ архипастыремъ. Примиряясь съ этою разлукою, послѣдовавшею по вниманію высшаго правительства къ заслугамъ Преосв. Макарія, Харьковское духовенство, при посредствѣ мѣстнаго епархіальнаго органа, свидѣтельствовало, однако, что имя Макарія пребудетъ памятнымъ и благословеннымъ на многія и многія лѣта. „И если бы Владыка сталъ теперь среди насъ, чтобы спросить отъ насъ отвѣта о себѣ предъ Господомъ, мы иначе отвѣчать не смѣли бы, какъ словами Израиля: „не обидѣлъ еси насъ, ниже насильствовалъ еси насъ, ниже утѣснилъ еси насъ, ниже взялъ еси отъ руки чія что“ (1 Цар. XII, 4).

А. Х. Вертеловскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Взглядъ на прошлое, настоящее и будущее Прикарпатской Руси въ связи съ великой войной.

Задачи великой войны.

Для ополчившихся противъ Австро-Германіи союзниковъ настоящая великая война имѣетъ одну общую цѣль—разгромъ воинствующаго германизма. Осуществленіе этой общей цѣли должно привести къ разрѣшенію большого европейскаго вопроса, вопроса національнаго, сущность котораго выражается для каждой изъ союзныхъ державъ въ исполненіи своихъ ближайшихъ національно-государственныхъ задачъ. Такъ, Франція стремится прежде всего къ возвращенію себѣ отъ Германіи Эльзаса и Лотарингіи и къ завладѣнію частью германскихъ колоній въ Африкѣ, Англія къ отобранію у Германіи всѣхъ другихъ ея колоній, а равно къ ослабленію ея могущества на морѣ, Италія и Румынія къ объединенію въ одно цѣлое итальянскаго и румынскаго народовъ, Японія къ занятію первенствующей роли въ восточномъ Китаѣ.

Что касается Россіи, то намѣченный исходъ войны призванъ осуществить ея имперскія задачи, заключающіяся въ подчиненіи ея власти проливовъ и въ объединеніи съ Имперіей всѣхъ частей русскаго народа. Кромѣ сего война ставитъ передъ Россіей еще одну великую задачу: осуществленіе ея славянскаго призванія. Изъ этихъ задачъ Россіи двѣ первыя являются основными національно-государственными ея задачами, требующими, какъ вопросы національнаго достоинства, самой рѣшительной и прямолинейной политики.

Присоединеніе къ Россіи всей Прикарпатской Руси, какъ неизбежная историческая національная задача импе-

ри, именно въ настоящую войну, предуказано въ рѣчи Государственной Думы и Государственного Совѣта, въ Высочайшихъ телеграммахъ Карпаторусскому Освободительному Комитету и Русскому Народному Совѣту Прикарпатской Руси, въ словахъ Государя къ населенію г. Львова, въ воззваніяхъ Верховнаго Главнокомандующаго къ русскому народу въ Австріи.

Для вѣрнаго пониманія и успѣшнаго достиженія этой исторической цѣли достаточно хотя-бы бѣлаго знакомства съ природой, съ главными моментами исторіи и съ развитіемъ національно-политической мысли Россіи и тѣсно связанной съ нею въ этихъ, да и во многихъ другихъ, отношеніяхъ Прикарпатской Руси.

Природа Прикарпатской Руси.

По своей природѣ Прикарпатская Русь, въ особенности Галичина и Буковина, съ ихъ черноморской растительностью и русскимъ, континентальнымъ климатомъ, являются органической частью Восточной Европы. Въ географическомъ отношеніи восточная (русская) часть Галичины и сѣверная (русская) часть Буковины принадлежатъ къ Россіи, представляя собою продолженіе великой русской низменности, оканчивающейся у подножія Карпатскихъ горъ. Этотъ географическій фактъ до того ясенъ, что сѣверо-восточный уголь Галичины, прилегающій къ Волынской губерніи, называется Галицкой Волынью, юго-восточная-же часть ея—Галицкимъ Подольемъ. Равнымъ образомъ Подольская или Авратынская возвышенность, наполняющая своими отрогами большую часть восточной Галичины, уходитъ далеко на востокъ въ предѣлы Россійской Имперіи, въ губерніи: Волынскую, Подольскую, Кіевскую, Екатеринославскую, Бессарабскую и Херсонскую. Рѣки русскаго Прикарпатья принадлежатъ къ бассейнамъ Чернаго и Балтійскаго морей, входя въ систему русскихъ рѣкъ.

Исторія Прикарпатской Руси: Галичина, древнѣйшія извѣстія.

Верховья этихъ рѣкъ—путей славянскаго расселенія и были обще-славянскимъ гнѣздомъ, были колыбелью русскаго народа. Отсюда, съ Карпатскихъ горъ, славяне стали въ 7 в. расходиться въ разныя стороны по долинамъ славянскихъ

рѣкъ: на югъ ушли балканскіе славяне, на западъ чехи, моравы, поляки. Дальше другихъ здѣсь остались русскіе славяне, изъ которыхъ часть (поляне, древляне, дреговичи) пришли впоследствии на Днѣпръ, часть же (сѣверяне, радимичи, вятичи, кривичи), постепенно расселяясь, дошли до озера Ильмена, до верховьевъ Оки и Волги. У оставшихся на мѣстѣ русскихъ славянъ хорватъ, дулѣбовъ, бужанъ, волынянъ исторія застаетъ уже въ 6 в., когда еще не было Кіева, большой военный союзъ. Въ 907 г. вмѣстѣ съ другими, объединенными Олегомъ, племенами хорваты участвуютъ въ его удачномъ походѣ на грековъ. Это ихъ участіе—доказательство, что уже тогда область Прикарпатья составляла съ областями Приднѣпровья не только въ политическомъ, но также и въ національномъ отношеніи одно цѣлое. По мѣрѣ роста Кіевского государства въ его области постепенно втягивались и западно-русскія земли, благодаря усиліямъ первыхъ же русскихъ князей объединить русскія племена и создать единое государство.

Княжескій періодъ.

Съ другой стороны Галичина со своимъ благопріятнымъ положеніемъ и природными богатствами не могла не слѣдаться предметомъ завоевательныхъ стремленій сосѣднихъ польскихъ королей. И вотъ на порогѣ исторіи Червоная (Красная) Русь является яблокомъ раздора между Польшей Болеславовъ и Русью Владиміра и Ярослава и дѣлается первымъ источникомъ польско-русскихъ столкновеній со всѣми ихъ чрезвычайно важными и по сей день не потерявшими своего значенія, послѣдствіями для двухъ крупнѣйшихъ славянскихъ государствъ и націй. Прочно, на нѣсколько вѣковъ, закрѣпленная за Рюриковичами, Галичина, имѣвшая общіе съ Кіевской Русью законы, судъ, управленіе и образованность, стала наследіемъ рода талантливыхъ и воинственныхъ князей Ростиславичей. Пролетавшій черезъ нее великій путь народовъ съ Востока на Западъ способствовалъ быстрому развитію торговли и промышленности и накопленію богатствъ. Страна въ избыткѣ производила хлѣбъ и скотъ и снабжала солью всю Русь. Ярославъ Осмомыслъ, присоединившій къ Галичу русское княжество со столицею Берладъ (въ нынѣшней Румыніи,

юго-восточнѣе Сучавы), расширилъ свои владѣнія отъ Люблина до Новгорода—Угорска, Ужгорода, Мукачева и Сигота въ нынѣшней Венгрии и по Серету и Дунаю до береговъ Чернаго моря. Со своими галицкими полками онъ принялъ самое дѣятельное участіе въ кровопролитной борьбѣ на р. Калялѣ 1185 г. Достигшей значительнаго культурнаго подъема и могущества, а также большого вліянія на юго-востокъ съ Кіевомъ и даже на Польшу, Галицкой Руси, казалось, суждено сдѣлаться новымъ центромъ борьбы съ татарами и собиранія разбитой на удѣлы Руси, другими словами стать политической и культурной наслѣдницей Кіева, въ которомъ, вслѣдствіе экономическихъ причинъ, княжескихъ усобицъ и половецкихъ нападений, съ 12 в. стали замѣтны признаки заглупствія и въ частности сильный отливъ населенія къ сѣверу, въ Суздальскую землю и къ востоку, въ Галичину. Червоная Русь стала въ это время самой густонаселенной русской областью съ самымъ крупнымъ числомъ многолюдныхъ городовъ. Роману Мстиславовичу, ходившему походомъ на половцевъ на Дунай и на Донъ, Кіевляне открыли ворота города. Сдѣлавшись фактическимъ господиномъ всей южной Руси, онъ водворилъ порядокъ въ многихъ русскихъ земляхъ—княжествахъ и былъ первымъ изъ русскихъ князей, выработавшимъ и пытавшимся ввести самое правильное наслѣдованіе власти, а именно наслѣдственность княженія въ нисходящей линіи, „какъ и въ другихъ добропорядочныхъ государствахъ чинится“. Эта мысль, легшая въ основаніе княжескаго владѣнія въ Сѣверной Руси, главнымъ образомъ и способствовала осуществленія великой идеи собиранія Русской земли.

Но положеніе Галичины, окруженной съ трехъ сторонъ сильными, воинственными уграми, поляками, нѣмцами и литовцами, стало несравненно труднѣе и опаснѣе положенія князей суздальскихъ, съ землями которыхъ сосѣдили племена съ неразвитой политической жизнью. Правда, поборникъ справедливости и защитникъ слабыхъ, князь Мстиславъ Мстиславовичъ Удалой, указавъ въ горячей, патріотической рѣчи на Новгородскомъ вѣчѣ (1212 г.) на долгъ Руси защитить отъ враговъ родную Галичину, повелъ туда собранныя имъ войска и, жестоко разбивъ напавшихъ на Галичъ поляковъ и венгровъ, вернулъ ей прежнюю силу, такъ что

Галицкая Русь могла стать во главѣ южнорусскаго похода на татаръ (битва на Калкѣ, 1223 г.); правда, князь Даниилъ Галицкій, оттянувъ на Волынь и Галичъ и разгромивъ главныя силы угрожавшихъ всей Руси ятвяговъ, помогъ такимъ образомъ сѣверно-русскому князю Александру Невскому одержать надъ литовцами, шведами и нѣмцами рядъ блестящихъ побѣдъ. Но Галицкая Русь, страдавшая отъ неурядицъ, отъ засилія въ городахъ непатріотическихъ инородцевъ и иноземцевъ и, притомъ, предоставленная самой себѣ, не можетъ противостоятъ натиску внѣшнихъ враговъ и, потерявъ рядъ приобрѣтенныхъ земель, входитъ сама въ составъ польскаго государства. Папа римскій, какъ извѣстно освободилъ польскаго короля Казимира отъ присяги не трогать православной вѣры Галичанъ, послѣ чего начались всяческія притѣсненія православія, рѣшительное насажденіе католицизма и наводненіе Галичины поляками. За такого рода политику Юрій Болеславъ поплатился жизнью, недовольство новымъ порядкомъ вызывало и долгіе годы спустя подавляемая военной силой народныя волненія и бунты (напр. Мухи въ 1490 г.), приведшіе въ послѣдствіи, въ связи съ казацкими возстаніями, къ раздѣлу Польши, но съ тѣхъ поръ подъяремное положеніе Галичины не прекращалось. Но и дожившая послѣдніе годы своего самостоятельнаго существованія, Галичина, тѣмъ не менѣе, приняла выдающееся участіе въ исторіи объединенія Руси. Мы имѣемъ въ виду перенесеніе митрополичьей кафедры въ Москву (ок. 1306 г.) и битву съ татарами на Куликовомъ полѣ (1380 г.). 13 и 14 вѣка, особенно послѣдній, были порой упадка народнаго духа на Руси, всеобщаго душевнаго унынія и умственнаго оцѣпенѣнія, вызванныхъ частыми опустошительными нашествіями татаръ, а равно внутренней неурядицей и неустанными междуусобицами. Послѣднія „несли Русь розно“, отъ нихъ „Русь разодралась“. Патріотическихъ мыслей о Русской землѣ, о ея единствѣ и цѣлости, восторженныхъ рѣчей о „добрыхъ страдальцахъ“ ея и бодрыхъ призывовъ стать на защиту ея, за честь „Русскія земля“,—этого подъема народнаго и гражданскаго чувства, бывшаго чуть ли не съ каждой страницы южно-русскихъ лѣтописей 11 и 12 вв., мы не встрѣчаемъ въ лѣтописяхъ этого времени. Тѣмъ не менѣе, однако, общенародное, земское сознаніе не исчезло, не

пропало безслѣдно: національное чувство, русская политическая мысль продолжали жить въ лучшихъ умахъ тѣхъ областей, которымъ суждено было отстаивать ее отъ все болѣе усиливающагося напора идейныхъ враговъ. Подобно спасавшимся отъ татаръ выходцамъ Кіевской Руси, они притаились въ Карпатскихъ горахъ, ихъ сохранили и сберегли твердыни русскаго духа: Перемышль, Ярославль, Галичъ, Львовъ, Белзъ и Холмъ, эти крѣпости на рубежахъ русскихъ поселеній, стоявшія лицомъ къ лицу къ полякамъ и защищавшія Галицкую и, вмѣстѣ съ нею, подобно Пскову на сѣверѣ, и всю Русь отъ западныхъ враговъ.

Святитель Петръ.

Сохраненная тамъ, русская національно-политическая мысль вспыхнула и утвердилась въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ и мѣстахъ. Кромѣ особенно выгоднаго географическаго положенія, а равно таланта и ловкости первыхъ своихъ князей, одной изъ важнѣйшихъ причинъ возвышенія Москвы до новаго культурно-политическаго центра Руси, было избраніе этого города митрополитомъ Петромъ, уроженцемъ Галичины, церковной столицей всей Руси. Если принять во вниманіе, что въ тѣ отдаленныя времена, болѣе чѣмъ въ позднѣйшія, только коллективистическая психика и была единственно способной воспитать такую сильную и красивую личность, то нельзя не придти къ убѣжденію, что не бессильна общерусской патріотической мыслью, не слаба народнымъ духомъ была Галичина, наполнившая умъ, насытившая душу лучшаго сына-патріота и предстателя всей Русской земли. Святитель Петръ Ратенскій, подобно нѣкоторымъ русскимъ князьямъ, напр., Владиміру Мономаху, Ярославу Осмомыслу, Роману Галицкому, Мстиславу Удалому, изъѣздившій всю Русь вдоль и поперекъ, „проходя мѣста и города“, часто бывалъ и подолгу живалъ въ Москвѣ у князя Ивана Калиты, часто „бесѣдовалъ и мудрствовалъ съ нимъ“. Онъ сталъ рѣшительно на сторону князя, поддерживая и укрѣпляя его во всѣхъ политическихъ начинаніяхъ, князь, въ свою очередь, во всемъ дѣйствовалъ рука объ руку съ митрополитомъ, что привлекло къ нему симпатіи всего духовенства и подняло на небывалую высоту значеніе и авторитетъ перваго собирателя Русской земли.

Мамаево побоище.

Переходя къ другому событію, нужно отмѣтить, что оставшаяся одинокой, въ осадѣ враговъ и, въ концѣ концовъ, въ неравной борьбѣ съ Польшей потерявшая свою политическую независимость, Галицкая Русь не только приняла добровольно, изъ патріотическихъ побужденій, видное участіе въ Мамаевомъ побоищѣ, примкнувъ къ возставшей противъ Орды сѣверной Руси, но и сдѣлалась въ ея самую критическую минуту боя славной виновницей первой побѣды Руси надъ татарами. Битва на Куликовомъ полѣ (1380 г.), рѣшенная Галичиной въ пользу всей Руси, имѣла громадное военное, политическое и національное значеніе, она развѣяла призракъ татарской непобѣдимости и дала новый могучій толчекъ къ рѣшительному національному и политическому объединенію Руси.

Галичина подъ Польшей.

Послѣ потери Галичиной политической независимости, въ государственномъ строѣ ея еще въ теченіе значительнаго періода времени, называемаго въ исторіи „временемъ русскаго права“, оставалось довольно много отъ прежнихъ порядковъ, благодаря живучести, численному преобладанію и культурному превосходству высшихъ слоевъ галицко-русскаго общества надъ поляками и литовцами. Уравненіе Галичины съ другими польскими провинціями относится къ 15 в., ко времени уже по смерти Ягайла. Соблазненное сословными выгодами польской шляхты галицко-русское боярство быстро сближается съ пришлымъ польскимъ шляхетскимъ элементомъ, получившимъ власть и вліяніе въ управленіи, теряетъ свои боярскія традиціи, забываетъ родной русскій языкъ, измѣняетъ православной вѣрѣ и окончательно ополячивается. Въ крайне тяжеломъ положеніи оказались и русскіе мѣщане, которые, послѣ введенія, основаннаго на вѣроисповѣдномъ принципѣ, Магдебургскаго права, какъ „схизматики“ исключались отъ участія въ самоуправленіи и цехахъ и такимъ образомъ были лишены возможности заниматься торговлею и ремеслами. Имъ запрещалось публично отправлять православныя богослуженія и даже жить въ центральныхъ частяхъ города. Со временемъ

единственнымъ интеллигентнымъ классомъ русскаго населенія въ краѣ оказалось православное духовенство, но и оно, а вслѣдъ за нимъ и вся престонародная масса, отданная въ барщину польской шляхтѣ, стали подвергаться гоненіямъ и всяческимъ притѣсненіямъ. Населеніе стало массами покидать родныя земли и уходить въ единовѣрную Молдавію, въ Московскую Русь и позднѣе въ Запорожскую Сѣчь къ казакамъ. Съ разстройствомъ церковной жизни пришла въ упадокъ русская образованность въ странѣ, русскій языкъ сталъ языкомъ престонародія, въ него стали входить польскіе обороты и слова. Въ это тяжелое время русскую національность сохранили только тѣ слои населенія, у которыхъ она стихійно связывалась съ православіемъ, т. е. духовенство, мѣщанство и крестьянскія массы. Православная Церковь объединила русскихъ галичанъ для борьбы съ соціальной и національной неправдой шляхетской Польши.

Культурная борьба за вѣру и народность.

Огромное значеніе въ начавшейся съ 16 в. культурной борьбѣ за національное самоопредѣленіе русскаго народа въ Галичинѣ имѣли церковныя братства со старѣйшимъ и знаменитѣйшимъ Львовскимъ Успенскимъ братствомъ во главѣ. Братства, наряду съ заботами о церкви и больницахъ, основываютъ типографіи и школы. Львовское братство, покровительствуемое извѣстнымъ защитникомъ и ревнителемъ православія кн. Константиномъ Острожскимъ, издаетъ цѣлый рядъ полемическихъ книгъ въ защиту православія отъ іезуитовъ, а равно книгъ религіозно-нравственнаго содержанія, оно входитъ въ сношенія съ Москвой и получаетъ отъ царя Θεодора Іоанновича щедрые дары на постройку новаго храма, до сихъ поръ на куполѣ Львовскаго Успенскаго храма хранится надпись: „Царь Θεодоръ Іоанновичъ бысть благодѣтель храма сего“.

Постоянное культурное общеніе съ Россіей до настоящаго времени.

Дѣятельностью быстро и умѣло созданнаго Галичиной, цѣлаго ряда монастырей, скитовъ и братствъ, явившихся видными расадниками русскаго просвѣщенія, и объясняется знаменителный фактъ, что въ малой Галичинѣ сила сопро-

тивленія со стороны православія сохранилась около 200 лѣтъ дольше, чѣмъ въ остальныхъ русскихъ земляхъ, подпавшихъ подъ владычество Польши. Московскій первопечатникъ Иванъ Федоровъ, поселившись въ Львовѣ, основалъ тамъ же типографію, въ которой напечаталъ немало богослужебныхъ и другихъ книгъ на русскомъ языкѣ, въ томъ числѣ въ 1591 г. первую греческо-русскую грамматику.

Изъ Манявскаго скита вышло немало православныхъ проповѣдниковъ, подвизавшихся въ другихъ русскихъ земляхъ. Изъ него же вышелъ преп. Іовъ, основавшій Почаевскую обитель. Въ Львовской Ставропигійской школѣ учились и воспитывались: извѣстный гетманъ и покровитель православія Петръ Конашевичъ Сагайдачный, родившійся въ окрестностяхъ Галицкаго Перемышля и митрополитъ Петръ Могила, учредитель Кіевской Академіи, сдѣлавшейся единственнымъ источникомъ просвѣщенія для всей Руси, т. е. для Москвы и Петрограда въ 17 и 18 вв. Галичина—родина и другихъ русскихъ дѣятелей начала 17 в. а именно, изъ самыхъ видныхъ, архимандрита Кіево-Печерской Лавры Елисея Плетенецкаго, митрополита Кіевского и Галицкаго Іова Борецкаго, которые подъ покровительствомъ и защитой гетмана Сагайдачнаго задумали культурными западно-европейскими способами вернуть древнему, ополяченному въ то время, Кіеву его прежнюю національно-культурную роль и значеніе и достигли блестящихъ результатовъ.

Наиболѣе выдающіеся изъ русскихъ сподвижниковъ Петра Великаго, помогавшіе ему насаждать въ Россіи культуру и просвѣщать страну, были именно малороссы, изъ нихъ значительная часть карпатороссы. Назовемъ хотя-бы галичанина Гавриила Бужинскаго, завѣдывавшаго при Петрѣ Великомъ, изданіемъ книгъ и школьнымъ дѣломъ во всей имперіи. Нельзя не припомнить дѣятельность перваго ректора Московской Академіи, галичанина Лопатинскаго; перваго ректора Петроградскаго Университета и учителя Царя Александра I — ученаго угроросса Балудянскаго; ученыхъ угророссовъ Лодія, Ивана Орлая и Василя Кукольника, изъ которыхъ Орлай былъ первымъ, В. Кукольникъ вторымъ директоромъ Нѣжинскаго лицея Кн. Безбородко; Ив. Кукольника, Ив. Гуца (Ю. Венелиаз), Земачика и другихъ карпатороссовъ, принимавшихъ ближайшее участіе въ кодифика-

ціонной діяльності и въ проектахъ преобразованій М. М. Сперанскаго; изъ болѣе поздняго времени проф. Як. Фед. Головацкаго, проф. Дьячана, епископовъ Маркелла Попеля и Куземскаго, изобрѣтателя Ливчака, ученаго В. М. Площанскаго, художника Сухоровскаго; изъ современныхъ: историка и критика искусства Грабаря, ученаго фольклориста Ю. А. Яворскаго и др.

Карпаторусская эмиграція въ Россію въ большихъ размѣрахъ связана съ политикой гр. Милютна противъ колонизаціи Холмской Руси и съ усиленіемъ въ 60-хъ годахъ классическаго образованія въ Россіи, куда отправлялась цѣлая плеяда галицкихъ священниковъ и учителей гимназій. Третій болѣе значительный отливъ интеллигентныхъ галичанъ относится къ 80-тымъ годамъ, въ связи съ знаменитымъ процессомъ просвѣтителя Галицкой Руси о. Ив. Наумовича и тов. о государственной измѣнѣ.

Трудами галичанъ въ области развитія русской научной терминологіи и вообще языка была облегчена задача творца литературнаго языка—знаменитаго Ломоносова. Короче говоря, историкъ русской культуры не можетъ не признать весьма виднаго творческаго участія въ ней карпаторусскихъ сородичей на всемъ протяженіи исторіи до новѣйшихъ дней. Не нужно доказывать, какое важное значеніе имѣло бы возобновленіе, притомъ во всей полнотѣ, культурнаго общенія русскаго Прикарпатя съ Державной Русью, свободное ихъ взаимодействіе и природное сліянніе.

Культурная борьба въ Австріи.

Поддерживая культурную связь съ Россіей, Прикарпатская Русь въ то-же время продолжала напрягать всѣ силы для отстаиванія своего національнаго существованія отъ посягательствъ своихъ поработителей и тогда, когда мѣсто Польши заняла Австрія. Небезполезно припомнить, что приобрѣтеніе восточной (русской) части Галичины по первому раздѣлу Польши Австрія юридически обосновывала переходомъ къ Габсбургамъ, какъ венгерскимъ королямъ, старыхъ притязаній Венгріи на древнее галицкое княжество за помощь, оказанную въ 1206 г. королемъ венгерскимъ Андреемъ II вдовѣ князя Романа. Общій либеральный духъ, установившійся въ Европѣ въ то время, былъ причиной того, что

первый періодъ австрійскаго владычества въ Галичинѣ не прошелъ безъ нѣкоторыхъ духовно-культурныхъ успѣховъ (возстановленіе одной православной церкви въ Львовѣ, открытіе начальныхъ русскихъ школъ, основаніе Львовскаго университета съ нѣкоторыми русскими кафедрами), но вскорѣ систему Іосифа II смѣнилъ полицейскій режимъ Меттерниха. Согласно рапорту намѣстника Галичины гр. Пергена о томъ, что языкъ галичанъ не что иное, какъ разновидность русскаго языка, поэтому поддерживать его опасно, вѣнское правительство замѣняетъ русскій языкъ въ школахъ нѣмецкимъ, а потомъ польскимъ. Началась новая культурная борьба за русскую національность, на защиту которой особенно послѣ введенія конституціи, выступилъ цѣлый рядъ образованныхъ галичанъ, ученыхъ, писателей и политическихъ дѣятелей, среди которыхъ выдѣляются Зубрицкій, Головацкій, Дѣдицкій, Петрушевичъ, Площанскій, Наумовичъ, Залозецкій, братья Марковы. Развѣтленіемъ и улучшеніемъ земледѣлія, скотоводства, пчеловодства, молочнаго дѣла и всякихъ кооперативовъ, а равно насажденіемъ народнаго просвѣщенія Галицкая Русь обязана исключительно своимъ мѣстнымъ дѣятелямъ, успѣшно боровшимся не только съ иноплеменными врагами, но также съ закравшимся въ интеллигентскіе круги такъ называемымъ украинскимъ сепаратизмомъ.

Буковина.

Въ исторической судьбѣ Буковины, бывшей до 1775 г. подъ властью Молдавіи т. е. Турціи и раздѣлявшей съ тѣхъ поръ общую участь Галичины, слѣдуетъ отмѣтить только тотъ отдаленный фактъ, что русское населеніе ея, не испытывавшее польскаго владычества, осталось и по сіе время православнымъ.

Угорская Русь.

Самымъ тяжелымъ нужно назвать положеніе Угорской Руси, въ которой въ 17 и 18 вв. насильственно вводилась унія и католичество. Упорствующіе православные угроруссы подвергались массовымъ казнямъ и тюремному заключенію. 30 лѣтъ спустя послѣ смерти послѣдняго православнаго епископа Досифея и формальнаго упраздненія православія, въ угорскихъ тюрьмахъ томились еще массы православныхъ

угроруссовъ, жертвы религиозныхъ гоненій. Послѣ 1849 г. національный и религиозный гнетъ замѣтно ослабѣлъ и началось національное возрожденіе Угорской Руси, главнымъ виновникомъ котораго былъ А. И. Добрянскій, но скоро послѣдовала реакція и возобновился прежній гнетъ. Но и Угорская Русь подобно Галицкой въ своихъ народныхъ массахъ не признавала уніи и за послѣднее десятилѣтіе на Угорской Руси, не зараженной украинскимъ сепаратизмомъ, также наблюдается сильное движеніе въ пользу православія.

Массовый Мармарошъ-сиготскій процессъ о государственной измѣнѣ іеромонаха Алексѣя Кабалюка и сотни крестьянъ и такой же Львовскій процессъ Бендасюка и тов. въ 1914 г. лучшее доказательство живучести русской національной идеи въ предѣлахъ Прикарпатской Руси. О силѣ этой идеи, вѣрную оцѣнку которой еще въ довоенное время дали англійскому обществу публицистъ Биркбекъ на страницахъ „Таймса“ (1910 г.), французскому же обществу уже во время войны проф. Сорбонны Луи Леже—сравнившій Прикарпатскую Русь съ Эльзасомъ и Лотарингіей, лучше и ярче словъ говорить число страдальцевъ за нее и жертвъ въ теченіи настоящей войны, а равно оцѣнка вставшихъ на борьбу съ ней. Въ самомъ началѣ войны австрійское правительство приказало арестовать и увести въ глубь страны самыхъ извѣстныхъ своей патріотической дѣятельностью русскихъ людей. Въ одной только Галичинѣ число арестованныхъ достигло 40.000. Въ обвинительномъ актѣ, предъявленномъ вѣнскимъ военнымъ судомъ галицко-русскимъ дѣятелямъ Дрогомирецкому, Черлюнчакевичу, Мулькевичу, членамъ парламента Маркову и Кириловичу, а равно сотруднику „Новаго Времени“ Д. Г. Яничевецкому съ обвиненіемъ въ государственной измѣнѣ, приведено мнѣніе штаба австрійскаго главнокомандующаго о настроеніи русскаго населенія Галичины, о которомъ буквально сказано слѣдующее: „гдѣ австро-венгерская армія должна была давать сраженіе на Галицкой территоріи, населенной русскими, тамъ она стояла передъ двойнымъ врагомъ. Съ фронта она стояла передъ численно и сильнѣйшимъ врагомъ—внѣшнимъ противникомъ, сзади противъ нея стояли организованные для измѣны и сопротивленія по русски думающіе крестьяне, внутренній

врагъ, который не можетъ считаться менѣе опаснымъ, ибо защита и оборона противъ него были значительно труднѣе“.

Національный обликъ Прикарпатской Руси въ настоящій моментъ.

Подъяремная Русь состоитъ изъ трехъ областей, а именно: изъ Галицкой, Буковинской и Угорской или Закарпатской Руси, находящейся на самой отдаленной юго-западной окраинѣ русской земли. Галичина и Буковина сосѣдствуютъ непосредственно съ Россіей.

Этнографическія границы.

Граница русской области этихъ провинцій, т. е. области, въ которой русскій народъ живетъ сплошной массой, идетъ у м. Топоровцы, что западнѣе русскаго м. Клишковецъ черезъ Садогору къ г. Черновцамъ и, проходя восточнѣе этого города, спускается прямо къ югу, затѣмъ поворачиваетъ рѣзко на западъ къ Кучурмаре и къ р. Серету, оттуда прямо на востокъ къ м. Мигейлена на югъ къ Серету и на западъ къ г. Серету. Обходя съ юга г. Сереть, она подымается рѣзко къ сѣверо-западу, доходя по прямой линіи до г. Сторожинца, идетъ затѣмъ выгнутой дугой, западнѣе Коши и Ст. Франсина черезъ Силзю, обходя съ юго-востока Русскую Молдавицу, поворачиваетъ прямо къ западу—сѣвернѣе Кирлибабы и доходитъ до Борши. У слиянія Цыбовой съ Золотой Быстрицей граница переходитъ въ предѣлы Венгріи и проходитъ отъ м. Цыбовой по р. Золотой Быстрицѣ и р. Вымовой на западъ черезъ Красную, Верхнюю и Нижнюю Руну, Микову, Верхнюю Апицу, Грушевъ, Тересву, Ремету къ сѣверу черезъ Монастырь, Бѣловарцы, Няговую, Ольховцы и сѣвернѣе Керекедя поворачиваетъ къ юго-западу къ м. Бенечеву на берегу р. Тиссы, затѣмъ черезъ Буштино, Салдобешъ, Велятинъ, Дубовинку, Сивлюшъ, Гимпловцы, Гетенъе, Чому, Сврму, Шашваръ, Матьфалву, Карачфалву, Черный потокъ, (Фекете Патакъ), Верхнюю Ремету, Макарьево, Варбаво, Пистрялово, Лалово, Кушпаноницу, Кендерешевъ, Подгоряны, Росвигово, Клучарки, Горондъ, и Страбичево, Лучки, Комаровцы, Глубокое, Корытняны, Дравцы, Радванку, Ужгородъ, Опоковцы, Гужу, Ко-

нюшь, Гоньковцы, Хлѣвище, В. Рыбницу, Валашковцы, Стакчинъ, Пихное, Зубное, Дедаговцы, Нехваль-Полянку, Рокитовъ, Берестовъ, Русскую Кайню, Накастовъ, Петровцы, Грабовецъ, Валковъ, Петковцы, Просячъ, Кобыльницу, Матвѣвцы, Кожаны, Липовую, Березовку, Комаровцы, Андрееву, сѣвернѣ Бардѣва, Златое, Луковое, Кривое, Завадку, Жатковцы, Шому, Яковяны, Липяны, Кіевъ, Кривяны, Пустополе, Бапровецъ, Брезовицу, Брутовцы, Ольшавицу, Ториски, Годермаркъ, Якубяны, Ст. Любовню, Матшову, Орябину, Каменку, Вел. Липникъ, Мнишикъ, на р. Попрадѣ, гдѣ граница русскаго населенія переходитъ въ Галичину. Послѣдними русскими селеніями на западѣ являются четыре села Новоторжскаго уѣзда (Бѣлая Вода, Черная Вода, Яворки и Шляхтовая), примыкающія къ этнографической территоріи Угорской Руси. Начиная съ этихъ четырехъ селеній, граница идетъ правымъ берегомъ р. Попрада, причѣмъ послѣдними русскими деревнями, граничащими съ сплошной польской территоріей, являются Верхомля, Угринъ, Лабовецъ, Новая Весь и Матвѣва; переходитъ на правый берегъ р. Ростокъ и идетъ черезъ села Лабовую, Богушу, Королеву Русскую, затѣмъ склоняется къ югу и идетъ по р. Бѣлой до с. Бѣлцарева (Грибовскаго уѣзда), а дальше черезъ с. Климову, Лосье, Лѣщину, Рихвалдъ, Ропицу-Русскую, Мацину, Раздѣлье, Боднарку, Вапенное, Прегонину (Горлицскаго уѣзда), Березовъ ок. Змигорода, Скальникъ и Куты (Яслискаго уѣзда) до р. Вислоки. Склоняясь затѣмъ къ югу по р. Висоркъ, граница идетъ черезъ с. Яворье, Дошницу, Котанъ и переходитъ въ Короснянскій уѣздъ черезъ с. Кпампну, Мысцовую, Тировую, Липовицу, Терстяну до р. Яселки, а затѣмъ черезъ Завадку рымановскую (Сяноцкаго уѣзда), Балутянку, Дошно, Волтушову, Сѣняву, Боско, поворачиваетъ на востокъ къ с. Косторовцы, Юровцы и Пакошовку, переходитъ въ Березовскій уѣздъ и идетъ черезъ с. Ялинъ-Грабовку и Вѣтриловъ къ р. Сяну. Ниже устья р. Издебокъ граница переходитъ на лѣвый берегъ р. Сяна, захватываетъ села Володь, Вару, Издебки, Глудно и Лубно и идетъ черезъ Бахорецъ и Коштову по правому берегу р. Сяна до Бабичъ. Здѣсь граница переходитъ на лѣвый берегъ р. Сяна, захватываетъ село Русельчичи, Скоповъ, Комаровку, Угорку, Мацковичи, Коссеничи, Татковичи, Тройчицы,

Скокошошевъ и Островъ и доходитъ опять до р. Сяна. Выше Ярославля граница переходитъ опять на лѣвый берегъ Сяна, проходитъ черезъ с. Миротинъ, Полкинди и Горицы, сворачиваетъ на правый берегъ Сяна и идетъ до устья р. Вислока, гдѣ захватываетъ еще на лѣвомъ берегу Сяна с. Дубно. У устья р. Золотой граница еще разъ переходитъ на лѣвый берегъ Сяна, обнимая Старое Мѣсто, Прихоець и Луковую и идетъ по правому берегу Сяна да границы Россіи.

Національная статистика.

Австрійская перепись 1910 г. установила въ Галичинѣ 3,208.092 русскихъ. Изъ этого числа приходится 3,075.468 человекъ на область къ востоку отъ р. Сяна, 132.624 человека на территорію западнѣе Сяна, гдѣ русскіе составляютъ сплошныя группы въ уѣздахъ: Новый Санчъ, Кросно, Грибовъ и Горлицы. Нѣкоторое исправленіе въ эти цифры, явившіяся въ результатѣ извѣстныхъ политическихъ тенденцій какъ центральнаго вѣнскаго, такъ и краеваго польскаго правительства, вносятъ данныя переписи о вѣроисповѣдномъ составѣ населенія: уніатахъ, совпадающихъ съ русскими, католикахъ, почти совпадающихъ съ поляками, и евреяхъ. И такъ восточнѣе Сяна уніатовъ т. е. въ дѣйствительности русскихъ было 3,221.167 (61.1%), такъ что и общая цифра русскаго населенія въ Галичинѣ въ дѣйствительности значительно превышаетъ цифру официальной статистики. Число поляковъ, живущихъ въ восточной (русской) части Галичины, по той-же статистикѣ достигаетъ 1,944.270 человекъ, но эта цифра, въ свою очередь, значительно преувеличена, такъ какъ въ нее включена значительная часть евреевъ и нѣмцевъ. Всѣ поляки въ Галичинѣ—католики, а число послѣднихъ въ восточной Галичинѣ по той-же статистикѣ выражается только цифрой 1,210.383, причемъ въ нее входитъ немалое число католиковъ русской національности.

Причиной значительнаго процента поляковъ въ восточной Галичинѣ является сильное выселеніе русскихъ изъ за политическаго и экономическаго гнета въ Америку (9%) и вселеніе на ихъ мѣсто польскихъ колонистовъ изъ западной Галичины, наплывъ туда, изъ той-же западной Галичины, а равно изъ другихъ польскихъ земель поляковъ чиновни-

ковъ и частныхъ служащихъ, людей свободныхъ профессій и рабочихъ.

Въ Буковинѣ русскаго населенія насчитывается свыше 300.000 человекъ, въ Угорской Руси до 600.000 человекъ.

Естественный приростъ русскихъ очень великъ и постоянно повышается, доходя въ послѣднее время до внушительной цифры 16.90 на 1.000 человекъ.

Прикарпатская Русь и русскіе Государи.

Имѣя въ виду свое историческое посланничество въ великомъ дѣлѣ собиранія русскихъ земель русскіе Государи не оставляли мысли о необходимости дособрать Прикарпатскую Русь. Кромѣ царя Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михайловича принимавшихъ депутаціи отъ Прикарпатя и отпускавшихъ ихъ съ богатыми подарками для русскихъ монастырей и братствъ въ Галичинѣ, о послѣдней не забывалъ и Петръ Великій, посѣтившій дважды главные галицко-русскіе города и заступавшійся за мѣстное русское население передъ польскимъ королемъ, которому указывалъ на безчинства іезуитовъ. Екатерина II приказала своимъ войскамъ занять Львовъ и другіе города Галичины (1784 г.), а когда эта несчастная страна въ 1792 г. досталась Австріи, великая Императрица не разъ думала о воссоединеніи съ Россіей вотчины и дѣдыни св. Владиміра, какъ еще Іоаннъ Грозный называлъ Прикарпатскую Русь, и въ 1784 г. она писала Храповицкому: „Владиміръ на Волыни мы заняли по причинѣ, а со временемъ обмѣняемъ у австрійскаго императора польскія губерніи на Галицкую Русь, благо Галичина ему совсѣмъ не кстати“. На вѣнскомъ конгрессѣ 1815 г. судьба Червонной Руси была испорчена на цѣлое столѣтіе. Императоръ Александръ I-й посѣтилъ Угорскую Русь и въ г. Бардѣевѣ принималъ депутацію угроруссовъ, изъ которыхъ многихъ вызвалъ въ Россію. Императоръ Николай I думалъ въ 1846 г., во время занятія русскими войсками г. Кракова объ обмѣнѣ Галичины на часть Царства Польскаго, о чемъ и переписывался съ Паскевичемъ, но венгерскій походъ повернулъ дѣло иначе. Императоръ Александръ II, поднявшій также вопросъ объ улучшеніи судьбы Прикарпатской Руси, часто высказывалъ мысль, что раньше освобожденія южныхъ славянъ надо было завершить собираніе русскихъ земель.

При Императорѣ Александрѣ III гр. Игнатьевымъ въ 1888 г. былъ снова возбужденъ вопросъ объ обмѣнѣ восточной Галичины на нѣкоторыя губерніи Царства Польскаго. Въ 1890 г. Императоръ Александръ III принимая въ Почаевской лаврѣ въ присутствіи Наслѣдника престола, депутацію галицко-русскихъ крестьянъ сказалъ: „Я знаю васъ, люблю васъ и не забуду о васъ“! А благополучно царствующій нынѣ Государь, будучи Наслѣдникомъ еще, проѣзжая изъ Вѣны въ Кіевъ черезъ Львовъ, сказалъ гр. Лобанову-Ростовскому, указывая на эту Русскую землю: „Вотъ еще не собранный русскій край“.

Объединеніе всѣхъ русскихъ племенъ—національный идеаль Россіи.

Лежащая на нынѣ Царствующей Династіи—историческая задача завершения собиранія русской земли и объединенія всѣхъ русскихъ племенъ, представляющихъ одинъ народъ съ общимъ происхожденіемъ съ однѣми традиціями, съ однимъ языкомъ, но раздѣленныхъ злою судьбою, является въ то-же время завѣтной идеей русской націи въ ея цѣломъ. Эта идея, на протяженіи всей 1000—лѣтней русской исторіи служившая главнымъ основаніемъ для національной русской мысли и главнымъ содержаніемъ не только національнаго сознанія всѣхъ русскихъ племенъ и земель, но также политической программы всѣхъ исторически слагавшихся культурно-политическихъ русскихъ центровъ, должна сдѣлаться усиленіемъ всего русскаго общества, всего русскаго народа и созданнаго имъ государства, она должна быть самой націей поставлена во главу угла національно—политической проблемы Великой Россіи. Одухотворяющее начало общественно—политическаго развитія русской націи,—она въ то же время одна изъ важнѣйшихъ историческихъ задачъ ея, священнѣйшій завѣтъ, за исполненіе котораго въ настоящій моментъ, небывалый по благопріятствующимъ ему условіямъ, всѣ современные русскіе люди, вся Русь отвѣтственна передъ грядущими поколѣніями, передъ исторіей. Вотъ почему она, изначальная и основная, общая всему русскому народу, всѣмъ племенамъ и землямъ его, всѣмъ вѣкамъ его исторіи, прошлой, настоящей и будущей, требуетъ безусловной выдержки, требуетъ самыхъ рѣшительныхъ, неуклон-

ныхъ и послѣдовательныхъ усилій, которыя, естественно, должны подавить обывательскія чувства и переживанія, всѣ временныя, условныя, мѣстныя, партійныя и сословныя разницы.

Если даже оставить въ сторонѣ національный мотивъ, окажется, что присоединеніе Прикарпатской Руси къ Россіи должно явиться удовлетвореніемъ важнѣйшихъ интересовъ и насущныхъ потребностей Имперіи. Прикарпатская Русь необходима Россіи по строго государственнымъ соображеніямъ, каковыми являются соображенія стратегическія, политическія и общекультурныя.

Соображенія стратегическія.

Что касается первыхъ, то изъ исторіи извѣстно, что Россія не останавливалась ни передъ какими жертвами, чтобы имѣть естественныя границы, которыя можно бы оборонять съ наименьшею затратою военной силы и матеріальныхъ средствъ. Такія естественныя границы Россіи до сихъ поръ удалось достигнуть только на сѣверѣ и Дальнемъ Востокѣ въ видѣ Ледовитаго и Тихаго океановъ. Что же касается запада и, отчасти, юга, то здѣсь граница была совершенно неудовлетворительна. На сѣверо—западѣ, т. е. въ Польшѣ она упиралась буквально въ болото, представляя дугу протяженіемъ въ 1253 километра. Для обороны она была до того неудобна, что военными авторитетами въ довоенное время поднимался вопросъ о срытіи русскихъ крѣпостей въ Царствѣ Польскомъ въ виду полной невозможности оборонять ихъ отъ непріятели, который могъ совершенно отрѣзать привислинскій театръ войны отъ остальной Россіи. Это мнѣніе вполне оправдалось въ настоящую войну. Не вдаваясь въ дальнѣйшій разборъ вопроса о будущей западной границѣ, нельзя не отмѣтить, что на юго-западѣ самой выгодной является этническая граница русскаго народа. Только Карпатскія горы, естественныя границы Западной и Восточной Европы могутъ и должны быть надежной защитой и стражей матери русскихъ городовъ—древняго Кіева, а съ нимъ и всей Россіи отъ западныхъ сосѣдей. Расширеніе юго—западныхъ рубежей Имперіи до естественныхъ, горныхъ и рѣчныхъ границъ совпадающихъ притомъ съ этническими предѣлами русскаго народа, должно явиться доказатель-

ствомъ наличности и реальнымъ проявленіемъ во внѣ одного изъ наименѣе активныхъ и инициативныхъ, до недавняго времени, видовъ сознанія русской націи: сознанія общественно—національныхъ обязанностей и государственно—политическаго долга къ самой себѣ. Условіемъ этого сознанія является ясное пониманіе интересовъ народа какъ исторической особи, пониманіе факта, что народъ необъединенный—не нація, ибо онъ не весь народъ, не полная и цѣлостная, въ смыслѣ социологическомъ и политическомъ, особь, а фрагментъ, что оторванность отъ массива и политическое порабощеніе крупной части народа, какъ одна изъ частныхъ отсталой, вредной и уродливой формы бытія, является, подобно другимъ такимъ же частностямъ того же явленія (государственной, культурной отсталости, иноплеменному засилію), только звеномъ въ общей цѣпи причинъ, тормозящихъ національно—культурное развитіе и преуспѣваніе.

Соображенія внѣшней политики.

Приблизившись такимъ образомъ къ политической сторонѣ вопроса о присоединеніи къ Имперіи подъяремной Руси и имѣя въ виду въ первомъ ряду соображенія внѣшней политики, не будетъ преувеличеніемъ сказать, что только при условіи, что ни малѣйшій клочекъ русской земли не будетъ оставленъ подъ инородческимъ владычествомъ, Россія сможетъ проявлять въ будущемъ полную самостоятельность, независимость и свободу дѣйствій въ дѣлахъ внѣшней политики. Застарѣлое, двухсотлѣтнее внѣшнее и внутреннее нѣмецкое засидье, уродство и ужасъ котораго только теперь, по мѣрѣ разгоранія войны, мало помалу встаютъ передъ прозрѣвающими глазами Россіи, были причиной того, что направленіе внѣшней политики Россіи не всегда совпадало съ соображеніями о національной солидарности съ подневольной частью русскаго народа и, значитъ, съ интересами національными (напр. раздѣлы Польши 1848—49 гг., нѣмецкая колонизація). Отъ подобныхъ конфликтовъ, неизбежныхъ при оставленіи хотя бы только части Прикарпатской Руси внѣ предѣловъ Россіи, должны будутъ безусловно еще больше страдать попеременно то національные, то государственные русскіе интересы и, въ конечномъ итогѣ, тѣ и другіе.

Какъ Россіи не устоять на иномъ основаніи кромѣ національнаго единства русскихъ племенъ, такъ послѣднимъ не сохранить національнаго существованія внѣ политическаго единенія съ Россіей.

Соображенія внутренней политики. „Украинскій“ вопросъ.

На грани между интересами внѣшней политики и соображеніями внутренней, заключаая въ себѣ элементы той и другой, стоитъ т. наз. украинскій вопросъ. Украинскій національно—культурный партикуляризмъ, не отбиваясь отъ колесницы польской политической мысли, въ послѣднее время превратился въ агрессивное національно—политическое отщепенство и сталъ въ авангардѣ великодержавной австро-германской завоевательной политики и католическаго воинствующаго клерикализма, стремясь, съ помощью Вѣны и Берлина, привить фанатическій догматизмъ своей идеологіи всему югу Россіи.

Цѣль австро-нѣмецкой политики по отношенію къ Россіи стала ясна современни австрійскаго министра Бейста и „железнаго“ канцлера Германіи Бисмарка, мечтавшихъ уже тогда о „Кіевскомъ великомъ княжествѣ“ подъ покровительствомъ Германіи. Цѣль отторгнуть отъ Россіи Малороссію и впослѣдствіи оттѣснить Россію за Уралъ, преслѣдовалась планомерно и упорно въ теченіи полъ вѣка и воплотилась въ Прикарпатской Руси въ столь послѣдовательно, проводившейся украинской политикѣ. Задачей этой политики было подготовить нынѣшній ударъ. Мирной работой врагъ старался ослабить національный остовъ русской государственности, стремясь всѣми средствами къ тому, чтобы на огромной, но не обработанной глубѣ русскаго народа оказались трещины, которыя облегчили бы мечу врага его окончательное раздробленіе. И теперь онъ уже активно стремится выполнить свою задачу, стараясь вдавить русскую національную и государственную жизнь въ тѣ рамки, въ какихъ она находилась до 1667 года.

Но не однимъ раздробленіемъ русскаго государственнаго организма грозитъ Россіи въ нынѣшній моментъ коварный врагъ. Этой мѣрой онъ не могъ бы ограничиться, ибо единый въ цѣломъ русскомъ народѣ національный инстинктъ явился бы связью, которая невидимыми нитями

связывала бы весь русскій національный организмъ въ одно цѣлое такъ же, какъ соединяла она всю русскую землю въ періодъ раздробленія ея на мелкія княжества, какъ объединяла ее въ періодъ дѣйствія Люблинской уніи, какъ, наконецъ, соединяла въ теченіи 600 лѣтъ оторванную Прикарпатскую Русь съ Россіей. Этотъ инстинктъ явился бы залогомъ будущаго государственнаго объединенія, той внутренней элементарной силой, которая своей природной экспансіей, своимъ глубокимъ стремленіемъ къ объединенію, разрушила бы всѣ чуждыя, брошенныя ей извнѣ, формы бытія и обратила бы въ ничто кровью и желѣзомъ реализованные планы врага.

И сознавая это, врагъ стремится не только къ раздробленію Россіи какъ государства. Онъ стремится къ разбѣденію русскаго народа какъ національнаго организма съ помощью той политики вытравленія національнаго инстинкта и извращенія національной опредѣленности, которая велась имъ въ Прикарпатской Руси, которая ведется имъ въ настоящее время въ завоеванныхъ имъ юго-западныхъ и сѣверо-западныхъ русскихъ областяхъ. Малорусское и бѣлорусское нарѣчія признаны имъ самостоятельными, отдѣльными отъ общерусскаго, языками, которые и преподаются уже въ школахъ, „украинцы“ и „беларусы“ самостоятельными національностями, русскому населенію всѣми силами и средствами прививается стремленіе къ культурно-національному сепаратизму, ненависть къ Россіи. Такая же самая агитационная работа въ самыхъ широкихъ размѣрахъ организована во всѣхъ лагеряхъ для русскихъ военноплѣнныхъ въ Австріи и Германіи, гдѣ съ этой цѣлью солдатъ и офицеровъ малороссовъ и бѣлороссовъ содержатъ отдѣльно отъ великороссовъ. Въ искусственной прививкѣ чувства національной обособленности врагъ видитъ то средство, которое сильнѣе бетонныхъ крѣпостей и огромныхъ орудій можетъ закрѣпить реализацію его адскаго плана.

Въ числѣ ключей и девизовъ войны съ Россіей всей Германіей, военной, дипломатической и гражданской, выставлено „освобожденіе Украины отъ русскаго ига“, причемъ доказывается, что въ составъ автономной „Украины“ должны войти Кіевъ, Харьковъ, Одесса, Николаевъ и Севастополь, тѣмъ болѣе, что полоса, прилегающая къ Одессѣ, факти-

чески находится уже въ германскихъ рукахъ, такъ какъ здѣсь, до объявленія войны, числилось 78.819 нѣмцевъ (см. Дэйли Хроникль, 9 марта н. ст. 1916 г.).

Для Россіи національное единство русскихъ племенъ является основой и условіемъ государственной мощи. Подневольное бытіе части русскаго народа всегда будетъ использовано врагами Россіи противъ нея. Тамъ неминуемо будетъ созданъ Пьемонтъ, призванный породить и питать въ самой Россіи уродливыя центробѣжныя, сепаратистическія стремленія.

Слѣдовательно, присоединеніе Прикарпатской Руси къ Россіи какъ единственная мѣра освободить подневольную часть русскаго народа отъ чужого, враждебнаго Россіи культурно—политическаго вліянія и вообще отъ глубоко ненормальныхъ условій его жизни въ Австріи, необходимо также и для внутренняго оздоровленія и силы Россіи. Вѣдь только идущее по историческому направленію и, значитъ, единственно естественное развитіе всѣхъ русскихъ племенъ можетъ обезпечить полное и цѣльное развитіе культуры всего русскаго народа. Національный сепаратизмъ неминуемо, въ силу логической неизбѣжности, ведетъ къ сепаратизму политическому, а послѣдній, въ свою очередь, къ государственному дробленію.

Интересы культуры духовной и матеріальной.

Остается еще сказать нѣсколько словъ о значеніи присоединенія Прикарпатской Руси къ Россіи для ея матеріальной культуры.

По проценту сельскаго населенія (81.5%) по отношенію профессій, распредѣленію земельной площади между отдѣльными видами угодій, по взаимному отношенію культуръ хлѣбовъ и растений, по количеству скота и т. п. Прикарпатская Русь, рѣзко отличаясь отъ западной Европы, представляетъ собою какъ бы продолженіе Малороссіи и вообще Россіи. Въ то-же время необходимо указать на густоту населенія, только немного уступающую германской (102 человека на 1 квадратный километр), что, въ связи съ крестьянскимъ малоземельемъ вызываетъ стремленіе къ переселенію; на болѣе высокое, по сравненію съ сосѣдними областями Россіи, развитіе земледѣлія, на прочно поставленную

въ странѣ экономическую самопомощь, на доходность какъ государственнаго, такъ и автономнаго бюджетовъ, на густую сѣть шоссеиныхъ и желѣзныхъ дорогъ, на развитіе промысловъ, особенно ткацкаго, гончарнаго, по обработкѣ камня, глины, дерева и выработкѣ стекла и химическія производства и, наконецъ, что самое важное, на громадныя природныя богатства. Къ числу послѣднихъ нужно отнести громадныя лѣсныя пространства, изъ которыхъ въ одной Галичинѣ на долю государственной собственности приходится выше 300.000 десятинъ самаго высококачественнаго лѣса. Нефти меньше, чѣмъ въ Баку, но зато она значительно выше качествомъ, въ ней меньше мазута и больше дорогихъ составныхъ частей: парафина, газолена и, особенно, бензина, котораго напримѣръ битковская нефть содержитъ до 50%. По склонамъ Карпатъ находятся громадныя залежи каменнаго угля, земнаго воска, нигдѣ болѣе въ Европѣ не встрѣчающагося, желѣзной руды, и въ особенности богатѣйшіе залежи соли, и, наконецъ, многочисленныя минеральныя источники.

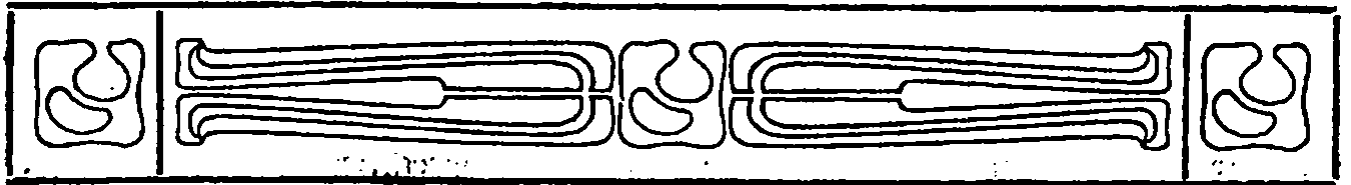
Ростомъ какъ духовной такъ и матеріальной культуры Прикарпатская Русь обязана исключительно только собственнымъ силамъ. Въ этомъ отношеніи, при самыхъ неблагоприятныхъ условіяхъ, она сдѣлала все, что только сдѣлать была въ силахъ. Что выше и цѣннѣе всего, она, безмолвная и забытая, сохранила свою русскую душу, свой національный обликъ. Настоящей войной она поставлена на поворотномъ пунктѣ своей исторіи.

Измученная и истерзанная, претерпѣвъ до конца страдательную седмицу вѣковъ, вѣрная знаменница Русскаго Царя, она вся внялась въ слова Его предреченія: „Да будетъ на вѣки едина недѣлимая, могучая Русь“.

Счастливы тѣ, кому на долю выпадутъ честь и историческая заслуга исторгнуть у покореннаго врага окончательное державно—правовое признаніе великой истины этихъ великихъ словъ.

Сила духа и государственный разумъ призваны рѣшить будущую судьбу Прикарпатской и всей Руси въ ихъ единствѣ и свободѣ.

К. Глушковичъ.

Чего ищутъ въ философіи?

Гейнрихъ Гейне писалъ нѣкогда:

Ужъ больно отрывочна жизнь и вселенная;
Къ профессору нѣмцу пойду непременно я:
Вѣрно ее не оставитъ онъ такъ.
Системы придумаетъ, дастъ имъ названія...
Шлафрокъ надѣвши и спальный колпакъ,
Онъ штопаеть дырки всего мірозданія.

Подъ нѣмцемъ профессоромъ Гейне разумѣлъ Гегеля. Повидимому поэтъ хотѣлъ отъ профессора только того, чтобы онъ представилъ ему міръ въ системѣ. Гейне намѣтилъ ту задачу философіи, которую десятилѣтія спустя послѣ его смерти Авенаріусъ формулировалъ такъ: „Философія есть ставшее научнымъ стремленіе мыслить совокупность всего даннаго въ опытѣ по принуду наименьшей затраты силы“. Гейне и Авенаріусъ просятъ отъ философіи одного экономіи мышленія. Дѣйствительность является разбросанной, отрывочной, пестрой, противорѣчивой, безсистемной и беспорядочной. Трудно удерживать въ памяти то, въ чемъ нѣтъ порядка. За кажущимся беспорядкомъ въ міровой жизни философъ долженъ найти порядокъ. Но если такова задача философіи, то дѣло здѣсь уже совсѣмъ не въ экономіи мышленія и не въ системѣ. Открыть міровой порядокъ значитъ опредѣлить міровые законы и выяснить смыслъ бытія.

Авенаріусъ умеръ, не догадываясь, что его научная философія полна метафизическихъ требованій, но Гейне понималъ это. Передъ смертію онъ писалъ: „да, я возвратился къ Богу — какъ блудный сынъ, я долго пасъ свиней у германцевъ. Привело ли меня къ этому мое жалкое положеніе? Нѣтъ, причина была не такая жалкая. Тоска по небесной отчизнѣ овладѣла мною и влекла меня дальше черезъ

лѣса и стремнины, черезъ головокружительныя горныя тропинки діалектики. На пути своемъ нашелъ я бога пантеистовъ, но онъ не могъ мнѣ ни къ чему быть полезнымъ. Это бѣдное мечтательное существо нераздѣльно родилось и выросло съ міромъ, даже какъ будто залерто въ немъ — существо, не имѣющее ни свободной воли, ни силы. Чтобъ имѣть волю, надо быть личностью; чтобъ проявить эту волю, нужно, чтобъ руки были не связаны. Кто ищетъ Бога, Который былъ бы ему въ помощь и подкрѣпленіе — а вѣдь это главное! — тотъ долженъ признать его личность, его нахожденіе внѣ міра, его священные атрибуты — всеблагость, всевѣдѣніе, всеправосудіе и т. д. Безсмертіе души — продолженіе нашего существованія послѣ смерти — все это дается намъ вмѣстѣ съ этимъ признаніемъ¹⁾. Предметъ и задачу философіи опредѣляютъ очень различно, такъ различно, что Жюффруа въ своемъ предисловіи къ французскому переводу сочиненій Рида (Reid) писалъ: „философія есть наука, предметъ (idée) которой не опредѣленъ (n'est pas encoie fixée) ибо, если бы онъ былъ опредѣленъ, то не было бы столько философій, сколько философовъ, а была бы только одна; нѣтъ различныхъ физикъ, различныхъ астрономій, есть только одна физика, одна астрономія, потому что предметъ этихъ наукъ опредѣленъ“. Вопреки Жюффруа должно сказать, что есть и различныя физики и различныя астрономіи, потому что на различныя вопросы по физикѣ и астрономіи въ различныхъ сочиненіяхъ даются различныя отвѣты. Одни физики хотятъ все объяснять эфиромъ, а другіе говорятъ, что эфира не существуетъ. Одни говорятъ, что міръ звѣздъ безконеченъ, другіе настаиваютъ на его конечности. Одни говорятъ, что не видно связи между звѣздами, другіе пытаются установить, что туманность Андромеды и наше солнце принадлежатъ къ одной системѣ. Различныя физики и астрономіи существуютъ. Но при различіи отвѣтовъ они имѣютъ тожество вопросовъ. Въ философіи какъ будто нѣтъ и этого. Ее опредѣляютъ какъ науку о познаніи, какъ выраженіе научнаго знанія данной эпохи, какъ науку объ идеяхъ, какъ науку о сущности, причинѣ и конечной цѣли всѣхъ вещей. Есть системы философіи, которыя говорятъ

1) Гейне — Собраніе сочиненій. Т. XV, стр. 7—8. Изданіе Вольфа.

только о Богѣ, и есть системы, въ которыхъ нѣтъ ни одного слова о Богѣ. Какъ будто Жуффруа оказывается правъ: у каждаго философа имѣется свой предметъ философіи.

Здѣсь есть недоразумѣніе. Различные курсы по одной и той же наукѣ характеризуются тождествомъ предмета и тождествомъ матеріала, на основаніи котораго составляется сужденіе о предметѣ. Матеріаль зоологіи — животное царство; матеріаль ботаники — царство растительное; матеріаль геометрій — линіи, поверхности и тѣла. Но въ области философіи дѣло обстоитъ не такъ. Философія филологически значитъ любовь къ мудрости. Но въ чемъ заключается мудрость? Что долженъ знать и какъ долженъ дѣйствовать мудрецъ? Философъ долженъ знать истину.

Со словомъ истина соединяють разнообразный смыслъ. Это истина, говорятъ о какомъ-либо сообщеніи, о фактѣ, явленіи, о научномъ открытіи. Пифагорова теорема есть истина. Но хотя такое употребленіе слова истина имѣетъ широкое, даже всеобщее употребленіе, по существу съ словомъ истина соединяють иной, несравненно болѣе глубокой смыслъ.

Признавая субъективный характеръ нашего познанія, истину опредѣляютъ, какъ такую систему представленій, въ которой нѣтъ внутреннихъ разногласій и противорѣчій и по которой наши антиципаціи будущаго совпадаютъ съ будущимъ — наши представленія о томъ, что намъ будетъ казаться, совпадаютъ съ тѣмъ, что потомъ, намъ кажется на самомъ дѣлѣ. Мы не знаемъ того, что происходитъ въ дѣйствительности, но для практическихъ цѣлей оказывается достаточно намъ знать связь нашихъ представленій и нашихъ дѣйствій съ послѣдующими чувствами и представленіями. По теоріи признающей субъективный характеръ нашихъ познаній, для насъ достаточно, если будетъ существовать нѣкоторый параллелизмъ между тѣмъ, что происходитъ внѣ насъ, и нашими представленіями объ этомъ внѣшнемъ теченіи событій. Не трудно видѣть однако, что уже по этой теоріи допускается нѣкоторый объективный элементъ въ нашемъ познаніи, ибо между нашими представленіями о дѣйствительности и дѣйствительностью признается существованіе нѣкотораго соответствія, иначе мы не могли бы предвидѣть нашихъ чувствъ и представленій. Расширяя

присутствіе объективнаго элемента въ познаніи, подъ истинной разумѣютъ соотвѣтствіе между мышленіемъ и бытіемъ. Но все это формальныя опредѣленія истины. Реально и въ строгомъ смыслѣ подъ истинной разумѣютъ знаніе принциповъ сущаго. На вопросъ, что есть истина, отвѣчающій долженъ изложить эти принципы.

Что существуетъ дѣйствительно, что дѣйствительно есть сущее? Уже философія элеатовъ остановила мысль на различіи между бываніемъ и бытіемъ. Въ этомъ мірѣ явленій, который мы знаемъ, даже въ нашемъ собственномъ духовномъ мірѣ мы прежде всего встрѣчаемся съ бываніемъ, а не съ бытіемъ. Вокругъ себя мы видимъ процессы физическіе, въ себѣ наблюдаемъ процессы духовные, но вездѣ мы встрѣчаемся только съ процессами и не находимъ ничего неизмѣнно устойчиваго. При изученіи геометріи школьникамъ сообщаютъ, что въ природѣ нѣтъ ни прямыхъ линій, ни окружностей, ни параллелепипедовъ, ни кубовъ, ни шаровъ, но при этомъ учащійся пребываетъ въ убѣжденіи, что природа полна тѣлами, что только эти тѣла не совпадаютъ съ геометрическими схемами, что у самыхъ совершенныхъ кристалловъ есть отступленія отъ геометрической формы. Должно пойти дальше и сказать, что въ природѣ не существуетъ никакихъ тѣлъ, ни правильныхъ, ни неправильныхъ. Представимъ, что предъ нами находится кубъ. Не будемъ спорить о его абсолютно точной формѣ, но вотъ въ чемъ дѣло. Этотъ кубъ, какъ и все въ природѣ непрестанно претерпѣваетъ измѣненія. Какойнибудь кубическій кристаллъ можетъ существовать тысячи лѣтъ, не измѣняясь повидимому ни въ вѣсѣ, ни въ формѣ, но это только повидимому. Если бы мы обладали достаточно сильнымъ зрѣніемъ, мы увидали бы въ немъ непрерывный процессъ измѣненій. Этотъ процессъ непрерывенъ, но если этотъ процессъ состоитъ въ непрерывномъ переходѣ изъ одной формы въ другую, то нельзя сказать, что въ такой то моментъ процессъ создаетъ такую то форму. О летящей странѣ, учитъ насъ Зенонъ, нельзя сказать, что въ такой то моментъ она занимаетъ такое то мѣсто, потому что, если она занимаетъ опредѣленное мѣсто, то значитъ она неподвижна. Такъ, если о нашемъ кристаллѣ сказать, что въ данную минуту онъ имѣлъ такую то форму, то, значитъ, въ немъ прекратился

процессъ измѣненій. Этого не можетъ быть, такимъ образомъ, никогда, никакой предметъ въ мірѣ не имѣетъ опредѣленной формы. Это — не парадоксъ, наоборотъ нѣчто парадоксальное заключаетъ въ себѣ наше стремленіе дѣлать недѣлимое и облекать въ форму то, что не имѣетъ формы. Міръ есть процессъ. Матерія въ немъ постоянно мѣняетъ форму (припомните ученіе Аристотеля о матеріи и формѣ). Ни на одну безконечно малую черту времени ничто не остается неизмѣннымъ. Мѣсто, которое мы занимаемъ въ пространствѣ, постоянно измѣняется, температура непрерывно испытываетъ колебанія, вѣсъ всего претерпѣваетъ измѣненія непрерывно. Положимъ, вы нѣсколько вытянули шею или подняли палецъ, вслѣдствіе этого голова ваша или палецъ удалились отъ центра земли, дѣйствіе земного притяженія на нихъ ослабѣло, и вы стали вѣсить меньше. Для нашихъ приборовъ эта переменна въ вѣсѣ неуловима, но усильте мысленно себѣ остроту нашихъ чувствъ и чувствительность нашихъ измѣрительныхъ приборовъ, и вы увидите, что въ физическомъ мірѣ нѣтъ бытія, есть лишь бываніе, смѣна, это — калейдоскопъ, въ которомъ не заключается ни одна линія, ни одинъ лучъ, ни одно химическое соединеніе. Гераклитъ сказалъ: „нельзя дважды войти въ одну и ту же рѣку“ (это понятно, вода въ рѣкѣ течетъ непрерывно, и если второе ваше вхожденіе въ рѣку совершится черезъ полчаса, то вода въ рѣкѣ будетъ другою). Изъ афоризма Гераклита слѣдуетъ, что нельзя дважды смотрѣть на одну и ту же картину, нельзя два раза любоваться красотою одного и того же зданія. Только несовершенство нашихъ органовъ чувствъ даетъ намъ иллюзію тождества.

Если мы отъ міра физическаго обратимся къ міру духовному, къ нашей собственной душѣ — предмету нашего самонаблюденія, то здѣсь фактъ постоянныхъ измѣненій явится предъ нами въ еще болѣе безспорномъ видѣ. Наши настроенія смѣняются непрерывно, содержаніе нашего сознанія — тоже самое. Душевные процессы иногда текутъ медленно, иногда быстро, во снѣ онѣ могутъ совершаться съ изумительной быстротой, но во всякомъ случаѣ душа, какъ и дерево, и камень является предъ нами, какъ непрерывный процессъ.

Но мы ищемъ опоры, устоевъ. Мы предполагаемъ, что въ нашей душѣ устойчивымъ началомъ является наша личность, мы предполагаемъ, что міръ имѣетъ неизмѣнную физическую основу. За бываніемъ мы ищемъ бытіе, за міромъ феноменальнымъ мы ищемъ міръ реальный, а за кажущимся ищемъ дѣйствительнаго, мы хотимъ поднять съ міра покрывало майи (грезы, обмана) и увидать истину.

Мы предполагаемъ, что за суетою суетъ и всяческой суетою скрывается идеальная истина. Она вѣчна и неизмѣнна. Эти признаки истинѣ приписываютъ всѣ, но содержаніе ея мыслятъ различно. Одни представляютъ ее въ видѣ вѣчно неизмѣнныхъ законовъ. Другіе мыслятъ эту истину, какъ абсолютный разумъ и абсолютную любовь. Но во всякомъ случаѣ знаніе истины есть знаніе принциповъ сущаго, того, что есть, что будетъ и должно быть, а слѣдовательно и знаніе того, что мы должны дѣлать.

Что такое сущее? Это то, что дѣйствуетъ или можетъ дѣйствовать на насъ и на что мы можемъ дѣйствовать. Сущее — это прежде всего мы, а потомъ то, что въ нѣкоторой мѣрѣ живетъ совмѣстно съ нами жизнію. То, что на насъ не дѣйствуетъ, для насъ не существуетъ. Представимъ себѣ, что имѣется какая-либо система міровъ, которая не связана съ нашей. Пусть эта система существуетъ и движется въ томъ же пространствѣ, въ которомъ находится и нашъ звѣздный міръ. Но взаимодѣйствія между ними нѣтъ. Для насъ эта система все равно, что не существуетъ. Философія имѣетъ предметомъ своимъ все сущее, но въ понятіи этого сущаго мыслится связь и взаимодѣйствіе между его элементами. Связи бываютъ различными: близкими и далекими, желательными и нежелательными. Философъ стремится рѣшить вопросъ о взаимоотношеніи элементовъ сущаго и какое мѣсто самъ онъ занимаетъ и долженъ занять среди этихъ элементовъ? Матеріалъ для рѣшенія вопроса представляетъ вся вселенная, но всю вселенную человѣкъ познать не можетъ, не можетъ онъ даже узнать о ней все то, что знаютъ всѣ люди. Поэтому для рѣшенія философскихъ вопросовъ мыслитель беретъ что-либо изъ данныхъ о мірѣ и на основаніи этого чего-либо рѣшаетъ вопросы обо всемъ мірѣ. Вотъ — различіе философіи отъ другихъ наукъ. Въ послѣднихъ опредѣленъ не только предметъ, но и ма-

теріалъ изслѣдованія; въ философіи матеріалъ безграниченъ и поэтому у различныхъ философовъ онъ оказывается различнымъ. Но предметъ философіи остается однимъ и тѣмъ же; различіе касается лишь матеріала, на основаніи котораго составляется сужденіе о предметѣ. Если же по внѣшности у философовъ оказывается различіе и въ предметѣ, то это — различіе словъ, а не дѣла. Что такое бытіе, какое мѣсто я въ немъ занимаю и какое долженъ занимать? — вотъ вопросы, которые всегда ставились и будутъ ставиться философіи. Относительно этихъ вопросовъ прежде всего конечно долженъ быть еще поставленъ вопросъ: разрѣшимы ли они и въ какой мѣрѣ? Этимъ занимается теорія познанія въ философіи. Затѣмъ, какъ бы ни былъ рѣшенъ вопросъ о познаніи принциповъ сущаго, практически все таки необходимо рѣшить вопросы: какъ лучше всего мыслить сущее и какъ лучше всего къ нему относиться? Какъ нибудь надо представлять міръ и какъ нибудь нужно опредѣлять свое положеніе въ немъ. Математика, которую любятъ ставить въ образецъ точности, постоянно при вычисленіяхъ отбрасываетъ величины, которыми можно пренебречь безъ уцербъ для рѣшенія проблемы. Такъ поступаютъ и астрономія и физика, а затѣмъ и всѣ науки. Но въ большинствѣ изъ этихъ наукъ легко опредѣлить и рѣшить, чѣмъ можно пренебречь. Въ области философіи это не такъ просто. При рѣшеніи вопроса о важнѣйшемъ можно ли пренебречь произведеніями живописи и музыки? Можно ли оставить въ сторонѣ религіозныя явленія, какъ не имѣющія важнаго значенія созданія фантазіи? Можетъ быть для того, чтобы понять міръ и выяснитъ всѣ его стремленія, достаточно изучить свинью и окажется, что всѣ высшія стремленія человѣка къ истинному, доброму, прекрасному это — только модификаціи свинныхъ вождельній къ самосохраненію и продолженію рода. Разно можно толковать и разно обо всемъ этомъ толкуютъ мыслители, потому что прежде всего при рѣшеніи философскихъ вопросовъ разно смотрятъ на то, какими величинами можно пренебречь: Храмомъ Христа Спасителя или охотнымъ рядомъ въ Москвѣ.

Вопросъ о томъ, что важно и что неважно, рѣшается человѣкомъ прежде всего, смотря по тому, въ какихъ условіяхъ онъ живетъ. Живописецъ, актеръ, врачъ, священникъ

судятъ о важномъ и неважномъ — каждый — съ своей точки зрѣнія. У каждаго своя традиція. Но общій фактъ, который мы имѣемъ передъ собою, состоитъ въ томъ, что традиція у народовъ трактовалась религіозно и предполагала за собою религіозное освященіе. Обычаи, законы, обязанности трактовались, какъ опредѣленные и данные богами. Изувѣчить раба у многихъ не считалось преступленіемъ, но оставить безъ погребенія родственника, считалось возмутительнѣйшимъ преступленіемъ. Первое считалось неважнымъ, второе чрезвычайно важнымъ. Такимъ образомъ всякій человѣкъ изъ своего опыта, и условій жизни получаетъ рѣшеніе вопроса о томъ, что важно и неважно, что—должно быть и чего быть не должно, что онъ долженъ дѣлать и чего избѣгать. Философъ есть тотъ, кто не просто принимаетъ къ руководству традицію, а ставитъ себѣ вопросъ: должно ли слѣдовать этой традиціи, разумно или неразумно это? А такъ какъ традиція исторически всегда имѣла религіозную основу, то слѣдовательно философъ для себя долженъ былъ рѣшить вопросъ: какъ понимать и какъ оцѣнивать эту основу? Отсюда философія исторически всегда исходила изъ анализа, защиты или отрицанія религіи.

Можно свести къ четыремъ основнымъ типамъ отношеніе философіи къ религіи. 1) Въ результатъ своего религіознаго анализа философъ могъ получить признаніе религіи истиной, предъ которой должно преклониться и которой должно служить. Философія тогда должна стать только истолковательницей богословія или, говоря иначе, служанкой богословія. Такую роль въ исторіи философіи пытался взять на себя неоплатонизмъ. Въ такое положеніе философія стала въ средніе вѣка. Тогда говорили: *Philosophia est Theologiae ancilla*—философія есть служительница богословія. Въ новое время это названіе стали считать оскорбительнымъ для философіи. Философія не служительница, а госпожа, она оцѣниваетъ достоинство всего, она произноситъ судъ и надъ богословіемъ, т. е. надъ религіею, потому что богословіе есть раскрытіе религіознаго ученія. Люди новаго времени хотятъ быть не слугами и рабами, а господами положенія, они не хотятъ подчиняться. И то, что мысль можетъ быть ancilla чего-либо, представляется имъ унижительною и позорною. Но позволительно думать, что люди

новаго времени въ этомъ отношеніи менѣе правы, чѣмъ ихъ средневѣковые предки. Во 1), какъ ни какъ, а подчиняться кое-чему нужно: нужно подчиняться законамъ природы, ибо невозможно имъ не подчиняться, нужно подчиняться требованіямъ логики, такъ какъ не подчиняться имъ нелѣпо. Во 2), кромѣ законовъ природы и логики, человѣкъ долженъ найти что-либо высшее, что бы опредѣляло его дѣятельность, давало смыслъ его жизни. Это высшее не въ средніе, а уже въ древніе вѣка Аристотелемъ было названо Theologia—богословіе. Подъ Богомъ люди всегда разумѣли истину, правду, любовь и все это въ безконечно совершенномъ и возвышенномъ смыслѣ. Такимъ образомъ, богословіе всегда было ученіемъ о томъ, что есть высшая истина и совершеннѣйшая любовь. Неужели назначеніе служить этой истинѣ и этой любви можно считать унижительнымъ? Какъ бы человѣкъ ни жилъ и ни дѣйствовалъ, онъ непремѣнно служить какимъ либо принципамъ и, разумѣется, лучше служить принципамъ разумнымъ, чѣмъ неразумнымъ, лучше служить истинѣ, чѣмъ лжи. Задача философіи—служить истинѣ, и наименованіе служительницы истины должно считаться для нея почетнымъ.

Противъ положенія: *Philosophia est Theologiae ancilla* можно идти, имѣя въ виду лишь опредѣленную теологію, вызывающую сомнѣніе въ истинности своего содержанія. Безспорно, философія должна произвести оцѣнку и изслѣдованіе всякой теологіи. Въ сущности эту оцѣнку и это изслѣдованіе производитъ каждый человѣкъ, сознательно принимающій то или другое вѣроученіе, какъ истину. Но должно помнить, что то, что измѣряетъ, не всегда выше измѣряемаго. Если оцѣнщикъ убѣдится, что цѣна оцѣниваемаго безконечна, онъ долженъ преклониться предъ найденною имъ безконечною цѣнностью. Служеніе тому, что безконечно, безъ сомнѣнія, есть самое почетное для человѣка. И на самомъ дѣлѣ, философія cadaго человѣка есть служанка его богословія, она защищаетъ и обосновываетъ важнѣйшія убѣжденія, святая святыхъ человѣка.

Процессъ философствованія есть процессъ исканія истины, результатомъ процесса должно быть преклоненіе предъ истиной. Предъ истиной нестыдно преклониться и противъ истины безумно идти.

Но что есть истина? И въ средніе вѣка на самомъ дѣлѣ философская мысль не успокоивалась на предположеніи, что истина—въ христіанскомъ богословіи. Въ новое время большинство уже рѣшительно склонилось къ предположенію, что истина—не въ христіанскомъ богословіи. Можно назвать очень немногихъ философовъ, которые прямо и рѣшительно склонились предъ вѣрой отцовъ, какъ предъ вѣчной и непререкаемой истиной (Паскаль, Баадеръ, Вл. Соловьевъ). Многие заняли по отношенію къ религіи совсѣмъ другую позицію. Это—другой типъ отношенія философовъ къ религіи.

2) Отношеніе взбунтовавшихся рабовъ. Эти философы, отрицая религію, стремятся относиться къ ней не какъ къ заблужденію, а какъ къ злостному и вредному обману. Какъ будто они вкусили запретныхъ плодовъ, о которыхъ нѣкогда змѣй сказалъ женѣ: „знаетъ Богъ, что въ день, въ который вы вкусите ихъ, откроются глаза ваши, и вы будете, какъ боги, знающіе добро и зло“ (Быт. 3, 5). И вотъ, философы вкусили этихъ плодовъ, и Гольбахъ писалъ: „о природа, владычица всего сущаго, и вы, ея дочери, добродѣтель, разумъ и истина, будьте вы навсегда нашими единственными божествами! Что такъ затрудняло и дѣлало столь рѣдкой добродѣтель? Религія, которая раздѣляетъ людей, вмѣсто того, чтобы ихъ соединять. Что задерживало такъ долго просвѣщеніе разума и открытіе истины? Религія съ ея несчастными ошибками: Богомъ, духомъ, свободой, бессмертіемъ. Бессмертіе существуетъ только въ памяти грядущихъ поколѣній; человѣкъ есть однодневное твореніе; нѣтъ ничего пребывающаго, кромѣ единой великой природы и вѣчнаго закона, что все измѣняется. Могутъ-ли разбитые на тысячу кусковъ часы продолжать показывать время?—Безмысленная догма о свободѣ была найдена только для того, чтобы разрѣшить безмысленную задачу,—оправдать Бога относительно существованія зла. Человѣкъ въ каждое мгновеніе жизни служитъ пассивнымъ инструментомъ въ рукахъ необходимости; вселенная—неизмѣримая, непрерывная, цѣпь дѣйствій и противо-дѣйствій, вѣчный кругъ обмѣнивающихся движеній, управляемый законами, измѣненіе которыхъ тотчасъ перемѣнило бы сущность всѣхъ вещей. Внесенное философами и одобрительно воспринятое глупцами понятіе человѣческаго и Божескаго духа составляетъ роковую ошибку. Что человѣкъ раскололся

на двѣ субстанціи,—это имѣетъ свое основаніе въ томъ, что мы изъ измѣненій нашего тѣла воспринимаемъ непосредственно только внѣшнія массовыя движенія; напротивъ, внутреннія движенія невидимыхъ молекулъ узнаемъ только изъ ихъ дѣйствій. Послѣднія были приписаны духу и украшены его качествами, пустота которыхъ явствуетъ изъ того, что всѣ они вмѣстѣ даютъ только отрицаніе того, что мы знаемъ. Опытъ даетъ намъ только протяженное, тѣлесное, дѣлимое,—всему этому духъ долженъ быть противоположенъ и имѣть вмѣстѣ способность дѣйствовать (какъ? никто не можетъ сказать) на матеріальное и испытывать на себѣ его дѣйствіе. Когда человекъ раздѣлилъ себя на душу и тѣло, то на самомъ то дѣлѣ онъ только отличилъ свой мозгъ отъ самого себя. Человекъ есть чисто физическое существо. Такъ всѣ называемые духовные процессы дѣятельности мозга, составляютъ частные случаи дѣйствія всеобщихъ силъ природы. Мышленіе и воля суть ощущенія, ощущеніе же есть движеніе. Движущія силы въ нравственномъ мірѣ—тѣ же, что и въ физическомъ; здѣсь онѣ называются притяженіемъ и отталкиваніемъ, а тамъ любовью и ненавистью; и то, что моралистъ называетъ эгоизмомъ, есть именно влеченіе къ самосохраненію, которое въ физикѣ извѣстно подъ названіемъ косности. Какъ самого себя, такъ точно человекъ удвоилъ и природу. Первымъ побужденіемъ къ образованію идеи Бога было зло; скорбь и невѣжество были родителями суевѣрія: страданіе было приписано невѣдомымъ силамъ, которыхъ боялись и въ то же время надѣялись умилоствовать молитвой и жертвой. Болѣе мудрые обращались съ своими мольбами и почитаніемъ къ болѣе достойному объекту—къ великому „Все“. И дѣйствительно, если желаютъ связать со словомъ Богъ опредѣленный смыслъ, то оно обозначаетъ дѣятельную природу. Ошибка заключалась въ дуализмѣ,—въ томъ, что природу отдѣлили отъ нея самой, т. е. отъ ея дѣятельности, и въ томъ, что для объясненія движенія считали необходимымъ особаго нематеріальнаго Двигателя. Это предположеніе, во первыхъ, ложно, такъ какъ если „Все“ есть комплексъ всего существующаго, то ничего не можетъ существовать внѣ его. Движеніе слѣдуетъ столь же необходимо изъ существованія вселенной, какъ и ея другія качества; она не получаетъ ихъ извнѣ,

но даетъ ихъ самой себѣ изъ своей собственной силы. Во вторыхъ, это предположеніе бесполезно: оно ничего ни объясняетъ, но запутываетъ задачи естествознанія до неразрѣшимости. Въ третьихъ, оно противорѣчитъ само себѣ, потому что съ тѣхъ поръ, какъ богословіе посредствомъ отрицательныхъ метафизическихъ предикатовъ отдалило, насколько возможно, Божество отъ человѣка, онъ видитъ себя принужденнымъ вновь приблизить Его посредствомъ моральныхъ атрибутовъ, которые не соединены ни между собой, ни съ первыми, и завершаетъ это противорѣчіе тѣмъ, что увѣряетъ, будто бы можно удовольствоваться предположеніемъ непостижимаго Бога. Это предположеніе, наконецъ, опасно: оно отвлекаетъ людей отъ современности, разрушаетъ ихъ покой и довольство, раздуваетъ ненависть и такимъ образомъ дѣлаетъ невозможнымъ счастье и нравственность. Если полезность есть признакъ истины, то теизмъ своими вредными послѣдствіями, даже въ мягкой формѣ деизма, доказалъ, что онъ—ошибка. Всякая же ошибка—ядъ“¹⁾).

Когда Франклинъ пріѣхалъ въ Парижъ, энциклопедисты устроили ему чествованіе и воспѣли въ одѣ, въ которой говорилось, что онъ подобно титанамъ отнялъ перуны у Зевса. Этимъ намекали на его открытія въ области электричества и на изобрѣтеніе имъ громоотвода. Франклинъ былъ возмущенъ этою одою. Онъ заявилъ: я думалъ, что мнѣ извѣстны всѣ доказательства бытія Божія, но оказывается, я не зналъ доказательства отъ ненависти. Ненавидѣть можно лишь то, во что вѣришь, существованіе чего признаешь. Ненависть, которою дышала по отношенію къ Богу ода энциклопедистовъ, съ точки зрѣнія Франклина доказывала, что и эти люди, считавшіе себя атеистами, на самомъ дѣлѣ вѣрили въ Бога.

Когда Христа оскорбляли, бичевали и распинали, то всѣ тѣ, которые требовали этого и совершали это, въ глубинѣ своей души должны были чувствовать, что они рабы и что Христосъ царь. Начиная съ Пилата, они боялись народа, кесаря, наконецъ Христа. И когда они злословили Его и насмѣхались надъ Нимъ, призывая Его сойти со креста и спасти Себя и ихъ, несомнѣнно въ ихъ заячьихъ душенькахъ

¹⁾ Фалькенбергъ—Исторія новой философіи. Перев. подъ редакціей проф. А. И. Введенскаго. 1894. стр. 226—227.

таилось опасеніе: „а ну какъ сойдетъ!“ И только ободряемые спокойствіемъ и безмолвіемъ Божественнаго страдальца, они усиливали свою наглость и свои издѣвательства.

Въ области философіи безнаказанность походовъ противъ религіозныхъ вѣрованій наконецъ создала цѣлое направленіе, которое, трактуя религію, какъ заблужденіе нелѣпое и вредное, въ то же время стало представлять ее плодомъ какого то ребяческаго недоразумѣнія, неумѣньемъ догадаться, что истина, добро и красота только субъективныя понятія и что мы обозначаемъ ими лишь то, что полезно чловѣку.

Нашъ умъ подобенъ музыкальному инструменту, который не беретъ ни слишкомъ высокихъ, ни слишкомъ низкихъ нотъ и фальшивитъ во многихъ и изъ тѣхъ нотъ, которыя беретъ. Этотъ умъ есть продуктъ окружающей его природы, окружавшихъ его условій. Съ измѣненіемъ окружающей его природы—а она измѣняется постоянно—будетъ измѣняться и умъ—будутъ измѣняться его стремленія, преобразуются законы и принципы мышленія. Неизвѣстно, что произойдетъ съ понятіями: истина, причина. Очевидно, что инстинктивное стремленіе такого ума къ служенію идеѣ истины стремленіе, происшедшее вслѣдствіе смѣшенія средства съ цѣлью не можетъ быть ни поддерживаемо, ни поощряемо, его должно заглушать: должно изучать природу, но лишь съ цѣлью эксплуатаціи, а не затѣмъ, чтобы постигнуть истину, которая не постижима; должно изучать исторію человѣческаго общества, но лишь съ цѣлью извлечь изъ этого изученія полезныя правила для улучшенія формъ общежитія, а вовсе не за тѣмъ, чтобы въ исторіи человечества отыскивать какіе то таинственные пути, направляющіе людей къ высшей цѣли. Изучать науку нужно для того, чтобы строить желѣзныя дороги, улучшать земледѣліе, усовершенствовать государственное устройство, уничтожать заразительныя болѣзни. Но тотъ, кто занимается наукою ради науки, кто видитъ въ стремленіи къ знанію высшее проявленіе человѣческаго духа, кого занимаетъ вѣчная истина, а не наличная дѣйствительность, созданная вчерашними историческими и геологическими факторами, тотъ стоитъ на ложномъ пути: его дѣятельность имѣетъ праздный и слѣдовательно вредный характеръ.

Какъ служеніе истинѣ съ точки зрѣнія излагаемой нами теоріи имѣетъ источникомъ своимъ вредную иллюзію, такъ подобную же иллюзію имѣетъ своимъ источникомъ и служеніе добру. Человѣкъ, стремящійся искренно стать совершеннѣе въ нравственномъ отношеніи, смотритъ на нравственный законъ, какъ на нѣчто неизмѣнное и данное свыше. Но на самомъ дѣлѣ нравственный законъ есть нѣчто условное и измѣняющееся, онъ является въ человѣкѣ результатомъ наслѣдственнаго опыта, и по мѣрѣ того какъ будетъ измѣняться этотъ опытъ, будутъ измѣняться нравственныя понятія человѣчества. Идеи добра и зла обязаны своимъ существованіемъ тому, что существуютъ полезныя и вредныя вещи. Происхожденіе дѣйствующаго въ современномъ человѣчествѣ и формулированнаго христіанствомъ нравственнаго закона, обязывающаго человѣка стремиться любить ближняго, какъ самого себя, можетъ быть объяснено такимъ образомъ. У низшихъ организмовъ нѣтъ нравственныхъ понятій, имъ не присуще сознаніе, что они должны заботиться о комъ либо, кромѣ самихъ себя. Это сознаніе является у материнскихъ организмовъ тогда, когда материнскій организмъ живетъ вмѣстѣ уже съ живымъ дѣтенышемъ при такихъ условіяхъ, что всякій вредъ, наносимый послѣднему, отзывается на первомъ, отсюда естественны заботы матери о своемъ потомкѣ, отсюда естественно, что у матери развивается чувство любви къ своему дѣтенышу. Это чувство любви эволюціонировало у различныхъ животныхъ организмовъ различнымъ образомъ и отлилось въ различныя формы. Самки плотоядныхъ обнаруживаютъ любовь, готовую на всѣ жертвы къ только что рожденнымъ дѣтенышамъ, затѣмъ эта любовь постепенно ослабѣваетъ и, наконецъ, когда дѣтеныши становятся способными къ самостоятельной жизни, эта любовь совершенно охладѣваетъ или иногда даже переходитъ во вражду. Рыбы не знаютъ материнской любви. У обезьянъ мы встрѣчаемъ любовь къ дѣтенышамъ уже не однихъ самокъ, но и самцовъ. Это въ области семейной любви. Расширеніе предѣловъ этой любви могло породить и любовь къ ближнему, но тамъ, должно полагать, послѣдняя имѣетъ своимъ источникомъ нужду во взаимной помощи. Многіе организмы живутъ соціальною жизнью и только у такихъ и можно найти нѣчто подобное чувству любви къ

ближнему. Что касается до организмовъ низшихъ, живущихъ соціальною жизнью, то тамъ чувство подобное любви къ ближнему имѣетъ для себя физическую причину. Многія колоніи связаны внѣшнею связью такъ, что ударъ по одной особи отзывается на другой. Что дѣйствительно колоніи, въ которыхъ отдѣльныя особи связаны такъ тѣсно, существуютъ, для этого достаточно указать на отрядъ ленточныхъ червей. Прежде cadaго червя разсматривали, какъ отдѣльный индивидуумъ, теперь выяснено, что каждый изъ нихъ колонія индивидуумовъ—проглотицъ (*proglottis*: солитеръ—*faenia solium*) представляетъ собою не единицу, а сумму значительнаго числа единицъ. Формы соціальной жизни у различныхъ животныхъ весьма различны и даже у различныхъ видовъ однихъ и тѣхъ же родовъ животныхъ они принимаютъ различный характеръ, въ различной степени проявляются у животныхъ и альтруистическіе инстинкты. Въ весьма различной степени присущи они различнымъ человѣческимъ племенамъ и однимъ и тѣмъ же племенамъ въ различныя времена...

Человѣческая совѣсть есть продуктъ эволюціи, и такъ какъ факторы эволюціи не были тождественны на всемъ земномъ шарѣ, то поэтому совѣсть у различныхъ племенъ оказывается очень различной. Г. Спенсеръ, въ статьѣ, подвергающей безпощадной критикѣ ученіе о морали Канта, попытался доказать это положеніе множествомъ примѣровъ. „Леббокъ, говоритъ онъ, пишетъ: „я полагаю, что низшія расы можно считать лишенными всякихъ идей о правѣ..., что есть также расы, не обладающія нравственнымъ чувствомъ, это противорѣчило формально тѣмъ предвзятымъ идеямъ, которыя я внесъ въ начало моихъ изслѣдованій въ жизнь дикарей, и я отсталъ отъ этой мысли лишь постепенно и не безъ борьбы“ (Происхожд. цивилиз. 269). Вотъ факты, приводимые Спенсеромъ въ подтвержденіе этого взгляда. „Говоря о своемъ умершемъ сынѣ, Туи Тхахау, глава фиджійцевъ, хвалилъ его, опредѣляя его умъ смѣлымъ, а его жестокость совершенной, такъ какъ она позволяла ему убивать своихъ собственныхъ женъ, когда тѣ его раздражали, и съѣдать ихъ (S. E. Erskine, Восточный океанъ, стр. 248)“. „Проливать кровь для фиджійца не только не преступленіе, но слава... Быть какимъ-либо образомъ при-

знаннымъ убійцей, есть предметъ безграничной гордости для островитянъ Фиджи“ (Т. Williams, Фиджи и Фиджійцы, стр. 212). „Томсонъ говоритъ о молодыхъ зулусахъ: печально, что даже въ довольно нѣжномъ возрастѣ они могутъ подъ вліяніемъ минуты и по закону убить своихъ матерей, если тѣ пытаются ихъ наказывать“ (Т. Thompson. Путешествія и приключенія въ южной Африкѣ 11, стр. 418). „Убійство, развратъ, воровство и всѣ другіе сорта преступленій не считаются грѣхомъ на Золотомъ Берегу“. (Босманъ описаніе береговъ Гвинеи). „Восточнымъ африканцамъ неизвѣстна карающая совѣсть. Единственно, чего они боятся, это преслѣдованія тѣни убитаго, раздраженнаго ихъ преступленіемъ“ (R. T. Barton, озерныя области Центральной Африки 11, 536). „Мы никогда не удавалось заставить восточныхъ африканцевъ понять существованіе добраго начала“ (Вахер, The Nile Tributarios of Abssinia. 1, 240—241). „Дамары убиваютъ бесполезныхъ вѣдаковъ и людей, ослабѣвшихъ отъ возраста, бываютъ случаи удушенія больныхъ родителей сыновьями“ Гальтонъ, Narrative of an Explorer in Tropical South Africa 112). „Дамары, кажется, не имѣютъ никакого яснаго понятія о добромъ и зломъ“ (тамъ же 72). Послѣ этихъ выписокъ Спенсеръ приводитъ другой рядъ фактовъ совершенно противоположнаго характера. „Существуютъ горные индусы, простые инородцы, напр., лепхи, которые удивительно забываютъ обиды; а Камбель замѣтилъ въ этомъ фактѣ примѣръ воздѣйствія очень живого чувства долга (обязанности) у этихъ дикарей. Тотъ характеръ, который, какъ думаютъ, долженъ бы былъ образоваться подъ вліяніемъ христіанства, мы находимъ развитымъ въ высшей степени у папуасовъ, живущихъ въ мирѣ и питающихъ другъ къ другу братскую любовь до такой степени, что правительство тамъ является совершенно номинальнымъ“. „Относительно-же различныхъ племенъ горныхъ индусовъ, какъ санталы, суры, маріасы, лепхи, бодо и диманы различные наблюдатели удостовѣряютъ, что многіе изъ нихъ представляютъ самое прекрасное собраніе такихъ честныхъ людей, которыхъ я ранѣе никогда не встрѣчалъ“ (Hunter), „преступленія и уголовныя чиновники совершенно неизвѣстны“ (Hunter), „очаровательная черта ихъ характера, это—ихъ совершенная преданность“ (Shrozz), они

обладаютъ замѣчательною склонностію къ преданности и честности, они удивительно честны (Campbell), честны и преданны и на словахъ, и на дѣлѣ (Nadhsen). Не принимая болѣе во вниманіе расы, мы находимъ эти черты у людей, которые оставались и остаются въ теченіе долгаго времени абсолютно пассивными (т. е. ихъ прошлое неизмѣнно), таковы Джакуны, о которыхъ извѣстно, что они „никогда не украсятъ никакой вещи даже самой малозначительной (Fabre), или также газы съ Гималая, у которыхъ простое оскорбительное помышленіе о честности или правдолюбіи какой-либо личности можетъ быть достаточнымъ, чтобы довести эту личность до самоубійства (Dalton). Такимъ образомъ съ точки зрѣнія совѣсти эти нецивилизованные варвары на столько же выше европейцевъ, насколько европейцы выше грубыхъ дикарей, о которыхъ мы говорили ранѣе“.

Какъ нравственныя понятія и требованія оказываются различными у различныхъ племенъ въ одно и то-же время, такъ они оказываются различными и у однихъ и тѣхъ же племенъ въ различныя времена. До Р. Х. понятіе ближняго человѣка, котораго нравственный законъ обязывалъ любить, ограничивали по большей части единомышленникомъ, христіанство постепенно насадило мысль, что всѣ люди—наши братья и ближніе. Но и это нравственное ученіе, говорятъ, плохо усвоено современнымъ міромъ, затѣмъ его находятъ несомнѣнно вѣрнымъ и справедливымъ по отношенію къ человѣчеству и, наконецъ, оно, говорятъ, въ сущности является столь же эгоистическимъ, какъ и ученіе, которое кругъ ближнихъ ограничивало единомышленниками. Обсужденіе вопроса, на сколько люди усвоили нравственное христіанское ученіе, не входитъ въ настоящее разсужденіе, но что касается до положеній о недостаточномъ совершенствѣ нравственнаго христіанскаго закона, то они должны быть разъяснены. Замѣчаютъ, что часто добро имѣетъ мѣстное и временное значеніе и что совершеніе добрыхъ дѣлъ можетъ часто влечь за собою вредные результаты. Положимъ, какому-либо человѣку что-либо даютъ, наприм. деньги, этимъ самымъ вѣдь даютъ человѣку власть надъ чѣмъ-либо, право на чей-либо трудъ, такимъ образомъ, давая одному, отнимаютъ у другого. Далѣе христіанская мораль предписываетъ заботиться о сохраненіи людей слабыхъ духомъ и тѣломъ,

обязываетъ поддерживать ихъ существованіе и запрещаетъ убивать ихъ, ибо жизнь человѣка въ рукахъ Божіихъ, но чрезъ сохраненіе въ обществѣ дурныхъ особей—говоритъ наука намъ—происходитъ ухудшеніе рода. Если практическая дѣятельность человѣка, какъ говоритъ одинъ англійскій эволюціонистъ, должна состоять въ томъ, чтобы соперничать съ неизвѣстнымъ Творцомъ въ повышеніи его созданій, то такая цѣль можетъ быть достигаема лишь тогда, когда къ человѣчеству лучшіе люди будутъ примѣнять принципъ искусственнаго отбора, отметающаго всѣхъ слабыхъ и предоставляющаго право жить лишь тѣмъ, кто сами могутъ приобрести это право силой—сильнымъ. Понятіе ближній въ нравственномъ христіанскомъ кодексѣ не раскрыто съ достаточною опредѣленностью. Если ближній есть всякій человѣкъ, то тогда и человѣкъ грѣха и сынъ погибели, всѣ наши ближніе, если всѣхъ должно любить одинаково, то тогда значитъ невозможно жертвовать сотней посредственностей, чтобы спасти одного генія. За всѣмъ тѣмъ принципъ, провозглашающій братство всѣхъ людей, есть принципъ очень выгодный, но однако онъ есть принципъ утилитарный, а не нравственный. Когда не было идеи человѣчества и каждое племя рассматривало себя какъ особую единицу, противопоставляя себя всѣмъ другимъ народамъ: еллинамъ—варвару, іудеямъ—язычнику, тогда силы отдѣльныхъ этническихъ единицъ часто дѣйствовали во вредъ одна другой и потому силы человѣчества были слабы; когда вмѣсто того, чтобы противоборствовать одни другимъ, люди стали постепенно приходить къ мысли, что лучше помогать другъ другу, тогда человѣчество стало могущественнѣе: соединеніе силъ и раздѣленіе труда сообщили быстрѣйшее движеніе прогрессу и сдѣлали гораздо усильнѣе борьбу человѣка съ природой. Всмотриваясь въ эту борьбу, мы видимъ и выходы принципа братства людей, и его не нравственный характеръ. Природа предоставила всѣ свои богатства равно въ распоряженіе всѣхъ тварей, за право обладанія этими богатствами ведется борьба между тварями и вотъ люди, сплотившись тѣсно между собой, усильно уничтожаютъ или подчиняютъ себѣ, равно какъ и они, желающіихъ жить и наслаждаться жизнью животныхъ. Волки, медвѣди, тигры и львы, въ непродолжительномъ будуще, по всей вѣро-

ятности, исчезнуть съ лица земли ихъ истребятъ чело-
вѣколюбивые люди. Ну, а если бы они истребили людей?
Очевидно ихъ должно было бы признать правыми. Жить
можно, лишь уничтожая жизнь другихъ. Но уничтожать
другихъ можно гораздо успѣшнѣе въ союзѣ съ кѣмъ-либо,
чѣмъ одному. Такъ принципъ борьбы за жизнь дополняется
принципомъ взаимопомощи—принципомъ однако довольно
эластичнымъ, суживающимся, расширяющимся и измѣняю-
щимся, смотря по времени и обстоятельствамъ. Потребность
взаимопомощи въ прошедшемъ породила въ современномъ
человѣкѣ чувство любви къ своему ближнему, къ подобному
себѣ чело-вѣку или вѣрнѣе породило еще пока только соз-
наніе, что нужно любить подобныхъ себѣ. Но изъ всего
вышесказаннаго слѣдуетъ, что въ этомъ присущемъ чело-
вѣку сознанію нельзя видѣть ни голоса Божія, ни даже
неизмѣннаго голоса природы. Люби подобныхъ себѣ; въ
какомъ отношеніи подобныхъ? Лукавый чело-вѣкъ менѣе
подобенъ вѣрному чело-вѣку, чѣмъ вѣрная собака. Кого
же должно любить болѣе: злого чело-вѣка или добрую собаку?
Добро не есть цѣль, а средство, способствующее сохраненію
рода, индивидуумы котораго стремятся дѣлать добро другъ
другу. Дѣйствительность показываетъ намъ, что это средство
для того, чтобы быть наиболѣе совершеннымъ, должно быть
нѣсколько видоизмѣнено: во 1) добро должно быть оказы-
ваемо не всѣмъ подобнымъ индивидуумамъ, а лишь тѣмъ
изъ подобныхъ, которые способствуютъ улучшенію рода или
по крайней мѣрѣ не ухудшаютъ его, во 2) добро должно
оказывать и не подобнымъ индивидуумамъ, если они служатъ
интересамъ нашего рода (собака, лошадь). Вообще цѣль
добра—удовлетвореніе самаго животнѣйшаго изъ нашихъ
инстинктовъ—инстинкта сохраненія бытія и продолженія рода.
Кто ставитъ добро не средствомъ, а цѣлью, кто воображаетъ,
что оно есть нѣчто объективное и неизмѣнное, тотъ стоитъ
на ложномъ пути, ученіе такового вносить путаницу въ
умы людей и можетъ быть вреднымъ для чело-вѣчества.

Остается красота. Она безспорна повидимому. Дарвинъ
посвятилъ громадный трактатъ доказательству, что чувство
красоты развито у животныхъ, оно есть у дикарей, изящное
и прекрасное стоитъ на первомъ планѣ у людей цивили-
зации. Влад. Соловьевъ въ статьѣ „Красота въ природѣ“

восхваляетъ Дарвина за его сочиненіе „The descent of man, въ которомъ будто бы Дарвинъ указываетъ на объективность красоты. В. Соловьевъ говоритъ, что одно это сочиненіе должно было бы обезсмертить великаго Дарвина, если бы даже у него не было другого „О происхожденіи видовъ“. Но В. С. Соловьевъ слишкомъ поспѣшилъ съ выраженіемъ своего почтенія предъ геніемъ Дарвина: въ книгѣ Дарвина не содержится того, что утверждаетъ В. С. Соловьевъ. Дарвинъ признаетъ фактъ существованія полового подбора, который состоитъ вообще въ томъ, что въ животномъ мірѣ тамъ, гдѣ самки имѣютъ возможность выбирать себѣ самцовъ сами, онѣ выбираютъ наиболѣе красивыхъ и, что въ этихъ случаяхъ, у самцовъ можно замѣтить стремленіе придавать себѣ наиболѣе привлекательный видъ. Все это повидимому указываетъ на прирожденность чувства прекраснаго у животныхъ, но на самомъ дѣлѣ Дарвинъ не отрицаетъ, что понятіе о прекрасномъ вышло изъ понятія о полезномъ. Когда либо самкамъ могли нравиться самцы, обладающіе тѣми или иными особенностями (сильнымъ голосомъ, яркимъ опереніемъ — у птицъ), потому что самцы, владѣющіе этими особенностями, доставляли имъ наибольшее чувственное наслажденіе (это происходило потому, что съ этими особенностями ассоциировались наибольшія энергія и сила). А въслѣдствіи признакъ пріятнаго качества самъ сталъ казаться пріятнымъ. Красота вообще условна. Китаецъ понимаетъ ее иначе, чѣмъ европеецъ. Все это весьма легко объяснится намъ, если мы установимъ такой взглядъ, что красивыми люди считаютъ формы и признаки, свидѣтельствующіе о совершенствѣ устройства и о добрыхъ качествахъ. Китаецъ считаетъ признакомъ красоты большой животъ, потому что ему кажется, что большой животъ свидѣтельствуетъ о хорошемъ здоровьи. Руководясь такимъ поверхностнымъ наблюденіемъ, онъ и составляетъ свое понятіе о красотѣ. По мѣрѣ развитія, человекъ лучше улавливаетъ связь между формою и содержаніемъ и понятія о красотѣ становятся болѣе совершенными. Формы Венеры Милосской представляются намъ идеальными, потому что онѣ, какъ заставляють заключать ея лицо, отражаютъ въ себѣ высокое духовное содержаніе и вмѣстѣ съ тѣмъ все ея тѣло является наиболѣе приспособленнымъ къ выполненію разнообразнѣйшихъ дѣятельностей. Мы постараемся тотъ моментъ, когда наиболѣе совершеннаго

нымъ, который достигаетъ наибольшихъ результатовъ съ наименьшей затратой энергіи. Граціозными называются дѣйствія, которыя, будучи сами по себѣ трудными, совершаются повидимому съ крайнею легкостью. Когда формы органовъ тѣла обнаруживаютъ въ себѣ способность совершать граціозныя дѣйствія, мы называемъ ихъ граціозными, красивыми. Вотъ почему и формы Венеры Милосской представляются намъ красивыми. Мы можемъ не сознавать этой связи формы съ содержаніемъ, но въ далекомъ прошедшемъ ее бессознательно ассоціировали наши предки, ассоціировали во многихъ случаяхъ невѣрно, но все равно эти ихъ, какъ вѣрныя, такъ и невѣрныя, ассоціаціи и породили наши понятія красоты. Даже въ геометріи нѣкоторые находятъ однѣ фигуры болѣе красивыми, другія менѣе, такъ изъ многоугольниковъ, имѣющихъ одинаковое число сторонъ, болѣе красивымъ всегда представляется многоугольникъ правильный. Правильные многоугольники, какъ показываетъ намъ анализъ, при равныхъ периметрахъ съ одноименными многоугольниками, имѣютъ наибольшую площадь. Такъ, если мы, желая выдѣлать себѣ поверхность извѣстной величины, хотимъ потратить наименьшее количество силы на проведеніе пограничной линіи, мы должны ограничить его окружностью; если намъ дано условіе, что эта поверхность должна быть многоугольникомъ, мы должны придать ей форму правильнаго многоугольника. Здѣсь проходитъ принципъ наименьшей затраты силы съ наибольшею пользою. Въ природѣ собственно нѣтъ ни прекрасныхъ, ни безобразныхъ формъ, въ природѣ есть лишь формы, болѣе или менѣе отвѣчающія содержанію, болѣе или менѣе способствующія организму совершать то, что ему нужно, и если искать для красоты какое либо объективное основаніе, то это опять будетъ та-же полезность. Такимъ образомъ, истина есть знаніе полезнаго; добро есть средство для пріобрѣтенія полезнаго; красота есть признакъ полезнаго.

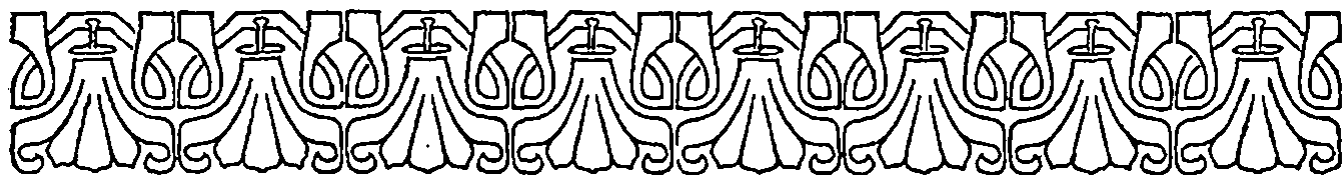
Если такимъ образомъ въ основаніи самыхъ разнообразныхъ и сложныхъ душевныхъ стремленій лежитъ требованіе полезнаго, то повидимому, по крайней мѣрѣ, полезное должно представлять собою нѣчто безспорное и безусловное. Полезное есть то, что способствуетъ самосохраненію особи и сохраненію рода. Это опредѣленіе полезнаго показываетъ намъ, что оно никакъ не безусловно. Полезное

одному роду организмовъ всегда вредно для какого либо другого: для человѣка полезно питаться говядиной, но для быковъ вовсе не полезно служить пищею человѣка. Будучи условнымъ, полезное въ сущности бесполезно. Мы оцѣниваемъ полезность жизни по мѣрѣ того, насколько жизнь служитъ какой-либо цѣли, но оказывается, что всѣ цѣли направляются лишь къ одной — сохраненію жизни. Дѣлать добро ради добра, служить искусству для искусства, все это — говорятъ намъ, устарѣлыя и ошибочныя понятія. Вся дѣятельность рода человѣческаго направляется къ одной узко-эгоистической цѣли — сохранять свое бытіе, а такъ какъ можно почти съ несомнѣнностію утверждать, что человѣчество не будетъ жить вѣчно, то значить вся задача человѣчества сводится къ тому, чтобы прожить по крайней мѣрѣ возможно долѣе. Поэтому въ человѣческой дѣятельности должно быть одобряемо лишь то, что служитъ этой цѣли, безкорыстное служеніе идеямъ истины, красоты и добра, стремленіе рѣшать вопросы о началѣ и цѣли существующаго, не подходятъ подъ эту цѣль, поэтому занятіе ими не должно быть одобряемо, для блага рода человѣческаго на такія занятія слѣдовало бы наложить запрещеніе.

Полезное есть средство, а не цѣль. Полезно то, что помогло Копернику создать его теорію. Полезно то, что содѣйствовало смягченію и облагороженію человѣческихъ нравовъ; полезно то, что дало возможность Рафаэлю нарисовать его Мадонну и Микель Анджелло изваять его Моисея. Полезно то, что содѣйствуетъ открытію истины, утвержденію добра, созданію красоты. Но если мы отбросимъ понятія истины, добра и красоты, какъ объективныя, исчезнетъ и полезное. Не будетъ тогда ни вреднаго, ни полезнаго, ни бесполезнаго. Скажутъ: полезно то, что поддерживаетъ и умножаетъ жизнь. Нѣтъ; не всякая жизнь достойна жизни. Полезно то, что поддерживаетъ достойную жизнь, жизнь, причастную истинѣ, добру и красотѣ. Полезное эволюціонистовъ есть бессмысленное. Начавъ съ похода противъ Бога, какъ бытія бесполезнаго, они кончили и необходимо должны были этимъ кончить, что отняли смыслъ у понятія, польза и у факта бытія.

С. Глаголевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Психическіе факторы и механизмъ вліянія.

Вопросъ о психическихъ факторахъ вліятельности человека принадлежитъ къ числу самыхъ трудныхъ вопросовъ изъ области соціальной психологіи, потому что вліятельность есть результатъ взаимодействія очень сложныхъ факторовъ—большей одаренности человека, совершенства и силы его характера и педагогическаго таланта. Наиболѣе одаренные отъ природы люди имѣютъ большіе шансовъ на то, чтобы оказаться наиболѣе вліятельными сравнительно съ менѣе одаренными; изъ наиболѣе одаренныхъ, далѣе, людей субъекты съ сильнымъ и совершеннымъ характеромъ, уже по причинѣ согласованности своихъ состояній и настойчивости въ дѣятельности, могутъ производить болѣе успѣшное вліяніе, чѣмъ люди слабохарактерные или безхарактерные; наконецъ, изъ одаренныхъ и наиболѣе совершенныхъ характеровъ тотъ въ дѣйствительности оказывается наиболѣе вліятельнымъ, кто обладаетъ педагогическимъ талантомъ, совмѣщающимъ въ себѣ склонность и способность производить вліяніе на людей. Вотъ почему изслѣдованіе факторовъ вліятельности человека встрѣчается со всѣми тѣми трудностями, съ какими считается психологія великихъ людей, наука о характерѣ и педагогика. Но какъ вмѣстѣ съ обязанностями обычно возрастаютъ и права человека, такъ часто, параллельно съ трудностями, увеличивается и помощь со стороны. Въ рѣшеніи вопроса о факторахъ вліятельности мы не являемся беспомощными: намъ предлагаютъ свои данныя не только общая психологія, но и психологія великихъ людей, характерологія, общая и экспериментальная педагогика. Послѣдняя оказываетъ намъ существенную помощь своими изысканіями по вопросу объ одаренности дѣтей, привлекающему вниманіе всѣхъ выдающихся педагоговъ новаго направленія.

Понимаемое въ самомъ общемъ смыслѣ, психическое вліяніе есть воздѣйствіе души одного человѣка на душу другого чрезъ посредство разнаго рода символовъ, изъ которыхъ особенное значеніе имѣетъ слово человѣческое. Воздѣйствіе это можетъ быть положительнымъ, когда вліяющее лицо достигаетъ желательныхъ результатовъ, и отрицательнымъ, когда на его долю выпадаютъ послѣдствія, противоположныя поставленнымъ задачамъ. Первое, положительное вліяніе есть успѣшное дѣйствіе, а отрицательное—безуспѣшное. Когда говорятъ о вліяніи, то обычно имѣютъ въ виду одно положительное вліяніе. Положительное вліяніе можетъ быть, въ свою очередь, не въ одинаковой степени успѣшнымъ: оно можетъ быть широкимъ и узкимъ, сильнымъ и слабымъ, быстрымъ и медленнымъ, краткимъ и продолжительнымъ, глубокимъ и поверхностнымъ, опредѣленнымъ и расплывчатымъ. Указанныя качества вліянія могутъ такъ или иначе сочетаться между собою, вслѣдствіе чего получается зрѣлище поразительнаго разнообразія.

Отъ чего зависитъ неодинаковая успѣшность вліянія? *Для успѣшности вліянія, какъ и всякой другой дѣятельности, необходимо, чтобы въ человѣкѣ способность къ вліянію соединялась со склонностью къ нему.* Въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда человѣкъ отмѣченъ перстомъ Божиимъ—даромъ призванія къ извѣстной дѣятельности, способность и склонность къ послѣдней совпадаютъ: человѣкъ призванія чувствуетъ въ себѣ и необычныя силы и неудержимую склонность къ дѣятельности, соответствующей этимъ силамъ. Но во многихъ другихъ случаяхъ, когда мы имѣемъ дѣло съ обычными людьми, не встрѣчается этого желательнаго совпаденія способности къ какой—нибудь дѣятельности со склонностью къ ней—какъ часто способные къ какой-либо дѣятельности люди, не чувствуя къ ней склонности, воздерживаются отъ нея, вслѣдствіе чего такъ много прекрасныхъ возможностей не осуществляется, а съ другой стороны, неспособные съ поразительнымъ и непонятнымъ упорствомъ покушаются на что-либо съ негодными силами и средствами, отъ чего такъ много тратится попусту драгоценной энергіи.

Мы не будемъ входить въ разсмотрѣніе многочисленныхъ причинъ этого печальнаго и гибельнаго расхожденія между способностью и склонностію къ какой—нибудь дѣятель-

ности, а займемся разсмотрѣніемъ тѣхъ элементовъ, изъ коихъ слагается способность къ тому, чтобы оказывать болѣе или менѣе успѣшное вліяніе на людей. Но прежде, чѣмъ обратиться къ анализу способности вліять на другихъ людей, мы должны сдѣлать одно предварительное замѣчаніе. Какъ это ни покажется страннымъ съ перваго взгляда, мы должны отмѣтить, что въ основѣ способности производить вліяніе лежатъ тѣ же самые факторы, что и въ основѣ способности подвергаться вліянію. *Similis similibi gaudet*, подобное познается чрезъ подобное. Необходимость сходства въ душевной конструкціи между оказывающимъ вліяніе и подвергающимся вліянію объясняется тѣмъ, что послѣдній въ актѣ успѣшнаго вліянія по большей части переживаетъ то же, что и первый, но только въ обратномъ порядкѣ и съ меньшей степенью силы. По словамъ Германова въ „Психологіи красоты“, „въ психикѣ человѣка, пришедшаго въ контактъ съ произведеніемъ искусства, вызвавшемъ въ немъ эмоцію красоты, неизбежно произойдетъ психологическій процессъ, совершенно схожій съ творческимъ процессомъ, породившимъ данное произведение, только въ обратномъ порядкѣ. Этотъ второй процессъ можетъ быть представленъ, какъ отраженіе въ зеркалѣ перваго, при чемъ роль зеркальной поверхности, служащей той гранью, гдѣ творчество художника переходитъ въ сферу психики воспринимающаго духа, играетъ данное произведение искусства. Творчество—это путь идеала къ его воплощенію, воспріятіе—это отраженіе пути творчества—отъ даннаго представленія къ породившему его идеалу“. Чтобы испытать наслажденіе отъ сонаты Бетховена, нужно имѣть музыкальныя способности; чтобы подпасть подъ вліяніе Канта при чтеніи его сочиненій, нужно имѣть философскія способности. Конечно, отъ поддающагося вліянію не требуется ни такихъ высокихъ способностей, ни такого напряженія ихъ, какія долженъ имѣть и обнаруживать вліяющій человѣкъ и особенно творецъ въ творческомъ актѣ, но все же различіе между производящимъ вліяніе и поддающимся ему есть различіе не по существу, не по качеству, а по количеству. Иногда это различіе сводится къ тому, что вліяющій первымъ узнаетъ или дѣлаетъ что-либо такое, что потомъ пускается въ оборотъ. Споръ между Бобчинскимъ и Добчинскимъ о томъ, кто изъ нихъ первый сказалъ звукъ „а“ есть

въ сущности споръ о томъ, кого изъ нихъ признать повліявшимъ на другого въ данномъ случаѣ. Этотъ споръ есть упрощенный до смѣшного примѣръ тѣхъ многочисленныхъ споровъ, которыми богата наука и обыденная жизнь,—споровъ о томъ, кому нужно приписать честь и право на то или иное открытіе или изобрѣтеніе. Такое уравниваніе способностей вліятельнаго лица съ способностями подвергающагося вліянію не есть ни восхваленіе посредственностей, ни тѣмъ болѣе развѣнчиваніе героевъ. Во всякомъ случаѣ вліяющій имѣетъ перевѣсъ предъ поддающимся вліянію по времени переживанія извѣстнаго состоянія, а въ большинствѣ случаевъ онъ превосходитъ его и по степени высоты и напряженности какихъ-либо способностей. То, что вліяющій ясно сознаетъ и искусно выражаетъ вовнѣ, другой только смутно представляетъ, а третій не можетъ и представить, почему и остается безчувственнымъ и неподвижнымъ даже и тогда, когда другая душа охвачена огнедышащимъ порывомъ.

Въ чемъ же состоитъ способность къ вліянію на другихъ? На этотъ вопросъ дается весьма много отвѣтовъ. Разсмотримъ важнѣйшіе изъ нихъ. Когда среди широкой публики заходитъ рѣчь о причинахъ непонятной съ перваго взгляда вліятельности какого—ниб. человѣка—проходимца, проникающаго въ высшее общество изъ народной гущи, или религіознаго сектанта, увлекающаго толпы простого люда своею безыскусственной рѣчью, то обыкновенно предполагаютъ въ нихъ наличность какой-то особенной притягательной силы, проявляющейся особенно въ глазахъ человѣка. Вопросъ о томъ, какіе глаза у вліятельнаго лица, задается предпочтительно предъ всякимъ другимъ. Нѣкоторые ученые усвоили этой притягательной силѣ наименованіе *личнаго магнетизма*. Вотъ почему мы ихъ мнѣніе и будемъ называть гипотезой личнаго магнетизма; ее можно съ полнымъ правомъ признать самой популярной и модной гипотезой. „Иногда пишетъ Э. Бертрамъ, мы встречаемъ людей, которые обладаютъ какою-то необыкновенной силой привлекать, или, выражаясь образно, притягивать къ себѣ другихъ людей. Люди эти отличаются рѣдкой мощью духа и, разрушая на своемъ пути все препятствія, они достигаютъ всего, къ чему стремятся. Много разъ повторяли попытки изслѣдовать эти

замѣчательныя натуры. Глубокій умъ, выдающіяся способности, недюжинность характера — все это не даетъ еще намъ ключа для полной разгадки этихъ замѣчательныхъ личностей. Причины нужно искать глубже: именно въ той невидимой силѣ, носителями которой они являются. Сила эта и есть *сила личнаго магнетизма*, и вышеупомянутые субъекты одарены этой силой или отъ природы, или же изучили непосредственно законы развитія и укрѣпленія въ себѣ этой силы“¹⁾. Другіе писатели, не ограничиваясь доказательствами въ пользу существованія личнаго магнетизма, предлагаютъ теоріи относительно основъ его. Такъ, по словамъ Аткинсона, „одни изъ нихъ приписываютъ силу вліять на другихъ людей вегетаріанскому питанію, не смотря на то, что многіе изъ наиболѣе магнетическихъ людей „дѣлаютъ изъ своихъ желудковъ настоящія кладбища“. Другіе настаиваютъ на томъ, что весь секретъ въ безбрачїи и воздержанїи отъ полового сношенія, не смотря на то, что многіе изъ магнетическихъ людей въ этомъ отношенїи нисколько не отличаются отъ своихъ менѣе магнетическихъ собратьевъ. Иные держатся того взгляда, что магнетической силой напоенъ окружающій насъ воздухъ. Поэтому глубокое дыханіе можетъ, такъ сказать, приспособить насъ къ поглощенію большого количества этой жизненной энергїи и наполнять насъ этой силой на подобіе электрическаго аккумулятора“²⁾. Приверженцы гипотезы личнаго магнетизма указываютъ и тотъ способъ, посредствомъ котораго происходитъ излученіе этой магнетической энергїи отъ вліяющаго на другихъ людей. По ихъ словамъ, отъ магнетическаго человѣка исходятъ, по его волѣ, колебательныя волны, которыя вліяютъ въ большей или меньшей степени на все то, что встрѣтится на ихъ пути. Эти магнетическія волны похожи на тѣ круги на поверхности воды, которые легко произвести, стоитъ лишь бросить камень. Онѣ двигаются расширяющимися кругами, которые расходятся отъ центра. Понятно, если натискъ магнетическихъ волнъ направленъ на опредѣленный объектъ, то этотъ натискъ въ этой точкѣ будетъ чувствоваться всего сильнѣе. Съ цѣлю избѣжать рассѣиванія въ пространствѣ

¹⁾ Э. Бертрамъ. Личный магнетизмъ и гипнотизмъ. Рига, 1909 г., стр. 6.

²⁾ В. Аткинсонъ. Сила мысли. Спб. 1908, стр. 5 — 6.

драгоценной энергии и сосредоточения ея на определенномъ лицѣ, на которое хотятъ повліять, совѣтуютъ направлять энергию по воображаемой трубѣ. Представляйте себѣ, говорятъ намъ, „что вы смотрите черезъ длинную трубу, приблизительно имѣющую футъ въ діаметръ, такимъ образомъ что вы находитесь на одномъ ея концѣ, а данное лицо на другомъ (вдали)“... Достигается, говорятъ намъ, это искусство вліянія черезъ трубу не сразу. „Сначала вы будете видѣть слабое тѣневое кольцо, которое постепенно будетъ становиться определеннѣе и приобрететъ форму открытаго конца трубки. Затѣмъ труба удлинится, и въ послѣдствіи вы въ состояніи будете видѣть ясно черезъ всю ея громадную длину“ ¹⁾ желаемое лицо. Когда умственное изображеніе этого лица представится болѣе или менѣе реальнымъ, фактически это будетъ означать, что вы вступили въ мысленное общеніе (гаррот) съ даннымъ лицомъ. Вамъ, чтобы добиться успѣха во вліяніи, остается тогда только внушать этому лицу ваши желанія и ярко представлять себѣ, что оно выполняетъ ихъ. Такъ дѣйствуютъ на людей на разстояніи. При непосредственномъ же общеніи нужно дѣйствовать на людей посредствомъ упорнаго и сосредоточеннаго взгляда, при чемъ, смотря на человѣка, все время нужно въ умѣ держать мысль о желательномъ для насъ дѣйствиі съ его стороны, т. е. попросту упорно смотрѣть на него и энергично думать: „вы сдѣлаете или скажете то-то“ ²⁾.

Переходя къ оцѣнкѣ гипотезы личнаго магнетизма, какъ главнаго фактора вліятельности человѣка, прежде всего укажемъ, что она можетъ быть названа гипотезой аналогій. Въ ней все построено на аналогіи. По аналогіи съ притяженіемъ магнита вліятельная сила человѣка названа личнымъ магнетизмомъ; по аналогіи съ таинственной сущностью магнитной силы и сила личнаго магнетизма признается непостижимой; по аналогіи съ x — лучами и беспроволочнымъ телеграфированіемъ описывается способъ вліянія его на разстояніи; по аналогіи съ обычными приемами гипнотизированія изображается способъ вліянія на людей, находящихся вблизи насъ, и т. д., и т. д. Но аналогія — не доказательство. Если изъ-подъ гипотезы личнаго магнетизма удалить по-

¹⁾ Тамъ же, стр. 70—71.

²⁾ Тамъ же, стр. 70, 36 и слѣд.

строенный изъ аналогій фундаментъ, то что отъ нея останется? Подкупающее метафорическое названіе, общая мысль о присущей вліятельнымъ лицамъ какой-то энергіи, болѣе или менѣе вѣроятныя догадки объ ея фізіологическихъ основахъ, гаданія о концентрически распространяющихся волнахъ магнетической энергіи.

Изъ этого остатка самой цѣнной частью его является мысль о наличности у вліятельныхъ лицъ какой-то энергіи, дающей имъ возможность дѣйствовать на окружающихъ ихъ людей въ желательномъ отношеніи. Вліяніе, какъ и всякое другое дѣйствіе, предполагаетъ для своего осуществленія наличность извѣстной силы, но эта энергія должна быть присуща не только тому, кто вліяетъ, но и тому, кто испытываетъ вліяніе. Конечно, для произведенія вліянія нужно больше силы, чѣмъ для воспріятія его: произведеніе вліянія есть активное состояніе, а второе — воспріятіе вліянія болѣе пассивное. Мы не говоримъ совершенно пассивное, а только *болѣе* пассивное, потому что всякое успѣшное вліяніе перерабатывается воспринимающимъ его лицомъ, претворяется въ его плоть и кровь, въ зависимости отъ особенностей и пріобрѣтеній его психики. Вслѣдствіе этой переработки то, что, такъ сказать, посылается вліятельнымъ лицомъ, никогда не бываетъ математически равно тому, что получается въ душѣ подвергшагося вліянію. Очевидно изъ этого, что творить не только тотъ, кто вліяетъ, но и тотъ, на кого вліяетъ первый. А для этого послѣдняго творчества, вѣрнѣе — претворенія или передѣлки тоже потребна энергія, хотя и меньшаго размѣра. Получается нѣчто подобное тому, что происходитъ при постройкѣ и передѣлкѣ зданія: для передѣлки зданія въ общемъ требуется меньше энергіи, чѣмъ для постройки этого же зданія, нельзя но все же преуменьшать количество энергіи, потребной для передѣлки. Все зависитъ отъ того, что и какъ передѣлывается. Въ абсолютно пассивной душѣ, если бы таковая была возможна, такъ же нельзя было бы вызвать какого-нибудь отклика на воздѣйствіе другой души, какъ нельзя получить звука въ безвоздушномъ пространствѣ.

Какъ же теперь представлять себѣ эту энергію, необходимую для произведенія и воспріятія вліянія? Одни называютъ ее нервной, другіе — психической, третьи — психо-фи-

зіологической. Различіе названій обусловливается взглядами на сущность и взаимоотношеніе души и тѣла. Нѣтъ достаточныхъ основаній къ тому, что связывать эту энергію съ одной только фізіологической или одной только психической стороной нашего существа, такъ какъ и та и другая въ предѣлахъ земной жизни человѣка въ отдѣльности не существуютъ. Если же мы отдѣляемъ одну отъ другой, то это дѣйствіе есть результатъ абстракціи, съ которой реальная жизнь не считается. Значитъ та реальная сила, о которой у насъ идетъ рѣчь, живетъ и дѣйствуетъ въ глубинѣ нашего психофізическаго чувства, и поэтому мы будемъ называть ее *психофізіологической энергіей*. Она, какъ и всякая другая энерія — свѣтовая, тепловая, электрическая, магнетическая и т. д., — по существу своему неопредѣлима, но нѣкоторые признаки ея намъ извѣстны. Извѣстно намъ, что она можетъ производить работу и преодолевать сопротивленіе. Всякому приходилось видѣть или слышать, какъ отъ одного какого-нибудь слова люди то заболѣвали, то исцѣлялись, то погружались въ обморокъ, то даже падали бездыханными. Приписывать такія явленія дѣйствію одного слова, взятаго само по себѣ, нельзя: вѣдь слово въ сущности является извѣстной комбинаціей воздушныхъ волнъ, доносящихся до нашего слухового аппарата. Такъ какъ подобный возбудитель самъ по себѣ слишкомъ ничтоженъ, то возникшія, по его дѣйствію, значительныя измѣненія въ психической и тѣлесной сферѣ, очевидно, могутъ быть приписаны только психофізіологической энергіи, гнѣздящейся въ глубинѣ нашего существа. Какъ и всякая другая энерія, психофізіологическая энергія можетъ быть измѣряема, хотя и не такъ точно, какъ энергіи физическаго міра: она вѣдь бываетъ у разныхъ людей и у одного и того же человѣка въ разное время то большей, то меньшей. Правда, эту доступность измѣреніямъ нужно относить больше на долю той ея стороны, которая называется фізіологической и коренится въ нервной системѣ, но, какъ мы уже говорили, въ предѣлахъ земной жизни человѣка и въ глубинѣ его существа фізіологическое неотдѣлимо отъ психическаго. Какъ и всякая другая энерія, психофізіологическая энергія дана въ двухъ состояніяхъ — состояніи возможности и состояніи дѣятельности. Въ первомъ состояніи она называется потенциальной, а

во второмъ — кинетической. Со стороны фізіологической источникомъ этой энергіи является центральная нервная система, гдѣ она находится въ потенціальномъ состояніи и откуда она вырывается по законамъ ея, приводя въ дѣйствіе всю фізіологическую и связанную съ нею психическую жизнь индивидуума. Потенціальная энергія постоянно и непрерывно превращается въ кинетическую подѣ вліяніемъ внѣшняго или внутренняго раздраженія, или импульса. На него дается отвѣтъ въ формѣ того или иного движенія, которое называется реакціей въ обширномъ смыслѣ слова. Способность раздражаться подѣ вліяніемъ импульса и реагировать на это раздраженіе — вотъ въ чемъ сущность всякаго жизненнаго процесса, и въ томъ числѣ вліянія одного человѣка на другого, будемъ-ли мы разсматривать его съ активной или пассивной стороны. Вліяніе собственно начинается съ послышки и воспріятія внѣшняго импульса, исходящаго отъ вліятельнаго лица, но реакціи на него одинаково могутъ быть внутренними и внѣшними. Внутренняя жизнь есть цѣпь реакціи, а реакція есть рядъ послѣдовательныхъ вспышекъ потенціальной энергіи. Всегда она протекаетъ по законамъ, заложеннымъ внутри индивидуума, внѣшнее же служитъ для него только импульсомъ и матеріаломъ. Остается сказать, что затрачиваемая въ реакціяхъ кинетическая энергія возстановляется въ растительныхъ процессахъ нашего тѣла, принимая сначала форму потенціальной энергіи. *Чѣмъ богаче у человѣка запасъ этой потенціальной энергіи, чѣмъ быстрее она превращается въ кинетическую и чѣмъ быстрее и полнѣе возмѣщается трата энергіи, — тѣмъ болѣе вліятельнымъ можетъ оказаться данный человѣкъ.*

Вотъ и все, что можно сказать наиболѣе вожнаго объ энергіи человѣка, разсматриваемой съ ея фізіологической стороны. Самый сильный и здоровый человѣкъ, съ правильнымъ обмѣномъ веществъ и съ хорошо организованной, крѣпкой, но вмѣстѣ и съ чувствительной нервной системой, можетъ оказаться и по большей части оказывается наиболѣе вліятельнымъ человѣкомъ. Но фізіологическіе термины нужно перевести на языкъ психологіи. Что же тогда можно сказать о человѣкѣ, наиболѣе вліятельномъ? *Фізіологическая энергія человека является подкладкой той психической энергіи, которая называется волей человека.* Воля, по словамъ проф. Сикор-

скаго, есть то психическое состояніе, при которомъ нѣчто исходитъ изъ нервной системы во внѣшній міръ въ формѣ движенія, или, по крайней мѣрѣ, такой исходъ готовится. Поэтому существеннымъ признакомъ воли является напряженіе произвольной мускулатуры тѣла, что придаетъ даже внѣшнему виду человѣка отпечатокъ силы и энергіи. Воля есть конецъ тѣхъ самыхъ явленій, какія начинаются въ умѣ и познаніи: если въ познаніи энергія вступаетъ въ организмъ и накапливается въ формѣ потенциальныхъ запасовъ, то въ актахъ и состояніяхъ воли она должна перейти въ кинетическое состояніе... Сущность воли состоитъ въ колоссальномъ накопленіи энергіи, ждущей ничтожныхъ прибавокъ или сигнальныхъ толчковъ для перехода въ кинетическое состояніе". 1) Такія прибавки воля получаетъ, по Сикорскому, отъ умственныхъ актовъ, а такими сигналами служатъ наши чувствованія. „Чувство и мысль, продолжаетъ тотъ же психологъ, имѣютъ дѣло съ внѣшнимъ міромъ, онѣ получаютъ воздѣйствія, перерабатываютъ ихъ въ своихъ нѣдрахъ, и окончательный продуктъ этой переработки поступаетъ въ аппараты воли къ исполненію. Въ этой подчиненной роли воля остается только на первыхъ ступеняхъ своего развитія; но затѣмъ воля пріобрѣтаетъ самостоятельное значеніе и становится важнѣйшей, окончательной и господствующей силой души, распоряжающейся колоссальнымъ запасомъ энергіи какъ простой физической, такъ и сложнѣйшей—душевной. Истинное величіе человѣка измѣряется волей болѣе, нежели умомъ и чувствомъ: при посредствѣ воли осуществляется все, что добыто чувствомъ и познаніемъ и что осталось бы неисполненнымъ и безплоднымъ безъ усилій воли. Становясь высшей силой души, сознательная воля направляетъ умъ и даже чувство. Воля болѣе всего лежитъ въ основѣ характера человѣка. Великіе люди обладаютъ настойчивой волей, которая является главной силой ихъ духа". 2). Двумястами страницъ выше, тотъ же знаменитый психологъ указываетъ источники волевой, или психической энергіи: „Всякое живое существо, по его словамъ, съ физиологической точки зрѣнія есть вмѣстилище концент-

1) Проф. А. Сикорскій. Всеобщая психологія съ физиогномикой. Изд. 2. Кіевъ 1912 г. стр. 413, 414 и 415.

2) Тамъ же, стр. 415—416.

рированной энергии, которая ищетъ себѣ выхода и находитъ его въ массѣ бессознательныхъ и сознательныхъ стремленій, порывовъ и движеній, столь свойственныхъ живому организму. Но, кромѣ этой фізіологической стороны, которая всегда живетъ и дѣйствуетъ въ организмѣ, еще большее значеніе имѣетъ психологическая сторона, которая соотвѣтствуетъ чаяніямъ и надеждамъ и которая не только отстраняетъ печаль (уже и это польза), но открываетъ свободные пути усиліямъ и порывамъ, сводя нервно-психическіе механизмы съ мертвой точки психическаго состоянія и неподвижности. Интересную точку зрѣнія проводитъ Солье, указывая, что рядомъ съ надеждой психическое усиліе и порывъ поддерживается въ такой же мѣрѣ върой¹⁾. Въ дополненіе къ этимъ проникновеннымъ сужденіямъ ученаго психолога и психіатра добавимъ отъ себя, что, по нашему мнѣнію, аккумуляторомъ психической энергии чловѣка въ ея состояніи возможности, является бессознательная сфера психики, что сознательная жизнедѣятельность чловѣка есть рядъ разряженій этой потенціальной бессознательной энергии, что любовь въ разныхъ ея видахъ служитъ самымъ яркимъ, напряженнымъ и плодотворнымъ проявленіемъ кинетической энергии души и что вообще при спайкѣ въры, надежды и любви въ формѣ страсти и особенно нравственнаго характера чловѣкъ оказывается, какъ это будетъ видно изъ послѣдующихъ разсужденій, наиболее вліятельнымъ.

Разборъ гипотезы личнаго магнетизма приводитъ насъ, так. обр., къ утверженію, что большая одаренность, энергичность или активность чловѣка и должна быть признана прежде всего основнымъ факторомъ вліятельности чловѣка. Такъ какъ неодинаковое количество прирожденной чловѣку энергии и неодинаковая быстрота въ расходованіи и возстановленіи ея лежатъ въ основѣ стараго и уже, пожалуй, устарѣвшаго дѣленія темпераментовъ на четыре вида, то можно степень вліятельности чловѣка поставить въ зависимость отъ его темперамента. Тогда всего больше шансовъ на успѣшное вліяніе придется признать за чловѣкомъ съ холерическимъ темпераментомъ, а всего меньше—съ флегматическимъ. Сангвиники же и меланхолики помѣстятся между этими крайними степенями.

¹⁾ Тамъ же, стр. 201—202.

Энергичность человѣка, хотя бы и принявшая рельефы темперамента, является слишкомъ общимъ и потому неопредѣленнымъ факторомъ вліянія. Чтобы составить болѣе или менѣе ясныя и опредѣленныя представленія по интересующему насъ вопросу, мы должны указать болѣе частныя и знакомыя психическія образованія, возникающія на почвѣ прирожденной энергіи и усиливающія нашу способность къ произведенію и воспріятію вліянія. Въ своихъ поискахъ пойдѣмъ отъ болѣе сложнаго къ менѣе сложному и элементарному, потому что этотъ путь поведетъ насъ по болѣе легкой дорожкѣ—отъ болѣе знакомаго и очевиднаго къ менѣе извѣстному.

На темномъ и расплывчатомъ фонѣ нашей психофизиологической энергіи вырисовывается очень сложное и напряженно—яркое образованіе, имѣющее отношеніе къ вліятельности человѣка. Мы разумѣемъ то, что называется страстію человѣка. *Люди, одержимые страстію, въ предѣлахъ ея оказываются наиболее вліятельными.* Они превосходятъ въ этомъ качествѣ всѣхъ другихъ, но уступаютъ, при равенствѣ природныхъ силъ, людямъ, обладающимъ нравственнымъ характеромъ,—и уступаютъ значительно. Одна и та же прирожденная энергія, въ зависимости отъ своего направленія и проявленій, ведетъ то къ образованію страсти, то къ образованію болѣе вліятельнаго характера. *Людей, одержимыхъ страстію, мы относимъ къ вліятельнымъ низшаго порядка, а не менѣе одаренныхъ по природѣ людей, владѣющихъ нравственнымъ характеромъ, мы называемъ вліятельными высшаго порядка.* Данныя названія—низшаго и высшаго порядка прилагаются нами потому, что у людей страстныхъ дѣйствующими силами являются силы болѣе низшія, чѣмъ у людей нравственнаго характера. Страстные люди—типичныя и яркіе представители низшаго психизма, а нравственные характеры—высшаго, или идеальнаго психизма. Сначала мы укажемъ факторы вліятельности первыхъ, т. е. страстныхъ людей, потому что всѣмъ тѣмъ, чѣмъ располагаютъ они, пользуются и высокоодаренные изъ нравственно добрыхъ характеровъ.

Вліятельность страстныхъ людей давно и многими замѣчена. „Сколько энергіи, по словамъ французскаго ученаго Летурно, появляется у существа, опьяненнаго страстію. Онъ

почти не сознаетъ никакихъ другихъ потребностей. Усталости для него не существуетъ, равно и страха; трудно противиться ему даже пассивно, потому что наша воспріимчивость является его сообщницей. Она поражаетъ насъ, увлекаетъ за собой, какъ бы сообщая и намъ искру страсти. Воспріимчивость охваченнаго страстью человѣка, будучи вѣрнымъ отраженіемъ его впечатлѣній, рисуетъ ему огненными чертами то, чего онъ желаетъ, и, если онъ умѣетъ выразить охватившія его чувства въ словахъ, въ фізіономіи, въ жестахъ, то мы уже чувствуемъ себя взволнованными и увлеченными¹⁾. Всякая страсть, возникающая на почвѣ какого—ниб. стремленія, представляетъ изъ себя чрезмѣрную, совершенно исключительную любовь къ кому—ниб. или къ чему—ниб. Совершенно справедливо замѣчаніе Боссюэта: „Отнимите любовь, и у васъ не будетъ больше страстей; вложите любовь—и вы породите всѣ страсти“. Охваченный страстію человѣкъ любитъ предметъ своей страсти такъ же, какъ нужно любить только одного Бога, т. е. всею душою, всею мыслию и всѣмъ помышленіемъ. „Сильныя страсти, по словамъ Т. Рибо, представляютъ собою кульминаціонную точку аффективной жизни, максимумъ ея энергіи, интенсивности, продолжительности, безспорное господство въ индивидуумѣ, выраженное съ внѣшней стороны непреодолимой силой своихъ эффектовъ“²⁾. „Страсть, продолжаетъ тотъ же ученый, съ точки зрѣнія синтетической, представляется солиднымъ соединеніемъ кооперирующихъ силъ: въ центрѣ энергичная склонность, стремящаяся къ опредѣленной цѣли; она увлекаетъ въ своемъ вихрѣ воспріятія, образы и мысли; прибавляетъ къ реальному работу фантазіи, и, наконецъ, поддерживается раціональной и нераціональной логикой. Этимъ объясняется ея непреодолимое могущество и безсиліе воли, какъ слѣдствіе этого могущества“³⁾. Главной чертой всякой страсти является какая—ниб. постоянная идея, доходящая въ своей силѣ до степени неотвязности. У захваченнаго страстью человѣка она имѣетъ то же самое значеніе, что идеальное представленіе у артиста, у изобрѣтателя, какъ бы онъ ни былъ, или у нравственнаго человѣка. Она

¹⁾ Летурно. Физіологія страстей. Спб., 1896 г., стр. 144—145.

²⁾ Рибо. О страстяхъ, Одесса, 1912 г., стр. 146.

³⁾ Тамъ же, стр. 37.

въ сочетаніи съ чувствованіями дѣйствуетъ какъ сила двигательная или задерживающая и служитъ если не причиной, то признакомъ нарастанія энергіи. Вотъ почему эта идея можетъ быть названа убѣжденіемъ, или директивой: она заставляетъ человѣка воспринимать, истолковывать и измѣнять дѣйствительность въ своемъ духѣ.

Человѣка сильной страсти можно сравнить съ тѣломъ, находящимся въ процессѣ интенсивнаго горѣнія; жизнь его—безпрерывная лихорадка, мозгъ его постоянно находится въ состояніи кипѣнія. Смотри по качеству горючаго матеріала, человѣкъ сильной страсти то ослѣпляетъ васъ, то услаждаетъ ваши взоры игрою пламенныхъ языковъ; то обдаетъ васъ тепломъ и жаромъ, то густыми клубами дыма; то лизнетъ васъ однимъ изъ огненныхъ языковъ, то, наконецъ, запачкаетъ васъ копотью и сажей. Разъ вы попали въ сферу его притяженія, то не можете оставаться безразличными—вы или увлекаетесь имъ и любите его, или ненавидите и проклинаете. Особенно сильна вліятельность тѣхъ страстныхъ людей, которые съ напряженностію своихъ стремленій и чувствованій соединяли интеллектуальную мощь. Они обезсмертили свое имя, потому что дѣйствовали на своихъ современниковъ и продолжаютъ дѣйствовать на своихъ потомковъ. „Несомнѣнно, пишетъ тотъ же Т. Рибо, въ социальной жизни ни одно большое установленіе не осуществилось безъ работы страсти, и ни одно большое разрушеніе не совершилось безъ нея, но нельзя установить точно количество пользы и вреда, и при помощи этого рѣшить, компенсируетъ ли польза понесенныя потери“¹⁾. Не всѣ страсти обладаютъ одинаковой силой вліянія. Наименѣе вліятельными оказываются тѣ страсти, въ которыхъ нѣтъ симпатіи и мало усилія и воображенія, но много эгоизма и боязни, вмѣстѣ съ ограниченностію сужденія и узости горизонта. Такія страсти, къ которымъ принадлежатъ, напр., скупость, представляются какъ бы созданными изъ задерживающихъ дѣйствій. Въ противоположность имъ тѣ страсти, въ основѣ которыхъ лежитъ стремленіе къ расширенію своей личности и которыя богаты широкими замыслами, какъ, напр., честолюбіе и властолюбіе, дѣлаютъ своихъ одержимыхъ часто очень вліятельными лицами. Взять хоть, напр., Наполеона I. По сло-

¹⁾ Тамъ же, стр. 140.

вамъ Полана, „честолюбіе было главнымъ двигателемъ его души и было ему такъ свойственно, что оно совершенно слилось съ его существомъ, такъ что онъ иногда даже не отдавалъ въ немъ отчета. Однажды онъ сказалъ Редереру: „У меня нѣтъ честолюбія“. Затѣмъ, какъ бы спохватившись, онъ присовокупилъ съ присущей ему ясностію ума: „или если оно у меня есть, то оно такъ мнѣ свойственно, такъ слилось съ моимъ существомъ, что оно какъ бы составляетъ кровь, текущую въ моихъ жилахъ, воздухъ, которымъ я дышу... Моя возлюбленная—это власть; я сдѣлалъ такъ много, чтобы ею завладѣть, что не могу потерпѣть, чтобы ее у меня отняли или даже, чтобы кто—ниб. у меня ее оспаривалъ“. Его честолюбіе было столь же ненасытно, какъ и ревниво: одна мысль о соперникѣ вызывала въ немъ негодованіе; малѣйшее ограниченіе его власти его раздражало, онъ все жаждалъ ее расширить“ ¹⁾. Кровавыми трофеями его вліянія было болѣе 1.700.000 французовъ и по всей вѣроятности до 2.000.000 союзниковъ и враговъ, павшихъ жертвами его завоевательныхъ стремленій въ періодъ времени отъ 1804 г. до 1815 ²⁾. Хорошо, что мы можемъ въ противовѣсъ такой непредставимой гекатомбы человѣческихъ жертвъ, принесенныхъ Молоху властолюбія, указать на всемірно извѣстныя произведенія корифеевъ литературы, изданія которыхъ числомъ своихъ экземпляровъ превосходятъ милліоны павшихъ жертвами страсти кровавыхъ завоевателей.

Страсть не мыслима безъ чувствованій и воображенія. *Вотъ почему послѣ страстности человека въ ряду факторовъ вліятельности его мы ставимъ, въ 1-хъ, чувствительность, во 2-хъ, воображеніе.* Страсть главнымъ образомъ потому увлекаетъ насъ и дѣлаетъ иногда одержимыхъ ею неотразимыми для другихъ, что въ ней внутренне объединяются и проникаютъ другъ друга—чувствительность и фантазія,—эти два могучихъ и наиболѣе популярныхъ фактора вліятельности. Кого ни спросите о причинахъ вліятельности того или другого, человека, въ половинѣ случаевъ вы встрѣтите указанія на сердце и фантазію человека. Роль этихъ факторовъ въ дѣлѣ образованія страстей, вполнѣ еще не выяснена, но важность этой роли признается всѣми учеными,

1) Поланъ. Психологія характера. Спб., 1896 г. стр. 145—146.

2) Рубе. Цитир. соч. стр. 70.

занимавшимися изслѣдованіемъ страстей и жизнедѣятельности одержимыхъ великими страстями великихъ людей. Въ качествѣ примѣра сошлемся на Летурно и Карлейля. Первый свой очеркъ о дѣятельности Магомета и Лютера предваряетъ такими словами: „Прошлые великіе руководители человѣческихъ обществъ въ большинствѣ случаевъ были одарены живой чувствительностію и пылкой фантазіей. Зачастую они страдали галлюцинаціями“ ¹⁾. Карлейль, восторженный и краснорѣчивый пѣвецъ великихъ людей, написавшій о нихъ одну изъ своихъ увлекательныхъ книгъ, даетъ такой совѣтъ: „Если ты хочешь сажать для вѣчности, то сажай въ глубокія, безконечныя способности человѣка—въ его фантазію и сердце; если ты хочешь сажать для одного года и для одного дня, то сажай въ его мелкія, поверхностныя способности, въ его самолюбіе и ариеметическое пониманіе,—то, что тамъ выростетъ. И поэтому-то іерархомъ и первосвященникомъ міра назовемъ мы его, поэта и вдохновеннаго творца—того, кто, подобно Прометею, можетъ образовать новые символы и принести новый огонь съ неба, дабы водворить его здѣсь, на землѣ“ ²⁾.

Чувствительностію называется способность человѣка отзываться пріятными и непріятными состояніями на совершающіеся въ его тѣлѣ процессы и проносящіеся въ сознаніи ощущенія, представленія и мысли. Чувствительность можетъ быть неодинаковой по возбудимости, интенсивности, устойчивости, взаимной согласованности чувствованій и обилію или бѣдности ихъ физиологическихъ проявленій. Лучшей считается, конечно, чувствительность быстро возбудимая, интенсивная, устойчивая, полнозвучная и выпукло-выразительная. Люди съ такою чувствительностію, понятно, больше оказываютъ вліянія на другихъ, чѣмъ противоположные типы. Больше одаренные люди, сангвиники, холерики и меланхолики, юные люди и женщины обнаруживаютъ въ общемъ большую чувствительность, чѣмъ менѣе одаренные субъекты, флегматики, пожилые и старые люди и мужчины. Взять художниковъ разныхъ ранговъ. Они подобны безконечно нѣжнымъ и звонкимъ лирамъ, отзывающимся вибраціями почти на всякое дуновение вѣтерка и на каждое прикосновеніе. Про Гете

1) Летурно. Цитир. сочин., стр. 154.

2) Карлейль. Sartor resartus.

писала одна знакомая его: „Вся природа, каждая былинка, каждый звукъ, слово и взглядъ говорятъ ему нѣчто и превращаются въ его душѣ въ чувство и образъ“. 1)

Чѣмъ же объяснить большую вліятельность и большую доступность вліянію чувствительныхъ людей? Ученіе о чувствованіяхъ еще не установилось вполне въ психологіи, но все же можно сказать много цѣннаго и важнаго по вопросу о значеніи чувствительности. Прежде всего *чувствованія суть самыя интимныя состоянія души*, лучше всего и вѣрнѣе всего характеризующія человѣка. Ихъ интимность объясняется условіями ихъ происхожденія. Они самымъ тѣснымъ образомъ связаны и съ физикой и психикой человѣка, они вырываются изъ самой глубины психофизическаго существа человѣка. Дѣятельность нашего тѣла и нашей души ни на одну секунду не прекращается: ежесекундно происходятъ въ нашемъ тѣлѣ полезныя или вредныя для него измѣненія въ процессахъ дыханія, кровообращенія и обмѣна веществъ; ежесекундно происходятъ процессы познанія, когда нѣчто въ буквальномъ смыслѣ входитъ въ нашу душу изъ внѣшняго міра, и ежесекундно же совершаются процессы воли, въ которыхъ душа отдаетъ на реформированіе дѣйствительности свои ресурсы. Чувствованія наши и представляютъ собою трепетную реакцію нашего тѣла и нашей души на совершающуюся въ нервной системѣ работу и на проносящіяся въ нашемъ сознаніи умственные и волевые процессы. „Чувство, по словамъ проф. Сикорскаго, это—сейсмографъ, или контрольный аппаратъ для опредѣленія того, какъ нервная работа отражается на нервной системѣ и на самомъ процессѣ жизни“. 2) Если происходящія въ нашемъ тѣлѣ и душѣ процессы благопріятствуютъ нашему благополучію въ настоящемъ, то сердце отвѣчаетъ пріятными чувствованіями, если нѣтъ,—то неприятными, а если они не производятъ ни того, ни другого дѣйствія, то сердце остается спокойно безразличнымъ. „Чувствованіе, по словамъ проф. Эббингауза, даютъ впечатлѣніямъ о внѣшнемъ мірѣ оцѣнку, которая нужна душѣ, чтобы правильно пользоваться объективными вещами въ борьбѣ за свое самосохраненіе“ 3).

1) Взято у Барта. Элементы восп. и обуч., т. 1, стр. 87. Сравни. стих. Баратынскаго „На смерть Гете“.

2) Сикорскій. Всеобщ. псих., стр. 413.

3) Эббингауза. Основы психологіи. Спб. 1911 г. стр. 91.

Всѣ чувствованія могутъ быть названы развѣдчиками и сигнальщиками какъ благоприятныхъ, такъ и опасныхъ для нашей жизни измѣненій и перспективъ.

Въ своей важной роли развѣдчиковъ и показателей пользы и вреда чувствованія незамѣнимы. Они постоянно несутъ свою сторожевую службу, бдительны на своемъ посту, легки на подъемъ, всюду проникаютъ, быстры и искренни въ своихъ донесеніяхъ, настойчивы, властны и вѣдь понятны въ своихъ требованіяхъ. Мало словъ, чтобы оцѣнить всю важность и сложность ихъ службы. Чтобы не показаться голословными, приведемъ нѣсколько примѣровъ. Чувствованія всегда показываютъ намъ, какъ въ общемъ обстоитъ дѣло въ нашемъ организмѣ. Доводятъ они объ этомъ до нашего свѣдѣнія въ видѣ такъ наз. самочувствія, которое съ утра до ночи неизмѣнно намъ присуще и, подобно солнечной или пасмурной погодѣ, заставляетъ насъ видѣть всѣ предметы то въ болѣе яркомъ, то болѣе смутномъ очертаніи, то въ розовомъ, то въ черномъ цвѣтѣ. По словамъ проф. Дауголла, обычное наше самочувствіе лежитъ въ основѣ нашей склонности къ господству или подчиненію: человекъ съ пониженнымъ самочувствіемъ склоненъ къ подчиненію, а съ повышеннымъ (самоувѣренный, гордый, сильный)—къ господству надъ другими людьми¹⁾. Въ случаѣ, если какое-нибудь раздраженіе угрожаетъ намъ большимъ зломъ или обѣщаетъ большое благо, то сердце наше, особенно при неожиданности впечатлѣнія, отвѣчаетъ на него тѣмъ или другимъ аффектомъ—страха, гнѣва, радости и т. д. Всѣ аффекты, какъ особенно сильныя чувствованія, отличаются большою заразительностію. При обычномъ, болѣе или менѣе ровномъ и безпрепятственномъ теченіи нашей жизни сердце наше, въ зависимости отъ внѣшнихъ и внутреннихъ причинъ, реагируетъ на нихъ пріятными чувствованіями средней силы: въ своей совокупности они поддерживаютъ огонь нашей жизни, развивающій въ насъ и распространяющій вокругъ насъ, живительную теплоту. Пріятныя чувствованія, являющіяся признакомъ иотчасти причиной нарастанія нашей энер-

¹⁾ М. Даугольцъ. Основныя проблемы соціальной психологіи. М. 1916 г., стр. 45—48.

гій, облегчаютъ теченіе физическихъ и психическихъ процессовъ, улучшаютъ наше самочувствіе, дѣлаютъ насъ экспансивнѣе и благожелательнѣе и потому облегчаютъ и усиливаютъ способность производить и поддаваться вліянію. „Веселость есть небо, подѣ которымъ все процвѣтаетъ, кромѣ отравы“ (Жанъ-Поль).

Наши чувствованія, какъ постоянные и бдительные стражи нашего благополучія, очень быстры въ своей работѣ и искренни въ своихъ донесеніяхъ. Допустимъ, что недалеко отъ насъ раздастся стукъ или свистъ, могущій повредить намъ. Прежде, чѣмъ нашъ умъ опредѣлитъ, что и отъ чего произошло, чувство уже совершитъ свое дѣло: оно заставитъ испугавшагося вздрогнуть, отшатнуться и даже произнести слова: „Ахъ, какъ вы меня испугали!“! Анализируя этотъ случай, проф. Сикорскій пишетъ: „Наблюдатель-специалистъ легко убѣдится, что въ приведенномъ примѣрѣ вздрагиваніе носитъ характеръ чистаго рефлекса, крикъ и отшатываніе характеръ психо—рефлекса, а испугъ—характеръ сознательно воспринятаго и узнаннаго эмотивнаго явленія. Послѣдовательность событій соотвѣтствуетъ физиологической быстротѣ самыхъ актовъ (такъ какъ многочисленными опытами установлена большая скорость рефлексовъ предъ психорефлексами, а этихъ послѣднихъ—предъ сознательными актами). Такимъ образомъ эмотивный образъ, возникая быстро, чѣмъ умственный, овладѣваетъ почвой и потому опережаетъ и направляетъ мысль. Слѣд., въ приведенномъ примѣрѣ внезапный стукъ или свистъ сразу вызываетъ психорефлексъ эмоціи, т. е. эмотивный образъ, а умственный образъ (узнаваніе, что это,?—стукъ, свистъ) приходитъ нѣсколько позже, т. е. мы сначала невольно отшатнемся, а потомъ начинаемъ понимать, что это былъ свистъ, который вызвалъ явленіе отшатыванія. Важность этого соотношенія нужно признать чрезвычайной. Чувство опережаетъ умъ! Чутьемъ или тактомъ вызывается дѣйствіе эмотивнаго психорефлекса прежде, чѣмъ мы подумаемъ, раньше, чѣмъ закончится созданіе умственного образа. При такихъ условіяхъ чувству легко стать руководителемъ мысли, или, что одно и то же,—вызывать мысль... Такъ какъ чувство является процессомъ непосредственнымъ, опережающимъ мысль и

сознаніе, то ему присуща искренность, глубина, задумчивость“¹⁾).

Съ быстротой въ сигнализациі чувствованія соединяютъ настойчивость въ ней. По словамъ проф. Сикорскаго, наиболѣе наглядную отличительную черту чувствъ, по сравненію съ умомъ и волей, составляетъ продолжительность чувства во времени—чувство есть актъ положительно длительный: въ то время, какъ акты умственные и отчасти волевые продолжаются короткое время, измѣряемое долями секунды, и затѣмъ исчезаютъ, чувство гораздо дольше удерживается, оно длительно“²⁾ Представленіе или ощущеніе, съ которыми было связано чувство при своемъ возникновеніи, могутъ исчезнуть изъ сознанія, но фізіологическія измѣненія, лежащія въ основѣ чувствованія, продолжаютъ существовать и послѣ этого, поддерживая и питая само чувствованіе. Допустимъ, что мы кого-ниб. испугали ложной тревогой. Мы можемъ тотчасъ же устранить изъ сознанія испуганнаго ложную мысль, замѣнивъ ее истинной, но нравственное потрясеніе, вызванное ложнымъ сообщеніемъ, оставляетъ нерѣдко долгій слѣдъ, и испуганный нами не можетъ сразу успокоиться, какъ бы мы ни старались исправить послѣдствія своей неосторожной шутки. Такіе и подобные факты заставляютъ насъ, говоря словами проф. Сикорскаго, признать то, что „чувство—стражъ жизни, не ограничивающійся краткими сигналами, но подающій длительный, непрерывный рядъ вѣстей о наступающихъ опасностяхъ, или, наоборотъ, о грядущемъ благополучіи и счастьи“³⁾. Устойчивость и настойчивость чувства не суть первоначальныя свойства его: Онѣ вытекаютъ, во 1-хъ, изъ той интимности чувства, которая обуславливается его тѣснѣйшей связью со всеми болѣе или менѣе важными фізіологическими и психическими процессами нашего существа, а, во 2-хъ, изъ способности чувства притягивать къ себѣ всѣ сродныя психическія состоянія и включать на сложныя состоянія сознанія свой тонъ. Азбучной истиной стала въ психологіи та мысль, что существуетъ ассоціація по сходству и смежности между ощущеніями и представленіями, но не

1) Сикорскій. Цит. соч., стр. 390.

2) Тамъ же, стр. 357.

3) Тамъ же.

такъ часто подчеркивается, какъ бы слѣдовало, что существуетъ ассоціація и между чувствами и познавательными актами, съ одной стороны, и между разными чувствами, съ другой. Вслѣдствіе такого взаимоотношенія, чувство, можно сказать, расширяется, проникая во всѣ уголки психики, все ассимилируя себѣ и на все бросая свой отблескъ. По словамъ знаменитаго психолога Гефдингга, „всякое сильное чувство стремится къ единодержавію въ душѣ... Оно захватываетъ всѣ представленія и ощущенія, хотя бы они и совсѣмъ не были въ связи съ тѣми, которыя вначалѣ были связаны съ чувствомъ“.¹⁾ Приведемъ примѣры этой расширяемости чувствъ. Весенній ландшафтъ радуетъ насъ не потому, главнымъ образомъ, что зелѣный цвѣтъ растительности самъ по себѣ пріятенъ, а потому, что, по ассоціаціи, вызываетъ въ насъ воспоминанія о теплѣ, прогулкахъ, интенсивной жизни и т. п., съ которыми при прежнихъ переживаніяхъ связаны были пріятныя чувства. Въ какомъ-нибудь домѣ меня постигла непріятность,—и непріятное чувство вскорѣ же, при видѣ этого дома или при представленіи его, переносится не только на самый домъ, но и на всѣ предметы и лица, какія имѣютъ нѣкоторое отношеніе къ непріятному дому. Всѣ мы наблюдали, какъ то или другое самочувствіе съ утра уже сообщаетъ свой колоритъ всѣмъ пріятностямъ и непріятностямъ дня, заставляя насъ видѣть все ему сродное и не позволяя видѣть многое изъ противоположнаго. Такое же дѣйствіе производитъ на смежныя состоянія сознанія и всякое болѣе, или менѣе сильное чувство. Люди на практикѣ давно подмѣтили эту особенность чувствъ и настроеній, вслѣдствіе чего такъ же внимательно слѣдятъ за настроеніемъ близкихъ или нужныхъ лицъ, какъ и за состояніемъ погоды. По причинѣ возникновенія чувствованій не столько въ связи съ внѣшними впечатлѣніями (точнѣе ощущеніями), сколько въ зависимости отъ многоразличныхъ внутреннихъ причинъ, число чувствованій значительно превышаетъ собою число ощущеній и картина сердечной жизни оказывается страшно запутанной. Все это способствовало и способствуетъ поддержанію и распространенію того взгляда,

¹⁾ Гефдинггъ. Очеркъ психологіи, основанной на опытѣ. Спб. 1904 г., стр. 294.

что область чувствъ есть область таинственнаго и неприкосновеннаго.

Сказаннаго, надѣмся, достаточно для того, чтобы признать за чувствительностью человѣка необыкновенно важное, можно сказать, исключительное, рѣшающее значеніе въ дѣлѣ вліянія: безъ наличности чувства въ душѣ нельзя быть вліятельнымъ, потому что какъ одна искра всего скорѣе загорается отъ другой, такъ и одно чувство всего скорѣе и естественнѣе зарождается отъ другого, подобнаго ему. Вотъ почему потеря чувствительности является большимъ несчастіемъ, вызывающимъ вопль ужаса, почти равнаго смертельному. Недочетъ чувства, по Сикорскому, дѣйствуетъ на человѣка какъ удушье, какъ тоска начинающейся смерти, а повышенная и тонкая чувствительность, по его же мнѣнію, служить признакомъ высшей одаренности и большей вліятельности. Чѣмъ больше чувства, тѣмъ больше жизни, движенія, огня и теплоты.

Возбуждающе—живительное дѣйствіе чувствительности сказывается прежде всего и больше всего на воображеніи, которое чаще, чѣмъ чувствительность, признается могучимъ факторомъ вліятельности. Нѣкоторые склонны къ тому, чтобы считать воображеніе чуть-ли не единственнымъ условіемъ вліянія. Въ подтвержденіе своего взгляда они могли бы сослаться на Тютчева и Крылова. Первый писалъ, что „любовники, безумцы и поэты изъ одного воображенья слиты“, а Крыловъ въ одной изъ своихъ басенъ про поэта замѣтилъ, что „все его имѣнье въ одномъ воображеньи“. Такой взглядъ грѣшитъ тѣмъ, что не замѣчаетъ скрытой подъ воображеніемъ его основы—чувствительности. Какъ у страстнаго человѣка нельзя отнять чувствительность безъ ущерба для его страсти, такъ же нельзя отдѣлить чувствительность отъ воображенія безъ большого ущерба для обѣихъ этихъ дѣятельностей. Онѣ переплетены другъ съ другомъ тѣснѣе, чѣмъ живиловые дыки въ знаменитомъ Гордеевомъ узлѣ. Съ одной стороны, чувствительность не можетъ стоять на известной высотѣ безъ возбужденія и поддержки со стороны воображенія. „Извѣстенъ случай, читаемъ мы у Лазурскаго, описанный Шарко, когда больной, обладавшій ранѣе чрезвычайно развитымъ зрительнымъ воображеніемъ, внезапно потерялъ эту способность. И вотъ одновременно

съ этимъ онъ сталъ замѣчать, что чувства его какъ бы притупились. „Прежде я былъ впечатлительнымъ, энтузіастомъ, говоритъ онъ, и обладалъ богатымъ воображеніемъ; теперь же я сталъ холоденъ и спокоенъ; образы, созданные фантазіей, уже не могутъ увлекать меня. Я сдѣлался менѣе доступнымъ горю и нравственному страданію. Такъ, напр., потерявши недавно одного родственника, съ которымъ мы были связаны тѣсной дружбой, я испыталъ гораздо меньшую скорбь, чѣмъ это было бы прежде, когда я могъ представить себѣ его лицо, теченіе его болѣзни и въ особенности внѣшнія проявленія того горя, которое его преждевременная смерть вызвала у всѣхъ членовъ нашей семьи“¹⁾. Вмѣстѣ съ воображеніемъ человѣкъ теряетъ самые многочисленныя и послѣ ощущеній самые дѣйствительныя возбудители своей чувствительности—въ видѣ яркихъ и конкретныхъ образовъ его. У людей, балансирующихъ на грани между нормальнымъ и ненормальнымъ, эти образы фантазіи не уступаютъ, въ своей живости, силѣ и обусловленной этимъ эмоциональной окраскѣ, ощущеніямъ. Изъ массы случаевъ возьмемъ одинъ. „Стоило одному господину, по словамъ Бріеръ-де Буамона, вспомнить или подумать о какой-ниб. вещи или о любомъ лицѣ,—и сейчасъ же эту вещь или это лицо онъ озарялъ призракомъ внѣшней реальности. Однажды мы застали его съ пристально устремленнымъ въ пространство взоромъ, съ улыбкой на губахъ, какъ бы аплодируя. Когда мы открыли дверь въ его комнату, онъ не слышалъ“. Оказалось, что онъ мысленно присутствовалъ на спектаклѣ Большой Оперы, представляя себѣ, что смотритъ балетъ и аплодируетъ Тальони. „Никогда еще не чаровали меня такъ ея танцы, гибкіе, полные благородной граціи“²⁾, закончилъ онъ свое признаніе. Съ другой стороны, и воображеніе безъ чувствительности не могло бы работать, потому что не имѣло бы къ тому стимула, поддержки и даже отчасти матеріала для своихъ построеній. Если бы у людей не было чувствованій, съ потребностями позади ихъ и съ желаніями и хотѣніями впереди, то у нихъ нѣ было бы и пылкаго и плодовитаго воображенія. Всякое произведеніе воображенія предпола-

¹⁾ Лазурскій. Очеркъ науки о характерахъ. Изд. 2., стр. 212.

²⁾ Кейра. Воображеніе и различныя формы его у ребенка. Спб., 1912 г. стр. 10.

гаеть за собою и подъ собою напряженіе какой-ниб. потребности, стремленія и чувствованія, какъ каскады фонтана или водопада предполагаютъ напоръ силы давленія и тяжести. Чувствительность, возбуждая воображеніе къ дѣятельности, является неизбѣжнымъ спутникомъ его при всякой энергичной работѣ. „Творящій, по словамъ Рибо, можетъ, по волѣ случая, проходить чрезъ самыя разнообразныя формы возбужденія и угнетенія, чувствовать уныніе отъ неудачи и радость отъ успѣха, наконецъ, удовлетвореніе при счастливомъ разрѣшеніи отъ своего тяжкаго бремени. Я сомнѣваюсь въ возможности хотя бы одного примѣра изобрѣтенія, свободнаго отъ всякаго аффективнаго элемента: человѣческая природа не допускаеть такого чуда“¹⁾ Т. Рибо идетъ еще далѣе въ установленіи зависимости воображенія отъ аффективной стороны: по его мнѣнію, послѣдняя даетъ воображенію и матеріаль для его созданій. „Хорошо извѣстенъ фактъ, по его словамъ, являющійся почти общимъ правиломъ, что поэтъ, романистъ, драматическій писатель, музыкантъ, а часто даже скульпторъ и живописецъ ощущають чувства и страсти созданныхъ ими личностей, отождествляють себя съ ними“²⁾. На дальнѣйшихъ страницахъ Рибо доказываетъ, что не только возбуждающія, какъ гнѣвъ, радость и любовь, чувства, но и угнетающія, какъ, напр., горе и страхъ, побуждаютъ воображеніе къ энергичной дѣятельности. Разсматривая поэтическія произведенія выдающихся поэтовъ, мы на каждой страницѣ ихъ сочиненій находимъ жизненные, яркіе и сочныя образы, заимствованные ихъ воображеніемъ изъ ихъ эмоциональнаго опыта. Таковы вообще необыкновенно художественныя и глубоко правдивыя описанія ими внѣшнихъ выраженій разныхъ чувствованій, въ родѣ „сердце прыгаетъ“, „на устахъ слово замерло“, „между плечъ пробѣжалъ морозъ“ и т. п. Удачность такихъ и подобныхъ выраженій, подтверждаемая психологическими экспериментами, показываетъ, что поэты въ моментъ своего творчества чувствуютъ массу физиологическихъ подробностей и физическихъ ощущеній, входящихъ въ сложные эмотивные образы; чувствуютъ или припоминають физиологическія детали работы своего сердца, артерій и мышцъ. Слѣд. во-

1) Рибо. Творческое воображеніе. Спб., 1901 г., стр. 24—25.

2) Тамъ же, стр. 26 и слѣд.

ображеніе ихъ въ этомъ случаѣ пользуется эмотивнымъ настроеніемъ, какъ источникомъ необходимаго для него матеріала.

Если нѣтъ и не можетъ быть ни высокой чувствительности безъ воображенія, ни пылкаго и плодовитаго воображенія безъ напряженной чувствительности, то мы вслѣдъ за чувствительностію въ ряду факторовъ вліянія должны отвести мѣсто воображенію. Никто не будетъ оспаривать мысли о важномъ значеніи воображенія въ дѣлѣ вліянія. Но, несмотря на это, мы приведемъ нѣсколько свидѣтельствъ вліятельныхъ людей, двое изъ которыхъ писали къ тому же о вліятельныхъ людяхъ. Рассказываютъ, что какъ-то при Наполеонѣ I замѣтили: „Это одно воображеніе!“ Великій полководецъ тотчасъ же съ присущей ему живостію возразилъ: „Одно воображеніе? Воображеніе управляетъ міромъ!“ Владыка полуміра, обладавшій чрезвычайно живымъ и сильнымъ воображеніемъ и приписывавшій ему свои военные успѣхи, на личномъ опытѣ оцѣнилъ все значеніе этой способности. По словамъ Лебона, „никогда еще, со времени Александра и Цезаря, ни одинъ человѣкъ не умѣлъ лучше Наполеона дѣйствовать на воображеніе толпы. Онъ постоянно думалъ только о томъ, какъ бы поразить ея воображеніе; онъ заботился объ этомъ во всѣхъ своихъ побѣдахъ, рѣчахъ, во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и даже на одрѣ смерти“¹⁾. Р. Эмерсонъ пишетъ: „Когда воображеніе просыпается, то сила человѣка увеличивается въ десять, въ тысячу разъ. Оно открываетъ намъ восхитительныя области безграничнаго, придаетъ нашему духу небывалую смѣлость. Мы такъ же упруги, какъ пороховые газы, и фраза въ книгѣ, слово обыкновенной бесѣды даетъ толчокъ нашей фантазіи. И вотъ мы уже головой упираемся въ млечный путь, а ногами попираемъ преисподнюю“²⁾ По словамъ Карлейля, „не наша логическая, измѣрительная способность, а наша способность воображенія есть надъ нами царь,—я готовъ бы сказать: священникъ и пророкъ, чтобы вести насъ на небо, или волшебникъ и колдунъ, чтобы вести насъ въ адъ. Наконецъ, и для самаго низкаго сенсуалиста; что такое чувство, какъ не орудіе фантазіи, сосудъ, чтобы изъ него пить.

1) Лебонъ. Психологія народовъ и массъ. Птб., 1899 г., стр. 208.

2) Р. Эмерсонъ. Избранники человѣчества. М. 1912 г., стр. 55.

Даже въ самомъ сѣромъ существованіи есть сіяніе или вдохновенія или безумія, которое исходитъ изъ окружающей вѣчности и расцвѣчиваетъ своими красками нашъ маленькій островокъ временн. Пониманіе есть поистинѣ твое окно и ты не можешь сдѣлать его слишкомъ свѣтлымъ, но фантазія есть твой глазъ, съ его дающей окраску ретиной, здоровой или больной. Развѣ я самъ не зналъ живыхъ пяти-сотъ солдатъ, изрубленныхъ на пищу воронамъ изъ-за куска вылощенной бумажной матеріи, которую они называли своимъ знаменемъ, и который, если бы его продали на рынкѣ, не принесъ бы болѣе трехъ грошей!⁽¹⁾)

Воображеніе есть непосредственный и самый очевидный факторъ всякаго открытія, изобрѣтенія и измѣненія во всѣхъ областяхъ нашей жизни. Такъ какъ жизнь вообще есть непрерывное измѣненіе, такъ какъ всякому человѣку приходится внѣшнее приспособлявать къ внутреннему, а во внутреннемъ приспособляться къ внѣшнему, то буквально на каждомъ шагу жизни ему требуется работа воображенія: безъ него онъ и одного дня не прожилъ бы въ этомъ мірѣ измѣнчивости. Вѣдь прежде, чѣмъ совершить какое-ниб. измѣненіе во внутреннемъ или внѣшнемъ мірѣ, онъ долженъ представить его въ своемъ воображеніи. Вотъ почему и говорится, что съ мыслью (точнѣе—съ идеей) все начинается, что мысль есть начало всего. Въ виду того, что всякое вліяніе въ своей активной и пассивной формѣ есть измѣненіе дѣйствительности, твореніе и претвореніе, ни одинъ актъ его не можетъ осуществиться безъ помощи воображенія. Въ частности, для того, чтобы повліять на другихъ людей, надо, во 1-хъ, имѣть извѣстный запасъ представленій, которыя оказываются тѣмъ неотразимѣе, чѣмъ ярче и картиннѣе; надо, во 2-хъ, какъ увидимъ позднѣе, понять человѣка, для чего лучшимъ средствомъ является мысленная постановка себя на мѣсто другого, достигающая своей высшей степени въ такъ наз. способности „перевоплощаться“; надо, въ 3-хъ, приспособить свои воздѣйствія (или символы) къ конструированному нами строю психики другого человѣка,— все это невозможно безъ воображенія. Безъ него нельзя обойтись и тому лицу, которое подпадаетъ вліянію со стороны другого. Ключомъ къ такому вліянію является рас-

¹⁾ Т. Карлейль. Sartor resartus.

крытіе смысла тѣхъ символовъ, въ которые облакаются психическія переживанія вліяющаго лица: оно безъ помощи воображенія такъ же не можетъ осуществиться, какъ и болѣе цѣлостное воспріятіе вліянія и углубленное проникновеніе въ него. „Человѣкъ безъ воображенія подобенъ болоту: упавшій въ него камень не произведетъ волненія“ (афоризмъ Авг. Паули). Новѣйшая экспериментальная психологія доказала, что безъ воображенія не можетъ произойти и самаго обыкновеннаго воспріятія.

Отсюда въ рандантѣ къ изреченію—*„Все великое въ мірѣ произошло отъ страстей“*, можно привести другое: *„все великое зачинается въ сердцѣ и раздается въ воображеніи“*.

Воображеніе человѣка это—фонтанъ, который радуется и развлекаетъ насъ быстрымъ движеніемъ, журчаніемъ, свѣжестію и блескомъ поднимающейся и падающей воды. Мы знаемъ, что давленіе для поднятія воды получается отъ чувствительности, но откуда взялась самая вода въ этомъ фонтанѣ? Нельзя-ли, прослѣдивши теченіе ея до истока, открыть новые факторы вліянія, болѣе частные и элементарные сравнительно съ разсмотрѣнными? Будемъ кратки, потому что рѣчь наша должна коснуться предмета общеизвѣстнаго. Матеріалъ для своей работы—игры воображеніе заимствуетъ изъ памяти, а память запечатлѣваетъ и хранитъ прежде бывшія ощущенія, являющіяся простѣйшими актами нашего сознанія. Наши внѣшнія и внутреннія чувства служатъ какъ бы поставщиками матеріала, а память какъ бы сокровищницей для его храненія. Безъ разъясненій понятно, что для обилія и совершенства матеріала требуется болѣе или менѣе совершенная память и болѣе или менѣе острая воспримчивость органовъ чувствъ. О. Вейнинггеръ съ особенною подробностію и настойчивостію доказываетъ, что болѣе одаренный (и слѣд. болѣе вліятельный) человѣкъ долженъ обладать совершенною памятью. По его словамъ „универсальная память всего пережитаго является самымъ вѣрнымъ, самымъ общимъ и самымъ обоснованнымъ признакомъ генія“¹⁾. „Все съ упорствомъ пристаётъ къ ихъ (геніальныхъ людей) памяти, неизгладимо врѣзывается въ нее, такъ что имъ не приходится дѣлать никакихъ усилій для того, чтобы

1) О. Вейнинггеръ. *Поль и характеръ*. Изд. 3-кн.—ва „Посѣвъ“, стр. 135.

припомнить что-нибудь, не приходится особенно напрягать своего вниманія“¹⁾. Съ болѣе ранняго періода, чѣмъ другіе, они ведутъ цѣпь своихъ воспоминаній; при чемъ воспоминаемая событія какъ бы сливаются въ цѣльный потокъ; прошлое ихъ почти такъ же живо и реально, какъ и настоящее; отсюда Вейнингерь выводитъ ихъ любовь даже къ мелочамъ своей прошлой жизни, склонность писать автобіографіи и жажду безсмертія. Въ дополненіе къ замѣчаніямъ Вейнингера, мы должны отмѣтить еще одну особенность памяти вліятельныхъ людей: это, какъ выражается Рибо, аффективный коэффициентъ памяти²⁾. По ученію вышеупомянутаго психолога, человѣкъ, вспоминая о какомъ-нибудь событіи, сильно взволновавшемъ его въ свое время, живо воспроизводитъ не только тогдашнія ощущенія и представленія, относящіяся къ событію, но и самое чувство, которымъ сопровождалась эти ощущенія и представленія. Чувственные образы при этомъ суть только условіе, опора, орудіе воспоминаемаго чувствованія. „Для любовника, пишетъ Рибо, слышащаго внутренно голосъ своей любовницы, или поэта, слышащаго звукъ колоколовъ, услаждавшихъ его дѣтство, вновь ожившее чувство составляетъ все, внутреннее представленіе почти ничего“³⁾. Тѣ лица, которыя обладаютъ такою памятью, называемою памятью чувствъ, или аффективной, оказываются въ особенно благопріятныхъ условіяхъ, чтобы заражать другихъ людей: для этого имъ, при отсутствіи чувствованій въ настоящемъ, достаточно отдаться соответствующимъ воспоминаніямъ: вмѣстѣ съ потокомъ идей хлынуть на слушателей и потокъ заразительныхъ чувствованій и настроеній. Для объясненія аффективнаго характера памяти нѣкоторыхъ лицъ, по всей вѣроятности, нужно указать на особенную интенсивность ихъ чувствительности и живость ихъ воображенія, такъ что эту *аффективную память мы имѣемъ полное право поставить въ*

1) Тамъ же, стр. 137.

2) Рибо. О страстяхъ, стр. 31.

3) Тамъ же, стр. 30. См. „Психологию чувствъ“ того же автора. Русск. пер. Кіевъ, 1897 г., гл. XI. По вопросу о существованіи аффективной памяти ведется споръ между психологами, но популярное сознаніе, создавшее изреченіе: „о пріятномъ и вспомнить пріятно“ и отмѣчающее „слабость“ воспоминаній, стоитъ на точкѣ зрѣнія Рибо.

ряду факторовъ вліятельности человека, тотчасъ послѣ воображенія.

Обиліе и совершенство того интеллектуальнаго матеріала, который хранится памятью, въ концѣ концовъ объясняется частію совершенствомъ дѣятельности органовъ чувствъ, частію напряженностію вниманія къ ихъ показаніямъ, частію, наконецъ, вліяніемъ упражненія. Послѣднія двѣ причины могутъ быть даны въ опытѣ cadaго челоука, но извѣстная острота чувствъ, значительно превышающая обычную норму, есть результатъ природнаго дарованія. Назовемъ это дарованіе *чуткостію*. Она и будетъ послѣднимъ и элементарнымъ факторомъ вліятельности въ томъ ряду, который мы разсматриваемъ. Скажемъ нѣсколько словъ объ этомъ предѣльномъ для нашего анализа понятіи. Чуткость, понимаемая въ смыслѣ воспримчивости, можетъ быть разнаго рода, но мы остановимъ пока свое вниманіе на чуткости въ области ощущеній. Назовемъ ее *сенситивной чуткостію*. Сообразно дѣленію ощущеній на внѣшнія, органическія и кинестетическія (или двигательныя), мы различаемъ сенситивную чуткость троякаго рода: одну назовемъ *внѣшней*, другую — *органической* и третью — *моторной*. Каждому извѣстно, что нѣкоторые люди выдѣляются изъ общей массы остротою своихъ чувствъ: живописецъ видитъ такіе оттѣнки цвѣтовъ, музыкантъ слышитъ такіе тона, отвѣдчики-эксперты воспринимаютъ своимъ обоняніемъ, вкусомъ и осязаніемъ такія тонкія различія внѣшнихъ раздраженій, которыя совершенно неуловимы для другихъ. Часто въ распоряженіи такихъ чуткихъ людей не находится словъ, пригодныхъ къ тому, чтобы довести до свѣдѣнія другихъ людей о своихъ воспріятіяхъ. Они могутъ сказать только то, что чувствуютъ какое-то различіе. Очевидно, что при такой чуткости, при такой остротѣ воспримчивости челоукъ не только получаетъ больше ощущеній, чѣмъ обычные люди, но и замѣчаемыя послѣдними сходства и различія онъ воспринимаетъ гораздо яснѣе и отчетливѣе. Въ его глазахъ люди, животныя, растенія и неодушевленные предметы оказываются болѣе содержательными, значительными и интересными, чѣмъ въ глазахъ зауряднаго созерцателя. Онъ получаетъ при воспріятіи дѣйствительности больше познавательныхъ элементовъ, чѣмъ другой; эти элементы совершеннѣе, чѣмъ у другихъ и, слѣд.,

его умственный багажъ въ общемъ значительно богаче, разнообразнѣе и интереснѣе. Преимущество это и сказывается прежде всего въ совершенствахъ памяти и воображенія. Насколько великъ можетъ быть выигрышъ отъ избытка и большого совершенства ощущеній тогда, когда приходится комбинировать ихъ при работѣ воображенія, можно приблизительно представить себѣ по аналогіи съ картежной игрой, когда введеніе въ кругъ слагаемыхъ только одной карты, на примѣръ, туза, даже десятки, совершенно мѣняетъ положеніе дѣла.

Внѣшней сенситивной чуткостью человѣка болѣе или менѣе удовлетворительно объясняется умственное богатство вліятельнаго человѣка, обнаруженное нами пока въ совершенствахъ памяти и воображенія. Но нельзя-ли объяснить какимъ-ниб. образомъ того богатства эмоциональной жизни, щедроты котораго разсыпаются при всѣхъ актахъ вліянія? Можно на этотъ счетъ построить два предположенія, каждое изъ которыхъ заключаетъ долю правды. Во 1-хъ на, обиліе и силу чувствованій можно смотрѣть, какъ на результатъ обилія и напряженія прирожденныхъ и приобрѣтенныхъ стремленій и потребностей человѣка, въ связи съ обстоятельствами его жизнедѣятельности. „Личность человѣка, по словамъ М. Космана, автора новѣйшей системы психологіи, въ своей основѣ состоитъ изъ развѣтвляющагося дерева влеченій, въ корнѣ котораго кроются родниковыя прирожденныя влеченія, а въ развѣтвленіяхъ то, что имъ привилось изъ столкновеній съ жизнью“¹⁾. Чѣмъ больше влеченій и чѣмъ напряженнѣе они, тѣмъ больше и сильнѣе потребности; чѣмъ больше потребностей и чѣмъ напряженнѣе онѣ, тѣмъ больше должно быть чувствованій и тѣмъ сильнѣе они будутъ. Вотъ база для возникновенія чувствованій. Но на этой почвѣ чувствованія возникаютъ не сами по себѣ, а прежде всего въ связи съ ощущеніями — внѣшними и внутренними. Уже одна внѣшняя сенситивная чуткость человѣка, дающая ему возможность воспринимать всѣ раздраженія яснѣе и отчетливѣе и даже улавливать самыя незначительныя изъ нихъ, естественно можетъ служить однимъ изъ источниковъ эмоциональнаго богатства. Въ элементарныхъ курсахъ пси-

1) М. Косманъ. Динамика внутренней жизни. М., 1917 г., стр. 383.

хологiи сообщается, что къ большинству внѣшнихъ ощущеній присоединяется немного черной и бѣлой краски въ видѣ непріятнаго или пріятнаго чувствованія, за которымъ установлено названіе *тона ощущенія*. Но еще большее значеніе имѣетъ въ происхожденіи чувствованій сенситивная чуткость органическаго и моторнаго вида. Всѣми признано, что органическія ощущенія, возникающія зъ зависимости отъ состоянія и дѣятельности нашихъ внутреннихъ органовъ, хотя въ своей отдѣльности рѣдко доходятъ до сознанія, но за то въ своей совокупности образуютъ наше самочувствіе и чрезъ него вліяютъ отчасти на качество, отчасти на силу всѣхъ другихъ эмоціональныхъ переживаній. Безспорно положеніе, что то или иное самочувствіе, подобно погодѣ, сообщаетъ тотъ или иной колоритъ нашей аффективной жизни и, подобно настройкѣ музыкальнаго инструмента, тотъ или иной размахъ ей. Недаромъ же самочувствіе иначе называется настроеніемъ. Но мы, вслѣдъ за Джемсомъ и Лянге, можемъ идти еще дальше въ объясненіи происхожденія чувствованій. Ихъ теорія, раздѣляемая весьма многими солидными учеными психологами, утверждаетъ, что причина происхожденія чувствованій заключается въ органическихъ и периферическихъ измѣненіяхъ нашего тѣла (т. е. измѣненіяхъ дыханія, кровообращенія, обмѣна веществъ, а также мимическихъ и пантомимическихъ движеній и т. д.), которыя считались и считаются обычно за спутниковъ и послѣдствія душевныхъ волненій. Мы не беремъ здѣсь рѣшать вопроса о томъ, правы или не правы Джемсъ и Лянге въ своей теоріи, потому что для нашей цѣли вполне достаточно признать зависимость нашихъ эмоціональныхъ переживаній отъ фізіологическихъ измѣненій, что доказывается еще и другими наблюденіями и экспериментами. Гипнотическіе опыты съ убѣдительною доказываютъ, что достаточно бываетъ механически измѣнить положеніе одной брови извѣстнымъ образомъ, чтобы въ душѣ загипнотизированнаго только по одной этой причинѣ возникло печальное настроеніе со всѣми психологическими и экспрессивными подробностями. Ничего рискованнаго, слѣд., не будетъ въ принятіи того предположенія, что эмоціональное богатство человѣка, наряду съ внѣшней сенситивной чуткостью, отчасти объясняется и его органической и моторной чуткостью.

Такимъ образомъ, сенситивной чуткостью, принимаемой во вѣсѣхъ ея трехъ видахъ, можно объяснить до нѣкоторой степени не только умственное, но и эмоциональное богатство и даже, пожалуй, интенсивность свойственныхъ наиболѣе вліятельнымъ людямъ переживаній: чѣмъ многочисленнѣе и напряженнѣе потребности человѣка и чѣмъ чутче онъ относится къ внѣшнимъ и внутреннимъ раздраженіямъ, тѣмъ богаче и интенсивнѣе будетъ его душевная дѣятельность и тѣмъ вліятельнѣе онъ можетъ оказаться. Въ его распоряженіи будетъ и много яркихъ красокъ, чтобы изъ ихъ композицій образовывать привлекательныя и очаровательныя картины, и много энергіи, чтобы быть производительнымъ въ своей работѣ и настойчивымъ въ борьбѣ съ препятствіями.

Человѣка съ богатой психикой можно сравнить съ богатымъ купцомъ. Если этотъ послѣдній значительную часть своихъ капиталовъ оставляетъ безъ движенія, то его можетъ превзойти въ богатствѣ и менѣе богатый соперникъ, который пускаетъ въ оборотъ всѣ свои капиталы и возможно чаще производитъ это кругообращеніе капиталовъ. Такъ иногда и наиболѣе вліятельнымъ оказывается не тотъ, кто владѣетъ огромнымъ психическимъ богатствомъ, а тотъ, кто лучше пользуется своими сравнительно скромными ресурсами. Изворотливость, или точнѣе—оборотистость купца—въ области психическаго вліянія имѣетъ свое подобіе въ особомъ свойствѣ натуры человѣка, которое мы назовемъ «возбудимостію души». *Возбудимость человѣка, наряду съ чуткостью, съ которой она чаще сочетается, чѣмъ расходится, и составляетъ второй элементарный факторъ вліятельности человѣка.* Возбудимость часто сочетается съ импульсивностію и чувствительностію и еще чаще лежитъ въ основѣ страстности и заинтересованности человѣка, доходящей до степени воодушевленія и энтузіазма. Возбудимость состоитъ въ томъ, что человѣкъ весь и часто на значительное время отдается какому-нибудь впечатлѣнію, идеѣ, художественной концепціи или чувству. Идея или чувство захватываютъ его всецѣло, потрясаютъ весь его духовный строй, все приводятъ въ движеніе и возбужденіе настолько сильное, что онъ не въ состояніи ни думать о чемъ-либо другомъ, ни дѣлать что-либо другое. Если какія-нибудь обстоятельства заставятъ его вести иной разговоръ или заняться другимъ дѣломъ, то онъ чув-

ствуешь, какъ подъ поверхностію его сознанія, такъ сказать, происходитъ сильное броженіе по поразившему или заинтересовавшему его явленію. Стоитъ только внѣшней помѣхѣ исчезнуть, какъ снова въ сознаніи возбужденнаго цѣлыми, нескончасмыми вереницами начинаютъ проноситься идеи и образы. Его душа кипитъ, точно вода въ котлѣ, а отдѣльные мысли и образы несутся, скачутъ и кружатся, какъ въ вихрѣ пыль или въ водопадѣ брызги. Вслѣдствіе этого возбужденный человѣкъ производитъ впечатлѣніе человѣка очарованнаго, одержимаго и иногда безумнаго. Видно, что какая-то идея обуяла его, подчинила себѣ весь духовный механизмъ, поставила его работать во всю и, въ качествѣ новаго полновластнаго хозяина, все перебираетъ, все перестраиваетъ и всѣмъ пользуется для своихъ цѣлей.

Возбудимость бываетъ разнаго рода и разныхъ степеней. Въ нашихъ интересахъ нужно указать на интеллектуальную и эмоціональную возбудимость. Примѣромъ первой можетъ быть работа ученаго, отдающагося охватившей его идеѣ съ такою полнотою, что онъ долгое время не мѣняетъ даже своего внѣшняго положенія, къ удивленію близкихъ ему лицъ. Про Сократа рассказываютъ, что онъ однажды цѣлыя сутки простоялъ на одномъ мѣстѣ въ состояніи глубокой задумчивости; о Лейбницѣ извѣстно также, что онъ по нѣсколькимъ дней оставался въ креслѣ почти безъ движенія, погруженный въ свои размышленія; о Ньютонѣ, наконецъ, передаютъ, что онъ, занятый своими изысканіями, приведшими его къ открытію закона всемірнаго тяготѣнія, не могъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ заниматься серьезно ничѣмъ другимъ и былъ вынужденъ почти совершенно забросить всѣ свои личныя повседневныя дѣла и заботы ¹⁾. Эмоціональная возбудимость проявляется болѣе бурно. Примѣромъ ея можетъ служить какой—нибудь аффектъ, ведущій къ образованію какой—нибудь страсти. Возьмемъ, напр., первую половую любовь, которая сплавляетъ въ одинъ агрегатъ почти всѣ элементарныя возбужденія и чрезъ это, по словамъ, кажется, М. Нордау, дѣлаетъ cadaго человѣка на время гениальнымъ. Припомнимъ высоко художественный монологъ „Скупого рыцаря“ у Пушкина,—при видѣ сундуковъ, наполненныхъ

¹⁾ Лазурскій, проф. Классификація личностей. См. Журн. Мин. Нар. Просв., августъ 1916 г.

золотомъ. Даже его душа,—душа скупца была столь сильно возбуждена, что мы не можемъ читать спокойно его монолога: до того онъ пронизанъ огнемъ чувства и ослѣпительно блеститъ искрами фантазіи. Возбудимость души ближайшимъ образомъ и сказывается именно на чувствительности и воображеніи человѣка. Наступите человѣку на мизинецъ пальца, и гнѣвъ его не только сразу вспыхнетъ, но и сразу пронизетъ все существо его. Напрасно вы будете просить извиненія: его могутъ отклонить съ словами и жестомъ гнѣвнаго возбужденія. Точно то же можно сказать и о пылкой фантазіи: стоитъ только коснуться этого крылатого коня однимъ словомъ—ударомъ, какъ трудно потомъ будетъ остановить его. Возбудимость чувства и возбудимость фантазіи, какъ мы уже писали, взаимно обуславливаютъ и поддерживаютъ одна другую.

Схема процесса возбужденія чувства и фантазіи такова: дается внѣшній или внутренній импульсъ, иногда, повидимому, самый незначительный; отъ толчка импульса, какъ порохъ отъ огня, возбуждается и загорается какой—нибудь ближайшій къ импульсу нервный центръ; отъ него приходитъ въ возбужденіе вся психика человѣка, включая сюда и бессознательную область; сознание человѣка наполняется идеями, чувствами и фигурами; онѣ носятъ предъ человѣкомъ, преслѣдуютъ его по пятамъ, не даютъ ему покоя, какъ видѣнія, вызванныя изъ мрака хаоса, и повелительно требуютъ отъ него жизни и воплощенія.

Изъ указанной схемы возбужденія видно, что главнымъ факторомъ его являются не внѣшнія впечатлѣнія. Мы склонны преувеличивать значеніе ихъ и потому часто пускаемся въ поиски и даже въ погоню за ними, въ надеждѣ обогатить и оплодотворить свою оскудѣвающую душу. Напрасныя старанія и напрасныя надежды! Въ возбужденіи человѣка главнѣйшую роль играетъ не столько новое впечатлѣніе, которымъ вносятся въ нервныя центры нѣкоторый матеріалъ и душѣ дается новая крупица знанія, сколько то, что новымъ впечатлѣніемъ приводится въ дѣйствіе нервно—психическій механизмъ съ запасомъ уже готоваго матеріала. Новое впечатлѣніе есть только одна искра: она можетъ вызвать пожаръ, но только въ томъ случаѣ, если попадетъ въ массу горючаго матеріала. Эта воспламеняемость души зависитъ

главнымъ образомъ отъ природной чувствительности чело-вѣка,—отъ его темперамента. Флегматикъ не можетъ такъ кипѣть, бурлить, клокотать и волноваться, какъ пылкій и энергичный холерикъ: волненія и игра воображенія у пер-ваго могутъ быть сравниваемы съ зыбью на поверхности маленькаго пруда, а волненія и возбужденіе фантазіи холе-рика—съ громадными и тяжелыми валами взбушевавашагося моря. Что же удивительнаго въ томъ, что маленькій прудъ давно уже тихо дремлетъ въ то время, какъ забаламучен-ное море долго не можетъ успокоиться?

Возбудимость души, часто сплетающаяся съ чуткостію, является дополненіемъ ея, необходимымъ для успѣха вліянія. Чуткость чело-вѣка снабжаетъ его большимъ количествомъ умственныхъ и эмоціональныхъ элементовъ, чѣмъ какимъ располагаетъ обычный чело-вѣкъ. Со стороны фізіологиче-ской ее можно объяснять большимъ количествомъ нервныхъ элементовъ въ органахъ чувствъ и нервныхъ центрахъ. Но эти преизбыточествующіе элементы можно представить раз-розненными и потому малополезными, какъ капиталы ста-рухи, покоющіеся на днѣ сундука въ видѣ ассигнацій или процентныхъ бумагъ. Присоединяется возбудимость,—и кар-тина сразу мѣняется. Элементы приводятся въ связь, одни изъ нихъ вызываютъ другіе, тѣ, въ свою очередь, влекутъ за собою третьи и такимъ образомъ составляется цѣпь; даже, если угодно, двѣ цѣпи—цѣпь интеллектуальныхъ пережи-ваній и параллельная ей цѣпь эмоціональныхъ. Все, что находится въ психикѣ сроднаго и подходящаго къ постав-ленной цѣпи, мобилизуется и утилизируется; въ чемъ оказывается недостатокъ, то приобрѣтается путемъ наблю-денія, комбинаціи и размышленія. Словомъ, благодаря чут-кости получаютъ въ изобиліи элементы; благодаря же воз-будимости они становятся въ многоразличныя связи другъ съ другомъ и со сложными образованіями ихъ и чрезъ это въ горнилѣ нашего духа рождается что—ниб. массивное, иногда, при благопріятныхъ условіяхъ, новая концепція—научная, художественная, философская. Возбудимость сли-вается въ одинъ обильный и часто бурный и мятежный по-токъ то, что безъ нея оставалось бы разрозненнымъ, на по-добіе точекъ. Чрезъ это сцѣпленіе психическихъ элементовъ и сложныхъ образованій частію увеличивается напряженіе

ихъ, а главнымъ образомъ достигается та углубленная согласованность въ душевныхъ переживаніяхъ, которая имѣеть, на ряду съ богатствомъ интенсивныхъ психическихъ процессовъ, капитальное значеніе для успѣшности вліянія: одно дѣло—атаковать позицію по одиночкѣ и совершенно другое—густыми цѣпями. Въ послѣднемъ случаѣ, если не попадетъ въ цѣль одинъ изъ атакующихъ, то это можетъ удался другому. Побѣда ихъ будетъ тѣмъ вѣрнѣе, что на сторонѣ атакующихъ густыми колоннами есть еще одно важное преимущество: они стрѣляютъ разрывными пулями.

Переводя все сказанное на обычный языкъ психологіи, мы должны объяснить возбудимость человѣка живостію и разносторонностію ассоціацій между ощущеніями, представленіями и чувствованіями. Люди, наиболѣе одаренные и потому вліятельные, отличаются отъ посредственностей болшею снѣпленностію представленій и большимъ количествомъ ассоціацій по сходству. У даровитаго человѣка, по словамъ Вейнингера, „отдѣльныя воспоминанія какимъ-то заладочнымъ образомъ появляются въ объединенной формѣ. Событія слѣдуютъ другъ за другомъ не какъ тиканье часовъ, а сливаются въ одинъ цѣльный потокъ, въ которомъ нѣтъ перерывовъ“. Въ этотъ потокъ „стекаются всѣ воды изъ отдаленнѣйшихъ областей“, изъ него, „благодаря универсальной апперцепціи не можетъ быть выключено ни одно переживание“, онъ „воспринимаетъ, впитываетъ въ себя отдѣльные моменты. Эта настоящая непрерывность одна только и можетъ дать человѣку увѣренность въ томъ, что онъ живетъ, что онъ существуетъ на бѣломъ свѣтѣ“¹⁾. Преимущество же ассоціацій по сходству предъ ассоціаціями по смежности, объясняется тѣмъ, что тогда какъ послѣднія суть копии того, что было, первыя суть результатъ творческой силы духа, соединяющей то, что разделено было въ воспріятіи пространствомъ и временемъ. Родство возбудимости съ силой ассоціацій даетъ намъ право видѣть физиологическую основу ея въ болшемъ развитіи у возбудимыхъ людей ассоциативныхъ путей и болшей проводимости ихъ. Ассоціаціи и ассоциативные пути,—это, по словамъ проф. Сикорскаго, привычные проторенные маршруты, не всегда идеально точные, но за то привычные, подручные, всегда

¹⁾ Вейнингерь. Путь и характеръ, стр. 145.

оживляемые и обновляемые непрерывнымъ передвиженіемъ транспортовъ отъ внѣшнихъ органовъ чувствъ къ центрамъ. Эти транспорты внѣшнихъ впечатлѣній всего болѣе содѣйствуютъ не только свѣжести и проходимости путей отъ внѣшняго міра въ глубь мозга, но и самой прокладкѣ и устойчивости ассоціативныхъ связей, принимающихъ на себя все бремя приносимыхъ впечатлѣній“¹⁾. „Ассоціативный аппаратъ, по словамъ того же ученаго, отличается величайшей чувствительностію, какъ механизмъ, и его дѣйствіе сразу грубо нарушается при всякомъ сколько—ниб. неосторожномъ обращеніи съ нимъ. Довольно вспомнить душевныя волненія, чтобы увидѣть иллюстрацію этого факта... Но въ этомъ (свойствѣ его) есть и выгодная сторона—она обезпечиваетъ ассоціативному органу то, что механики называютъ послушностію аппарата, т. е. большой отзывчивостію въ отвѣтъ на полученныя впечатлѣнія. Это свойство дѣлаетъ ассоціативную часть мозга чуткимъ орудіемъ въ рукахъ директивъ, т. е. сильныхъ вліяній, внесенныхъ въ нѣдра органа. Но такъ какъ ассоціативный аппаратъ пронизанъ большимъ количествомъ мелкихъ клѣточекъ центральныхъ нейроновъ, которые по самому устройству своему предназначены быть разносчиками возбужденій по всѣмъ направленіямъ, то всякая директива сразу можетъ охватить весь ассоціативный мозгъ, обративъ его въ единое цѣльное рабочее орудіе. Этимъ можно объяснить единство сознанія“²⁾.

Этимъ же въ еще большей степени можно объяснить и то, что ассоціативные центры не только объединяютъ, хранятъ и воспроизводятъ впечатлѣнія, но и перерабатываютъ, безъ вѣдома сознанія, какъ впечатлѣнія, такъ и другіе психическіе продукты. Въ этомъ мы убѣждаемся изъ того факта, что представленія при своемъ воспроизведеніи часто оказываются не такими, какими они поступили въ память для храненія. Очевидно, что въ бессознательной области, благодаря ассоціативнымъ путямъ, происходитъ движеніе и объединеніе впечатлѣній и сложныхъ душевныхъ образованій, дающее въ результатѣ измѣненіе элементовъ и новыя болѣе сложныя комбинаціи ихъ. *Про даровитаго и вліятельнаго человека можно сказать, что онъ иногда посылаетъ только внушитель-*

1) Всеобщ. псих., стр. 227.

2) Тамъ же, стр. 454.

ные приказы и сильные толчки въ таинственную область бессознательнаго, гдѣ, по законамъ психологической механики, какъ въ своего рода лабораторіи, происходитъ работа безъ вѣдома хозяина, которому преподносятся продукты бессознательной работы уже въ оконченномъ видѣ. Признанія многихъ творцовъ въ разныхъ областяхъ человѣческой дѣятельности не оставляютъ сомнѣнія въ существованіи такихъ работъ въ лабораторіи бессознательнаго. Тѣ умы, которые склонны и способны къ такой работѣ, на языкѣ экспериментальныхъ психологовъ получили названіе *умовъ интуитивныхъ и бессознательныхъ*. Вліятельный человѣкъ иногда даже во время сна подготавливаетъ все нужное для произведенія вліянія. Замѣчено при этомъ, что подобно тому, какъ ключи, бьющіе изъ глубокихъ нѣдръ земли, даютъ струи живительной и горячей воды, такъ и бессознательно работающіе умы поражаютъ искренностію, задушевностію и цѣлительной свѣжестью или теплотою своихъ продуктовъ. Мы убѣждены, что ни одинъ вліятельный человѣкъ не обходится безъ услугъ со стороны бессознательнаго, которыя могутъ быть иногда незамѣченными, но часто оказываются весьма существенными. Въ справедливости этого положенія можно убѣдиться хотя бы изъ того, что такіе серьезные и вдумчивые писатели, какъ В. Джемсъ¹⁾, признавали бессознательное сферой религіи и, слѣд., склонны были приравнивать помощь со стороны этой сферы помощи Божества.

Если душа отъ природы снабжена значительной энергіей и располагаетъ, въ своей памяти, большимъ богатствомъ интеллектуальныхъ и эмотивныхъ образовъ, то, при достаточной проводимости ассоціативныхъ путей, она легко и скоро можетъ придти въ состояніе возбужденія; если это возбужденіе будетъ значительной силы, то оно, подобно водѣ, разрушающей сдерживающую плотину, прорветъ всѣ затворы и преграды и выльется наружу въ видѣ разнаго рода движеній и звуковъ и ихъ болѣе или менѣе сложныхъ сочетаній. Разнаго рода движенія и звуки какъ въ своей непосредственности, такъ и въ видѣ произведенныхъ ими матеріальныхъ предметовъ и явленій, должны быть названы символами: они суть слышимые, видимые и осязаемые знаки

1) Джемсъ В. Многообразіе религіознаго опыта. М. 1910 года, стр. 500 и слѣд.

невидимыхъ и неосязаемыхъ душевныхъ состояній, по которымъ другіе люди могутъ судить о томъ, что было въ душѣ породившихъ ихъ. Символы—это одѣянія психическихъ состояній, въ которыхъ они прогуливаются по свѣту, отыскивая сродную душу. Символы могутъ быть разными по степени легкости своего возникновенія, точности выраженія, простотѣ покроя, художественности отдѣлки и т. д. Достоинства и недостатки ихъ зависятъ отъ разныхъ причинъ, вліяющихъ на порождающую ихъ способность выраженія. Эта послѣдняя носитъ и другія названія—способности изображенія, воплощенія, экспрессіи. Для краткости условимся называть ее экспрессивностію. *Она является третьимъ элементарнымъ факторомъ вліятельности человека.* Экспрессивность человѣка зависитъ отъ многихъ причинъ, изъ которыхъ мы пока укажемъ три главнѣйшія: это—1) богатство душевной жизни, 2) сила возбудимости и 3) степень экспрессивной чуткости. Чѣмъ богаче душа въ интеллектуальномъ и эмоціональномъ отношеніяхъ, тѣмъ, очевидно, богаче и красочнѣе будетъ ея одежда. Эта мысль не требуетъ ни разъясненій, ни доказательствъ. Но зависимость экспрессивности отъ возбудимости требуетъ большаго вниманія. Давно сказано, что отъ избытка сердца уста глаголютъ, но не менѣе давно стало извѣстно и то, что иногда, при извѣстной степени возбужденія, даже нѣтъ силъ ни задержать свои слова, ни затормозить движенія, въ которыхъ хочеть излиться какое-ниб. чувство и образъ. Чѣмъ сильнѣе чувство и чѣмъ ярче образъ фантазіи, тѣмъ больше въ нихъ силы, способной опрокинуть преграды, затрудняющія имъ доступъ во внѣшній міръ. Признанія пророковъ, поэтовъ и художниковъ разнаго рода укрѣпляютъ насъ въ той мысли, что ихъ душа, возбужденная чувствами и идеями, иногда воплощаетъ ихъ такъ же произвольно, какъ яблоня родитъ яблоки, и такъ же неудержимо-стихійно, какъ вода разрываетъ плотину. Наиболѣе интересно въ этомъ отношеніи признаніе Фр. Ницше, изложенное имъ въ „Веселой наукѣ“ въ формѣ такого діалога: „Меня злитъ всякое писаніе и я стыжусь его; оно для меня неизбежное зло“.—Но зачѣмъ же ты въ такомъ случаѣ пишешь?—„По секрету сказать, любезнѣйшій, дѣло въ томъ, что я до сихъ поръ не нашелъ другого сред-

ства отдѣлаться отъ своихъ мыслей“.—Почему же ты хочешь отъ нихъ отдѣлаться?—„Да развѣ я хочу? Я долженъ!“¹⁾ Ту же мысль о необходимости отдѣлаться отъ мыслей и чувствъ путемъ ихъ выраженія во внѣ высказываетъ и Гете, когда говоритъ: „Я не сочинялъ и не высказывалъ того, что меня не мучило и не жгло“²⁾. Эта потребность освободиться отъ бремени мыслей и чувствованій является неудержимой не у однихъ гениевъ: и самые обыкновенные люди, какъ показываетъ латинская пословица—„*Dixi et animam levavi*“, испытываютъ ее въ тѣ минуты, когда у нихъ душа взволнована до самыхъ глубинъ своихъ. Вотъ при наличности такого неудержимаго возбужденія, рвущагося на просторъ, человѣкъ проявляетъ свойственную ему способность изображенія во всей своей силѣ, помимо своей воли и даже съ полной неожиданностью для себя. Онъ тогда самъ недоумѣваетъ, откуда и что берется у него, какъ недоумѣвали іудей-современники Саула, когда онъ началъ пророчествовать. Пользуясь другимъ библейскимъ сказаніемъ, можно утверждать, что иногда пророчествуютъ даже и ослицы. Изъ глубины души взволнованнаго человѣка поднимаются какія-то загадочныя силы, которыя предоставляютъ въ его распоряженіе богатый запасъ словъ и оборотовъ, оттѣнковъ голоса, мимическихъ и пантомимическихъ движеній, жестовъ и т. д. и т. д., и онъ пользуется ими съ быстротой и искусствомъ виртуоза. Физиологія и психологія снимаютъ завѣсу таинственности съ этихъ силъ, называя ихъ рефлексами и психо-рефлексами и дѣлая попытку перечислить ихъ и опредѣлить роль cadaго изъ нихъ въ дѣлѣ изображенія. Такъ ужъ устроенъ человѣкъ, что всякое сильное волненіе и каждый яркій образъ, подчиняя себѣ психорефлекторныя механизмы, выражается вовнѣ съ тою же произвольностью, съ какою поетъ соловей, кудахчетъ курица и квакаетъ лягушка. Отъ быстроты и точности этихъ психорефлексовъ, находящихся въ зависимости частію отъ природы, частію—отъ упражненія и всегда отъ состоянія тѣла и души въ данную минуту, и зависитъ способность экспрессіи по своимъ достоинствамъ. Анатомія идетъ дальше,

1) Взято у Евлахова. Гений—художникъ, какъ антиобщественность. Варшава. 1909 г. стр. 54.

2) Тамъ же, стр. 53.

указывая, что нервные центры, завѣдующіе тѣми или иными движеніями, достигаютъ высшаго развитія въ мозгу знаменитостей, напр., центръ рѣчи у ораторовъ.

Не отрицая значенія за соотвѣтствующими нервными центрами въ дѣлѣ экспрессіи, мы должны указать на ея зависимость отъ чуткости человѣка къ двигательнымъ ощущеніямъ разнаго рода. „Однимъ изъ примитивнѣйшихъ примѣровъ ея является, по словамъ Кершенштейнера, художественное гончарное производство, съ его гончарнымъ кругомъ... Въ то время, какъ гончарный кругъ, скорость котораго самымъ точнѣйшимъ образомъ регулируется ногой работника, равномерно вращается то съ большей, то съ меньшей быстротой, глиняная масса скользитъ между большимъ и остальными четырьмя пальцами руки. Повинуясь быстрой, какъ молнія, мысли, возникшей изъ неяснаго ощущенія, пальцы гончара стремятся не только придать возникающему тѣлу вращенія во всѣхъ частяхъ одинаковую толщину, но также сообщить ей художественную форму, зародившуюся сначала въ субъективно эстетическомъ ощущеніи и затѣмъ, по мѣрѣ того, какъ работа подходитъ къ концу, развивающагося во все болѣе ясныя представленія“¹⁾. Конечно, экспрессивная чуткость, какъ условіе искусства въ выраженіи, должна видоизмѣняться въ зависимости отъ способа и характера проявленій творческихъ образовъ и замысловъ во внѣ. Чуткости оратора къ двигательнымъ ощущеніямъ рѣчевыхъ органовъ соотвѣтствуетъ у скрипача чуткость къ движеніямъ пальцевъ, а у танцора—рукъ, туловища и главнымъ образомъ ногъ и т. д. Каждое искусство и ремесло ставитъ свои трудности въ дѣлѣ осуществленія замысловъ и проектовъ. Важно отмѣтить при этомъ то обстоятельство, что часто изобразитель, не довольствуясь преодоленіемъ естественныхъ трудностей, самъ создаетъ ихъ и даже нагромождаетъ одну на другую какъ бы для того, чтобы показать свою мощь и испытать радость преодоленія. Такъ, по словамъ К. Эрберга, „зодчій съ умысломъ пользуется болѣе тяжелымъ, громоздкимъ матеріаломъ для своихъ твореній, оставляя иногда части строительнаго матеріала его естественный внѣшній видъ,—напр., въ формѣ

1) Кершенштейнеръ. О характерѣ и его воспитаніи. Изд. газ. Шк. и Жизнь, 1913 г., стр. 40.

грузныхъ необработанныхъ гранитныхъ плитъ; этимъ онъ какъ бы подчеркиваетъ силу противника, съ которымъ пришлось ему бороться“ 1) и надъ которымъ удалось одержать побѣду. „Ваятель также пользуется для своей цѣли матеріаломъ болѣе хрупкимъ или, наоборотъ, болѣе твердымъ, стараясь высѣкать, рѣзать, выковывать изъ цѣльнаго куска“ 2). „Художникъ слова также усиливаетъ условности обычной человѣческой рѣчи и холодныхъ законовъ логики условностями стихосложенія (напр., форма сонета, октавъ, терцинъ) и съ такою легкостью и непринужденностію преодолеваетъ всѣ эти преграды, какъ будто бы ихъ и не было совсѣмъ“ 3).

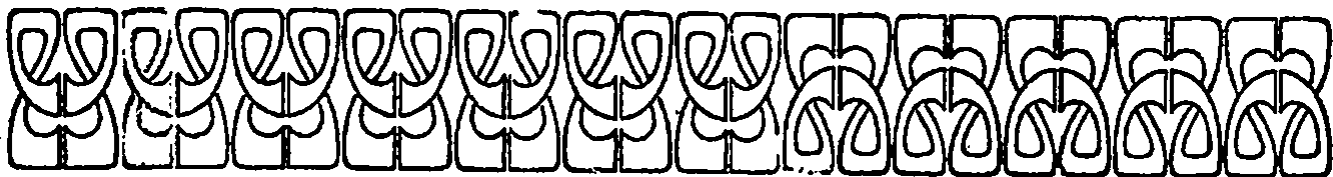
Мы указали факторы вліянія и описали механизмъ его, начиная съ зарожденія въ душѣ чувствъ и образовъ и кончая ихъ воплощеніемъ. *Чуткость—интеллектуальная и эмоціональная, возбудимость души и ея способность къ экспрессіи, на почвѣ энергичности и памятливости человека—вотъ сокращенное выраженіе всего вышеизложеннаго—по вопросу о факторахъ вліянія.* Но, описавши психо-физическій механизмъ, мы не познакомились еще съ самимъ механикомъ, пускающимъ машину въ ходъ и регулирующимъ ея работу. Роль механика въ этомъ дѣлѣ значитъ очень много: описанный нами механизмъ можетъ привести къ созданію продуктовъ самой различной цѣнности. Онъ можетъ дать намъ и милый лепетъ ребенка, и утомительную болтовню пустой свѣтской дамы, и бредъ сумасшедшаго, и зажигаемый монологъ страстнаго человѣка, и скучную лекцію какого-ниб. философа, и, наконецъ, перлъ художественнаго творчества. Все зависитъ отъ того, регулируется-ли чѣмъ-ниб. ходъ машины или нѣтъ, и если регулируется, то чѣмъ и какъ именно. Вопросъ этотъ приводитъ насъ въ сферу высшаго психизма, о которой не всегда любятъ говорить представители *психологии безъ души, справедливо называемой ея врагами психологіей микроскопической, или психологіей однихъ винтиковъ и колесиковъ.*

В. Тихомировъ.

1) К. Эрбергъ. Цѣль творчества. М. 1913 г., стр. 171.

2) Тамъ же, стр. 172.

3) Тамъ же, стр. 175—176.

Библіографія.

*Кожевниковъ В. Буддизмъ въ сравненіи съ христіанствомъ т. I и II,
(633—756 стр.).*

Сочиненіе представляетъ собою капитальный и цѣнный трудъ въ области богословской науки, дѣлающій въ одинаковой мѣрѣ честь какъ усердію, такъ и эрудиціи автора. Г. Кожевниковъ поставилъ себѣ высокую задачу—по первоисточникамъ изучить буддизмъ въ первоначальномъ его видѣ и въ позднѣйшей его исторіи. Ему нужно было преодолѣть при этомъ двѣ трудности: изучить первоисточники и войти, такъ сказать, въ духъ и настроеніе совершенно чуждаго народа, жившаго въ отдаленную отъ насъ эпоху. Какъ ни великъ трудъ одолѣнія огромнаго подлежащаго матеріала, онъ все же, по утверженію автора, уступаетъ первенство другой трудности,—усвоенію того своеобразнаго духовнаго настроенія, которое вызвало буддизмъ и опредѣлило его направленіе и судьбу; причина этого та, что настроеніе это совершенно отлично отъ преобладающаго европейскаго міровоззрѣнія и даже противоположно ему: „Пока остаешься въ области индусскаго міровоззрѣнія и жизнепониманія, говоритъ онъ, чувствуешь себя непрерывно какъ бы блуждающимъ въ какой то фантастической зачарованной странѣ“.—Авторъ нашъ имѣетъ въ виду познакомить читателя съ подлиннымъ буддизмомъ, а не съ тѣмъ, всегда болѣе или менѣе, намѣренно или безъ намѣренія, извращеннымъ, какимъ онъ является за послѣднее время въ популярно изложенныхъ книгахъ, касающихся необуддизма и теософіи. Это было первымъ и главнымъ побужденіемъ, заставившимъ его приняться за серьезное изученіе буддизма; вторымъ, добавочнымъ побужденіемъ, было желаніе доказать, по первоисточникамъ буддизма, какъ далеко онъ, отъ христіанства и какъ несправедливы и грубо ошибочны представленія о вліяніи буддизма на христіанство. Авторъ восполняетъ, такимъ образомъ, пробѣлъ въ нашей богословской литературѣ,

гдѣ опровергается мысль о генетической зависимости христіанства отъ буддизма, по преимуществу, путемъ разясненія однихъ и тѣхъ же, хорошо извѣстныхъ идей и тенденцій христіанства и мало обращается вниманія на сущность буддійскаго религіознаго ученія, особенно на его первоисточники.

Въ своемъ двухтомномъ трудѣ авторъ даетъ обзорѣніе матеріаловъ, положенныхъ въ его основу, а затѣмъ изображаетъ жизнь и легенду Будды, и даетъ очеркъ организаци, быта и духовной жизни созданной имъ общины. Онъ приписываетъ большое значеніе легендарнымъ сказаніямъ о Буддѣ, не безъ основанія утверждая, что если историческія свѣдѣнія о Буддѣ, (къ слову сказать, очень скудныя), нужны для опредѣленія буддизма, каковъ онъ былъ первоначально, то легендарныя черты нужны для уясненія его дальнѣйшей эволюціи, для того, чтобы понять, какимъ и почему именно такимъ онъ сталъ въ послѣдствіи. Особенное вниманіе свое г. К—овъ обращаетъ на исторію возникновенія и развитія буддійской общины и ея внѣшней и внутренней организаци, такъ какъ въ литературѣ о буддизмѣ, даже западной, эта сторона его оставалась, сравнительно, мало разработанною. Что касается генезиса, развитія и анализа ученія Будды и сравненія его основныхъ началъ и тенденцій съ христіанскимъ, то авторъ намъ обѣщаетъ помѣститъ ихъ въ третьей части своего труда, подготовляемой имъ къ печати.

Позволимъ себѣ познакомить своихъ читателей съ содержаніемъ двухъ томовъ разсматриваемаго труда подетальнѣе.—Въ введеніи къ своему изслѣдованію, (1—29), авторъ указываетъ на значеніе сравнительнаго изученія религій вообще и въ примѣненіи къ христіанству, а также отмѣчаетъ сближеніе буддизма съ христіанствомъ новѣйшею критикою и сочувствіе буддизму на западѣ. Затѣмъ рѣчь идетъ о священныхъ книгахъ буддизма: изображается ихъ исторія, составъ и характерныя черты (29—154 стр.). Въ слѣдующемъ отдѣлѣ о жизни и легендѣ Будды авторъ дѣлаетъ обзоръ источниковъ его жизнеописанія и легенды о немъ. Сообщаетъ историческія данныя о происхожденіи и рожденіи Готамо Будды и легендарныя сказанія о рожденіи Будды,—о предзнаменованіяхъ и пророчествахъ, имѣвшихъ отношеніе къ этому.

событію; о дѣтствѣ и юности, о домашней, школьной и брачной жизни Будды. Далѣе изображается духовный кризисъ въ жизни Будды, сопровождавшійся отказомъ его отъ свѣтской жизни и бѣгствомъ въ пустыню. Послѣднія главы первой книги посвящены изображенію аскетическаго періода въ жизни Будды, внутренней борьбы его, искушенія его духомъ зла—Марою и побѣды надъ нимъ (155—633 стр.). Второй томъ начинается изображеніемъ внутреннихъ переживаній Будды послѣ ночи просвѣщенія; далѣе сообщается о началѣ проповѣди его, о первыхъ ученикахъ и быстрыхъ успѣхахъ буддѣйской пропаганды 1—47. Слѣдующій громадный отдѣлъ 47—661 стр. посвященъ весьма обстоятельному изображенію буддѣйской монашеской общины, ея внѣшней и внутренней организаціи: говорится здѣсь объ отношеніи буддѣйской монашеской общины къ мірянамъ и мірянъ къ ней, объ отношеніи буддизма къ женщинѣ. Въ заключительной части (661—756 стр.) изображается позднѣйшая жизнь Будды и легенды, имѣющія отношеніе къ ней и дѣлаются общія замѣчанія о значеніи, жизни и дѣятельности Будды.

Уже изъ этого бѣглаго обзора разсматриваемаго труда видно, какъ богатъ онъ содержаніемъ и какъ широко и полно захватываетъ онъ и обозрѣваетъ свой предметъ. Мало того, авторъ дѣлаетъ иногда экскурсію въ область иныхъ вопросовъ—историческихъ, этнографическихъ и философскихъ, для того чтобы показать, на какой почвѣ, дѣйствіемъ какихъ факторовъ и подъ какими вліяніями создавалось міровоззрѣніе буддизма. Приступая, на примѣръ, къ изображенію школьной жизни Будды, авторъ нашъ дѣлаетъ очеркъ индусской системы воспитанія и обученія того времени, (ч. I, V, 6), говоря о философскихъ исканіяхъ Будды, знакомитъ читателя съ состояніемъ индусской философіи, современной Буддѣ и т. под. Говоря о жизни Готамо Будды, о предзнаменованіяхъ и пророчествахъ, имѣвшихъ отношеніе къ его рожденію, жизни его въ пустынѣ, искушеніяхъ въ пустыни злымъ духомъ—Марою и т. под., г. К—овъ разсматриваетъ параллельно евангельскія повѣствованія о такихъ же моментахъ въ жизни Христа, для того чтобы показать случайность этихъ совпаденій и совершенную самобытность христіанскаго религіознаго ученія. Эти довольно

частыя и продолжительныя отступленія отъ прямого предмета рѣчи, сообщая изслѣдованію солидную полноту и обстоятельность, вмѣстѣ съ тѣмъ лишаютъ его желательной послѣдовательности и планомѣрности и требуютъ отъ читателя не мало вниманія, для того чтобы онъ могъ надлежащимъ образомъ ориентироваться въ томъ матеріалѣ, который ему предлагается. Апологетическій элементъ изслѣдованія, та, сравнительно, незначительная часть его, гдѣ авторъ беретъ подъ свою защиту христіанское религіозное ученіе и доказываетъ случайность и несущественность сходства въ повѣствованіяхъ о личности Христа и Будды, можетъ быть окажется не для всѣхъ читателей достаточно и въ одинаковой мѣрѣ убѣдительною. Но это, повторяю, весьма незначительная часть изслѣдованія, авторъ останавливается на ней только мимоходомъ, (не забудемъ, что онъ обѣщаетъ рассмотреть буддійскаго религіознаго ученія и сравненію его съ христіанскимъ посвятить свой третій томъ), и она ничуть не лишаетъ почтенный трудъ г. К—ва его научной цѣнности. Интересующійся буддизмомъ съ большимъ интересомъ прочитаетъ его, много приобрѣтетъ о буддизмѣ цѣнныхъ знаній и многое изъ извѣстнаго ему прежде увидитъ въ новомъ освѣщеніи. Отъ души желаемъ автору широкаго распространенія его труда. Изданіе съ внѣшней стороны очень хорошее; цѣна книги почему то не обозначена.

П. Кр—въ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1917 г. НА ЖУРНАЛЬ

„ХРИСТИАНСКОЕ ЧТЕНІЕ“

издаваемый при ИМПЕРАТОРСКОЙ Петроградской Духовной Академіи.

Ежемесячный журналъ „ХРИСТИАНСКОЕ ЧТЕНІЕ“, старѣйшій изъ всѣхъ русскихъ духовныхъ журналовъ (основанъ въ 1821 году), является научнымъ органомъ Императорской Петроградской Духовной Академіи и въ 1917 году будетъ выходить по слѣдующей программѣ:

1) Творенія святыхъ Отцевъ Церкви и памятники древне-христіанской письменности въ русскомъ переводѣ по новѣйшимъ научнымъ изданіямъ ихъ текста.

2) Статьи богословскаго, философскаго и церковно-историческаго содержанія и вообще по предметамъ академическаго преподаванія, принадлежащія преимущественно профессорамъ Академіи.

3) Критическіе отзывы и библиографическія замѣтки и сообщенія о новыхъ произведеніяхъ богословско-философской и исторической литературы, русской и иностранной.

4) Сообщенія изъ жизни Императорской Петроградской Духовной Академіи.

5) Годичный отчетъ о состояніи Императорской Петроградской Духовной Академіи и журналы собраній ея Совѣта.

6) Лекціи проф. В. В. Болотова по древней церковной исторіи; въ 1917 году будетъ продолжено печатаніе „Исторіи догматическихъ споровъ въ эпоху вселенскихъ соборовъ“

Условія подписки.

Подписная цѣна на „Христіанское чтеніе“—ШЕСТЬ рублей въ годъ съ пересылкой, за границу—ВОСЕМЬ рублей.

Подписка принимается только на годъ. Разсрочка платежа не допускается.

Иногородные подписчики надписываютъ свои требованія такъ: въ Редакцію „Христіанскаго Чтенія“ въ Петроградѣ.

Подписывающіеся въ Петроградѣ обращаются въ контору Редакціи (Обводный каналъ, д. № 17, здание Духовной Академіи), гдѣ можно получать также отдѣльныя изданія Редакціи и гдѣ принимаются объявленія для печати.

Адресъ Редакціи: Петроградъ, Невскій проспектъ, д. 182, кв. 10.
Гг. КНИГОПРОДАВЦАМЪ и КОММИССИОНЕРАМЪ,

доставляющимъ подписку на „Христіанское Чтеніе“, дѣлается устука 30,0 съ подписной цѣны.

Объявленія печатаются только на послѣднихъ страницахъ „Христіанскаго чтенія“ по 40 рублей за страницу, 20 руб.—за 1/2 страницы и 10 руб.—за 1/4 страницы.

Коммисіонныя Конторы, доставившія объявленія, пользуются скидкой въ 20% и болѣе, смотря по суммѣ.

Редакторъ профессоръ Н. Сагарда.

Открыта подписка на 1917 годъ на двухнедѣльный журналъ

Церковь и Жизнь

(Второй годъ изданія).

Съ каждымъ годомъ въ русскомъ обществѣ замѣчается все большее оживленіе религиозныхъ интересовъ. Къ Церкви предъявляются новые запросы. Служеніе Евангелію становится шире, ответственнѣе и сложнѣе по мѣрѣ проникновенія христіанскихъ принциповъ въ области „мірской“ культуры. Сама церковная жизнь нуждается въ безпристрастномъ, свободномъ отъ партійной односторонности освѣщеніи вопросовъ современности на основѣ соборности, этого фундамента православія. Свѣтская мысль—и научная, и художественная—тѣсно соприкасается съ религиозными проблемами и требуетъ религиозной оцѣнки. Отвѣчая на эти запросы времени, „Церковь и Жизнь“ издается по слѣд. программѣ:

1. Вопросы вѣры въ связи съ жизнью и мыслью нашихъ дней.
2. Церковно-обществ. жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ.
3. Свѣтская жизнь въ религиозномъ освѣщеніи.
4. Вопросы религіи и Церкви въ свѣтской печати, въ частности—въ художественной литературѣ.
5. Вопросы современности въ духовной печати.
6. Хроника; корреспонденція.

Въ журналѣ принимаютъ участіе проф. прот. К. М. Аггеевъ, проф. И. Д. Андреевъ, проф. С. Н. Булгаковъ, проф. П. В. Верховскій, проф. В. З. Завитневичъ, проф. П. П. Кудрявцевъ, Н. Д. Кузнецовъ, А. В. Карташовъ, В. Н. Лашинюковъ, чл. Г. Д. И. В. Титовъ, Вас. Соколовъ (Credens), проф. В. И. Экземплярскій и др.

Подписная цѣна—4 руб. за годъ—2 р. 50 к. за полгода—50 к. за мѣсяцъ.

На иные сроки подписка не принимается.

Разсрочка—при подпискѣ 2 р.; къ 1 мая—2 рубля.

Отдѣльные номера 25 коп.

Адресъ редакціи—Петроградъ, Вас. Остр., 9 линія, д. 56, кв. 36.

Подписываться можно и чрезъ книжные магазины.

Редакторъ-издатель *Вас. Соколовъ.*

1917 г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

Годъ XXVIII

на журналъ

„Вопросы Философіи и Психологіи“

Изданіе московскаго психологическаго общества
при содѣйствіи

ПЕТРОГРАДСКАГО ФИЛОСОФСКАГО ОБЩЕСТВА

на 1917 г.

Условія подписки: на годъ (съ 1-го января 1917 г. по 1-е января 1918 г.) безъ доставки—8 руб., съ доставкой въ Москвѣ—8 руб. 50 к., съ пересылкой въ другіе города—9 руб., за границу—10 руб.

Учащіеся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, сельскіе учителя и сельскіе священники пользуются скидкой въ 2 руб. Подписка на льготныхъ условіяхъ принимается только въ конторѣ журнала, непосредственно или письменно.

Подписка, кромѣ книжныхъ магазиновъ: „Новаго Времени“ (Птр., Москва, Одесса и Харьковъ), Карбасникова (Птр., Москва, Варшава), Вольфа (Птр. и Москва), Оглоблина (Кіевъ),

ВЪ КОНТОРЪ ЖУРНАЛА:

Москва, Пречистенка, Полуэктовъ пер., д. 8, кв. 29.

Полные годовые экземпляры журнала за третій (№№ 10—14), четвертый (№№ 16—20), пятый (№№ 21—25), шестой (№№ 26—30), седьмой (№№ 31—35),—восьмой (№№ 36—40), десятый (№№ 46—50), одиннадцатый (№№ 51—55), двѣнадцатый (№№ 56—60), тринадцатый (№№ 61—65), четырнадцатый (№№ 66—70) по 2 руб. за годъ, шестнадцатый (№№ 76—80), семнадцатый (№№ 81—85), осмнадцатый (№№ 86—90), девятнадцатый (№№ 91—95), двадцатый (№№ 96—100), двадцать второй (№№ 106—110), двадцать третій (№№ 111—115) и двадцать четвертый годы по 3 руб. за каждый годъ. Экземпляры за 1898, 1904 и 1910 гг. всѣ распроданы; 1914—5 руб.; 1915 г.—7 р.; 1916 г.—7 р., пересылка по разстоянію. Подписчики на 1917 г. получаютъ журналъ, при выискѣ всѣхъ прежнихъ годовъ изданія сразу, по 2 руб. за годъ до 1914 г. включительно. Всѣ книги можно выписывать наложен. платежомъ, при чемъ взимается съ каждаго руб. по 2 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1917 ГОДЪ

на духовный журналъ

„СТРАННИКЪ“

(58-й годъ изданія)

съ бесплатнымъ приложеніемъ

Общедоступной Богословской Библіотекѣ.

Духовный журналъ „Странникъ“ будетъ издаваться въ 1917 году по прежней широкой программѣ, обнимающей весь кругъ движеній богословско-философской мысли и церковно-общественной жизни, интересамъ которой онъ неослабно служитъ въ теченіе болѣе полу столѣтія. При журналѣ, въ качествѣ бесплатнаго приложенія, издается „Общедоступная Богословская библіотека“ (издано уже 38 томовъ), имѣющая свою цѣль сдѣлать вполнѣ доступными для читателей лучшія и капитальнѣйшія произведенія русской и иностранной богословской литературы.

По отзыву одного обозрѣвателя современной духовной литературы „приложенія „Странника“ представляютъ собою то цѣнное и солидное, что надолго останется въ русской богословской наукѣ и будетъ необходимою настольною принадлежностью сельскаго и городского священника“.

Въ 1917 году всѣмъ подписчикамъ будутъ даны приложенія: 7-ой и 8-ой томъ извѣстнаго сочиненія проф. А. П. Лопухина: **Библейская исторія при свѣтѣ новѣйшихъ изслѣдованій и открытій.** (Изданіе второе).

Новые подписчики (впервые подписавшіеся на „Странникъ“) кромѣ того получаютъ при январьской книжкѣ, въ качествѣ бесплатнаго приложенія еще сочиненіе „Исторія христіанской церкви въ XIX вѣкѣ. Православный Востокъ“ (760 стр. текста и 93 иллюстрацій и портретовъ выдающихся церковныхъ дѣятелей). Сочиненіе это, въ отдѣльной продажѣ стоитъ 3 рубля.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Журналъ попрежнему будетъ выходить ежемѣсячно книжками въ 10—12 и болѣе печ. листовъ (до 200 стр. въ книжкѣ).

Цѣна: а) въ Россіи за журналъ „Странникъ“ съ приложеніемъ 2-хъ томовъ „Общедоступной Богословской Библиотеки“ 8 руб. съ пересылкой; б) за границей 11 руб. съ пересылкой.

Примѣчанія: а) Въ отдѣльной продажѣ для неподписчиковъ цѣна „Богословской Библиотеки“ 2 р. 50 к. за томъ безъ пересылки и 3 руб. съ пересылкой. б) Желающіе имѣть выпуски „Библиотеки“ въ изящномъ англійскомъ переплетѣ благоволятъ прилагать по 50 коп. за выпускъ. в) Новые подписчики, желающіе получить вышедшіе 6 томовъ „Библейской Исторіи“, прилагаютъ при выпискѣ всѣхъ по 1 р. 25 к. за томъ (въ переплетѣ 1 р. 75 к.), а при выпискѣ на выборъ по 1 р. 50 к. (въ переплетѣ по 2 р.).

Адресоваться: въ редакцію духовнаго журнала „Странникъ“
Петроградъ, Невскій пр., № 182.

Открыта подписка на 1916—17 годъ (8-й г. изд.).

БЮЛЛЕТЕНИ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ.

Двухнедѣльный журналъ новаго типа.

7 р. въ годъ за 24 №№.

Журналъ выходитъ два раза въ мѣсяцъ книжками въ 5 печат. лист. больш. формата. За годъ выйдетъ 24 №№ (около 2000 стр.). — „Бюллетени“ идутъ навстрѣчу потребностямъ той массы интел. читателей, которая лишена возможности близко и широко знакомиться съ текущей печатью. — Главная задача журнала — всесторонне отражать картину идейной, духовной жизни современности. — „Бюллетени“ — это коллективная литер. памятка наиболѣе выдающихся явленій и фактовъ, вопросовъ и задачъ современности.

Отзывы печати: Вѣст. Воспит.: „...Изданіе заслуживаетъ вниманія широкихъ круговъ читателей“... — Рус. Шк.: „Бюл.“ дѣлаютъ свое дѣло умѣло и живо“... — Ж. для Вс.: „Бюл.“ незамѣнимы, особенно въ провинціи“... — Рус. Вѣд.: „Бюлл.“ знакомятъ болѣе или менѣе обстоятельно съ выдающимися явл. соврем. жизни“... — Рус. Сл.: „Въ журн. зацѣплены вся литер. жизнь года“... — Утро Рос.: „Журн. заслуживаетъ особаго вниманія“... — Рад. Утро: „Самые широкіе круги читателей не могутъ не заинтересоваться „Бюл.““... — Совр. Сл.: „Задача журн. имѣетъ несомнѣнно культурно-популяризаторское значеніе“... Кроме того благоприятные отзывы о журналѣ даны въ „Голосѣ“, „Русской Молвѣ“, „Киев. М.“, „Нижегор. Лист.“, „Сибири“ и многихъ друг. изд.

Проспектъ журнала высылается бесплатно. Подписная цѣна: на годъ 7 р., 6 м. — 3 р. 50 к., 3 м. — 1 р. 75 к. За границу на годъ 8 р. Подписка приним. во всѣхъ книжн. магазинахъ и въ почт. учрежден. Имѣются полные комплекты „Бюл.“. Цѣна компл. за 1911-12 и 1912-13 гг. по 3 р. безъ перепл. и по 4 р. 75 к. въ перепл.; за 1913-14, 1914-15 гг. — 4 р. безъ перепл. и 5 р. 75 коп. въ перепл.; за 1915—16 г. — 5 р. безъ перепл. и 6 р. 75 к. въ переплетѣ. Пересылка по вѣсу и разстоянію. Переѣзна адреса 30 коп. Подписной годъ начинается съ 1-го сент.

Можно подписываться съ 1-го числа каждаго мѣсяца.

Контора и редакція: Москва, Хлѣбный пер., д. 1. Тел. 5-02-06.

Редакторъ В. Крандиевскій.

которое онъ проповѣдуетъ“¹⁾. Потому-то этотъ учитель Церкви даетъ такой совѣтъ *Летъ*: „ни въ тебѣ, ни въ отцѣ своемъ не должна она (Павла) видѣть ничего такого, чему подражая, она могла бы согрѣшить. Помните, что вы родители дѣвочки, и что вы можете учить ее болѣе примѣрами, чѣмъ словами“²⁾.

Но само по себѣ *личное* вліяніе, которае родители могутъ оказывать на дѣтей примѣромъ своей религіозности, еще не обезпечиваетъ правильной постановки религіознаго воспитанія ихъ. Справедливость этой мысли подтверждается тѣмъ наблюденіемъ, что нерѣдко дѣти, имѣющія однихъ и тѣхъ же родителей и пользующіяся однимъ и тѣмъ же воспитаніемъ, выходятъ весьма различными по своему религіозно-нравственному направленію, какъ это уже и испытала первая человѣческая чета въ лицѣ своихъ сыновей, Каина и Авеля. Въ данномъ случаѣ находятъ свое примѣненіе апостольское изреченіе: „насаждающій и поливающій есть ничто, а все Богъ возвращающій“ (1 Кор. 3, 7). Если же отъ человѣческаго воспитанія нельзя ожидать слишкомъ многого, то родителямъ, терпѣливо и безропотно переносящимъ всѣ труды по воспитанію своихъ дѣтей, остается одно: постоянно молить Бога, дабы Онъ Самъ возвращалъ ихъ въ „страхъ Своемъ“ (Пс. 18, 10; Ср. 126, 1), ограждалъ отъ зла и „уготовлялъ на всякое дѣло благое“ (2 Тим. 3, 17)³⁾. Другими словами, для поддержанія и развитія въ дѣтяхъ духовной жизни, наставшей для нихъ со времени крещенія, родители должны, съ первыхъ же дней существованія ихъ, обращаться и къ чисто *благодатнымъ* средствамъ христіанскаго воспитанія, которыя, въ своей совокупности, составляютъ какъ бы нѣкую спасительную вокругъ нихъ таинственную атмосферу. Сюда прежде всего относятся: частое поднесеніе ребенка къ иконѣ, благоговѣнное осѣненіе его крестнымъ знаменіемъ, которое есть „сила Божія во спасе-

¹⁾ „De doctrina christiana“, русскій перев. 1835 года, кн. IV, стр. 346.

²⁾ Творенія, ч. 3. Кіевъ, 1880 г., стр. 11. Ср. творенія *св. Іоанна Златоуста*, т. XI, кн. 2. Спб. 1905 г., стр. 687 и дал.; *св. Евфрема Сириня*. Увѣщательное слово къ Егип. монахамъ, сл. 14. „Христ. Чит.“. 1845 г., ч. 2, стр. 83; *Климентя Александрійскаго*. „Педагогъ“, кн. 3, гл. 8.

³⁾ См. объ этомъ *Rigler'a*. „Christl. Moral“ 1836, Th. III, § 602.

ніе всякому вѣрующему¹⁾, окропленіе его св. водою, окуреніе ладаномъ, осѣненіе крестомъ колыбели, пищи и всего прикасающагося къ нему, прикрѣпленіе къ колыбели иконы, благословеніе священника, приношеніе въ домъ иконы изъ церкви и совершеніе молебновъ. Все это и подобное чудеснымъ образомъ возгрѣваетъ и питаетъ духовно-благодатную жизнь дитяти²⁾. „Мать—христіанка, даже не получившая никакого научнаго образованія“,—говоритъ архіеп. *Амвросій*,—„становится учителемъ богопознанія для дитяти съ самаго его рожденія... Она наблюдаетъ, чтобы оно не оставалось ни на минуту безъ св. креста, возложеннаго на него при крещеніи; она призываетъ къ нему Ангела хранителя. Едва покажутся въ глазахъ дитяти первые признаки сознанія, едва начнетъ языкъ его намекать первыя слова,—она подноситъ его къ кивоту, осѣненному лампадою, и указывая на икону Спасителя, говоритъ ему: это Богъ!.. Отъ этого простаго приема происходитъ то, что многіе христіане не запомнятъ времени, съ котораго образъ Спасителя сталъ для нихъ любезнымъ“³⁾. Все это предъ взоромъ возрастающаго ребенка, *въ храмъ*, куда его часто *должны* носить или водить родители⁴⁾, развертывается въ полную картину священныхъ предметовъ и знаменій вѣры, производящихъ свойственное имъ впечатлѣніе на дѣтское сердце. „Кто можетъ объяснить эти впечатлѣнія?“—спрашиваетъ святитель Амвросій.—„По слову Спасителя:

1) „Съ самаго перваго возраста ограждайте дѣтей духовнымъ оружіемъ“,—наставляетъ родителей *св. Іоаннъ Златоустъ*,—„и научайте ихъ запечатлѣвать рукою чело, а прежде нежели они будутъ въ состояніи дѣлать это своею рукою, вы сами изображайте на нихъ крестъ“ (Творенія, т. X, кн. 1, Спб. 1904 г., стр. 122).

2) *Еп. Ѳеодфанъ*, „Путь къ спасенію“, М. 1894 г., стр. 26.

3) „О начальныхъ приемахъ христ. воспитанія“. Полн. собр. проповѣдей, т. II, Харьковъ, 1902 г., стр. 25.

4) „Глава жены—мужъ, помощница мужа—жена,—говоритъ *св. Іоаннъ Златоустъ*.—„Пусть-же ни глава не рѣшается безъ тѣла преступать церковныя пороги, ни тѣло безъ главы пусть не является, но весь человѣкъ пусть приходитъ сюда, *приводя съ собою и дѣтей*. Какъ пріятно видѣть дерево производящимъ отъ своего корня молодое растеніе, такъ еще болѣе пріятнѣе, даже пріятнѣй всякой маслины видѣть человѣка, подлѣ котораго стоитъ дитя, какъ бы молодое растеніе отъ его корня,—и не только пріятно, но и полезно“ (Бесѣды на разныя мѣста Свящ. Писанія, Т. 1, стр. 560, Спб. 1864 г.).

оставьте дѣтей идти ко Мнѣ и не возбраняйте имъ“ (Лук. 18, 16), по воспоминанію о томъ, что Онъ Самъ возлагалъ руки на нихъ, обнималъ и благословлялъ ихъ (Мрк. 10, 16),—христіанскіе родители вѣрятъ, что въ храмѣ дѣти получаютъ Божіе благословеніе, что здѣсь преимущественно всѣваются въ ихъ души сѣмена вѣры и благочестія“¹⁾. „Благолѣпіе храма и безмолвное предстояніе молящихся; обращенныхъ къ алтарю, священныя дѣйствія, отсутствіе предметовъ обыденной жизни, запрещеніе неблагоговѣйныхъ движеній, требованіе вниманія къ чему-то высшему, особенному,—„это“,—по словамъ того-же святителя,—„уроки благоговѣнія предъ Богомъ, которыхъ не замѣнитъ никакая краснорѣчивая рѣчь законоучителя“²⁾. Проникнутый убѣжденіемъ въ силѣ и благотворномъ на дѣтей вліяніи богослужебнаго культа, знаменитый архипастырь-проповѣдникъ поучаетъ: „предоставьте дѣтей въ религіи, прежде всего, созерцанію и силѣ впечатлѣній, *показывайте* имъ храмы и богослуженія, поставьте ихъ подъ вліяніе красоты церковной, въ благоговѣніи молящихся дайте имъ почувствовать невидимое присутствіе Божіе и вѣяніе Его благодати, и потомъ уже учите ихъ, и объясняйте имъ то, что они видѣли, испытали и уже полюбили“³⁾. Подобно тому, какъ зрѣніе и слухъ пробуждаются подъ вліяніемъ соответствующихъ слуховыхъ и зрительныхъ впечатлѣній, и религіозное чувство пробуждается молитвою и присутствіемъ при богослуженіи, особенно въ виду высоко-воспитательнаго значенія нашихъ церковныхъ обрядовъ.—„Правда“, пишетъ *Ушинскій*“,—„религія дѣйствуетъ на ребенка больше своими внѣшними формами, чѣмъ высокимъ внутреннимъ содержаніемъ, но если эти формы были созданы во времена величайшаго христіанскаго одушевленія, то понятно, что онѣ не могутъ оставаться безъ нравственнаго вліянія на душу человѣка. Обряды нашей религіи имѣютъ великое воспитательное значеніе, потому что они сами собою, безъ постороннихъ объясненій, обнимаютъ дѣтскую душу святымъ

¹⁾ Тамъ же, стр. 26.

²⁾ „О началахъ христ. воспитанія“. Тамъ же, стр. 169—170.

³⁾ „О лишеніяхъ, которымъ подвергаютъ себя пренебрегающіе церковными богослуженіями“. Полн. собр. проповѣдей, т. III. Харьковъ, 1902 г., стр. 217—218.

религіознымъ чувствомъ, настраиваютъ ее на торжественный возвышенный ладъ. Всякій, получившій чисто-русское воспитаніе, непременно отыщетъ въ душѣ своей глубокія, неизгладимыя впечатлѣнія множества церковныхъ пѣснопѣній и священныхъ дѣйствій“¹⁾. Особенно благотворно дѣятельное участіе дѣтей въ богослуженіи. „Чтеніе Свящ. Писанія и молитвъ, личное участіе въ пѣніи псалмовъ и гимновъ разовьютъ въ дѣтяхъ то благоговѣніе, о которомъ мы мечтаемъ для нихъ“²⁾.

Но самое важное благодатное средство, спасительно дѣйствующее на ребенка, безспорно есть возможно частое причащеніе его Св. Таинъ, которое „все въ немъ очищаетъ, омываетъ и укрѣпляетъ“³⁾. Хотя дитя еще не можетъ выражать своей вѣры въ Бога, которая требуется отъ христіанина для воспріятія благодатно-спасительнаго дѣйствія таинства св. причащенія, (какъ и всѣхъ другихъ таинствъ), однако дѣйствіе это несомнѣнно воспринимается его душою, и именно „за вѣру приносящихъ,, (Учит. Извѣстіе), т. е. личную вѣру дитяти замѣняетъ вѣра его родителей и воспріемниковъ. Приносящія своихъ дѣтей въ храмъ для причащенія св. Таинъ, матери нерѣдко замѣчаютъ, что въ тотъ день, когда причащается ребенокъ, онъ бываетъ погруженъ въ глубокій покой, безъ сильныхъ движеній всѣхъ естественныхъ потребностей, даже тѣхъ, которыя въ дѣтяхъ сильнѣе заявляютъ о себѣ. Иногда дитя исполняется „радостію“ и „взыграніемъ“ духа (ср. Лук. 1, 44), въ каковомъ состояніи готово всякаго обнимать, какъ своего. Нерѣдко причащеніе Св. Таинъ сопровождается и чудодѣйствіемъ. Св. Андрей Критскій въ дѣтствѣ долго не говорилъ. Когда сокрушенные родители принесли его въ храмъ для причащенія, то въ это время Господь благодатію Своею разрѣшилъ узы языка, потомъ напоившаго Церковь потоками сладкорѣчія и мудрости. „Одинъ докторъ“,—замѣчаетъ по этому поводу преосвящ. *Феофанъ*,—„по своимъ наблюденіямъ свидѣтельствовалъ, что въ большей части дѣтскихъ болѣзней совѣтовалъ носить дѣтей въ храмъ къ Св. Таинству причащенія, и очень рѣдко имѣлъ нужду упо-

1) Собр. сочиненій. Спб. 1875 г., стр. 267—270.

2) *Калк.* „Реформаторы воспитанія“ М., 1899 г., стр. 28.

3) 3-я молитва по причащеніи.

треблять послѣ медицинскія пособія“¹⁾. Св. отцы и учителя Церкви постоянно совѣтуютъ приобщать дѣтей св. Тѣла и Крови Христовой для поддержанія ихъ духовныхъ силъ²⁾.

Кромѣ положительныхъ средствъ религіозно-нравственнаго воспитанія (педагог. *управленія*) есть еще средства *отрицательныя* (дисциплина), къ которымъ нужно отнести, такъ называемыя, *награды* и *наказанія*.

Награды, по воззрѣнію св. отцевъ, должны состоять, по преимуществу, въ словесной похвалѣ дѣтей, за успѣшное исполненіе возлагаемыхъ на нихъ обязанностей, и въ поощреніе ихъ къ послушанію и къ большому преуспѣянію въ добрѣ³⁾. Надобно только остерегаться того, чтобы чрезъ употребленіе наградъ не возбудить въ дѣтяхъ честолюбія, гордости, тщеславія, своекорыстія, зависти и др. пороковъ, и стараться, о томъ, чтобы награды служили только приготовленіемъ къ высшимъ и благороднѣйшимъ побужденіямъ, такъ, чтобы, съ совершенствомъ возраста и образованія, можно было обходиться и безъ нихъ; дѣти мало по малу должны оставлять дѣтское и восходить къ мужеской самостоятельности (1 Кор. 13, 11).

Употребляя награды, необходимо въ извѣстныхъ случаяхъ примѣнять къ дѣтямъ при ихъ воспитаніи и *наказанія*. Въ тѣхъ, особенно, случаяхъ когда дѣти оказываютъ *непослушаніе*, ихъ надобно *понуждать* къ нему. „На кого похвала не дѣйствуетъ“,—говоритъ *Климентъ Александрійскій*,—„того понуждаетъ онъ (воспитатель) порицаніемъ“⁴⁾. Въ этомъ заключается *необходимость* наказанія. Древніе нравоучители настаивали, по преимуществу, на *строгости* воспитанія. Такъ еще Соломонъ писалъ: „Глупость привя-

¹⁾ „Путь ко спасенію“. М. 1894 г., стр. 25. Подобное же свидѣтельство принадлежитъ преосвящ. *Тихону*, въ мірѣ извѣстному врачу по дѣтскимъ болѣзнямъ *И. И. Оболенскому*. (См. его рѣчь предъ нареченіемъ во епископа Николаевскаго въ „Церк. Вѣдомостяхъ“ 1901 г., № 5, стр. 161—163).

²⁾ *Св. Кипріяна Кароленскаго*, о падшихъ. Творенія, ч. II. Изд. 2. Кіевъ, 1891 г., стр. 166—166); *бл. Августина*, De verb. Апост. 1. Tim. sermo CLXXIV, p. 580, t. 5, c. 7. Ср. Апост. постановленія, кн. VIII, гл. 12.

³⁾ *Св. Василія Великаго*, творенія, ч. V. Сер. Пос. 1892 г., стр. 122; *Климента Александрійскаго*, „Педагогъ“, к. 1, гл. 9, стр. 76; *Оригена*, „Contra Cels, lib. 3, p. 695.

⁴⁾ Педаг., кн. I, гл. 8, стр. 69.

залась къ сердцу юности; но исправительная розга удалитъ ее отъ него“ (Притч. 22, 15. Ср. 13, 25; 23, 13—14; 29, 17). Ученіе другого библейскаго мудреца болѣе строга. „Есть у тебя сыновья? учи ихъ, и съ юности нагибай шею ихъ“ (Сирах. 7, 25). „Кто любитъ своего сына, тотъ пусть чаще наказываетъ его... не смѣйся съ нимъ, чтобы не горевать съ нимъ, и послѣ не скрежетать зубами своими. Не давай ему воли въ юности, и не потворствуй неразумію его. Нагинай выю его въ юности, и сокрушай ребра его, доколѣ оно молодо, дабы сдѣлавшись упорнымъ, оно не вышло изъ повиновенія тебѣ“ (30, 1—12). И много подобныхъ правилъ воспитанія находимъ въ ветхозавѣтныхъ книгахъ. Смыслъ и значеніе этихъ правилъ, безъ сомнѣнія, преувеличиваютъ, когда хотятъ понимать ихъ почти буквально, забывая, что мысль въ приточной рѣчи, всегда отличающейся образностію и, такъ сказать, выпуклостію выраженій, получаетъ нерѣдко видъ нѣкотораго преувеличенія и односторонности сужденія¹⁾. Но тѣмъ не менѣе въ подзаконномъ челоуѣствѣ, отличавшемся жестокосердіемъ, лучшимъ воспитаніемъ считали дѣйствительно наиболѣе строгое и даже суровое. Евангеліе, которое вообще вмѣсто духа рабскаго страха предъ закономъ, господствовавшаго въ Ветхомъ Завѣтѣ, проникнуто новымъ благодатныхъ духомъ любви и свободы, и въ правилахъ воспитанія смягчаетъ древнюю строгость. Христіанское воспитаніе дѣтей должно совершаться въ духѣ евангельской кротости. *О характерѣ* обращенія, болѣе мягкаго, родителей съ дѣтьми ап. Павелъ, въ духѣ Новаго Завѣта, кратко замѣчаетъ такъ: „не раздражайте дѣтей своихъ... дабы они не унывали“ (Еф. 6, 4; Колос. 3, 21). *Не раздражайте чадъ своихъ*, какъ это дѣлаютъ многіе родители..., обращаясь съ ними жестоко, какъ съ рабами, а не какъ съ свободными“, — учитъ, вслѣдъ за апостоломъ, *св. Іоаннъ Златоустъ*²⁾. Излишняя строгость, не чуждая жестокости, или прямо жестокость дѣйствительно вредна, потому что производитъ въ дѣтяхъ *уныніе*, омрачая ихъ взглядъ на жизнь; расслабляя ихъ духъ, подавляя ихъ нравственныя силы и ожесточая ихъ сердца. Такъ какъ

¹⁾ Проф. прот. *Озоровъ*, „О христ. нравственности“. Кіевъ. 1879 г., стр. 96.

²⁾ Творенія. т. кн. 1. Спб. 1905 г., стр. 184.

ожесточенное сердце дитяти сжимается и, такъ сказать, закрывается для родителей, то родительское воспитаніе, вслѣдствіе этого, для него преждевременно прекращается.

Впрочемъ, по словамъ *св. Василя Великаго*, равный грѣхъ—и переступить мѣру въ наказаніяхъ и оставлять виновнаго безъ наказанія ¹⁾. Хотя неумѣренная строгость въ обращеніи родителей съ дѣтьми есть вредная крайность; но, въ виду необходимости обузданія въ дѣтяхъ врожденнаго и притомъ сознательнаго влеченія ко злу, не менѣе, а можетъ быть даже еще болѣе, вредна другая, противоположная крайность—исключеніе изъ воспитанія всякихъ, болѣе или менѣе строгихъ, мѣръ взысканія за ихъ проступки. „Благоразумная снисходительность должна быть“,—говоритъ по этому поводу *преосвящ. Теофанъ*,—но „поелику она граничитъ съ *поблажкою*, то строго должно смотрѣть за нею. Лучше нѣсколько передать на строгость, нежели на *поблажку*, ибо она день ото дня больше и больше оставляетъ неискорененнаго зла и даетъ расти опасности, а та отсѣкаетъ однажды навсегда или, по крайней мѣрѣ, на долго“ ²⁾. Вотъ что говоритъ о пользѣ наказанія *Климентъ Александрійскій*: „методъ *строгий* для правильности въ воспитаніи полезенъ; онъ имѣетъ значеніе необходимаго при воспитаніи вспомогательнаго средства. Многія изъ страстей искоренимы лишь при посредствѣ наказаній... Такъ, напр., порицаніе для страстей душевныхъ есть нѣкотораго рода *хирургическая операція*. Страсти суть гнойные наросты (на тѣлѣ): чрезъ порицаніе какъ бы чрезъ взрѣзаніе они бываютъ вскрываемы“ ³⁾. И въ самомъ словѣ Божіемъ Новаго Завѣта не исключается строгость воспитанія. Тотъ же апостоль, который предостерегаетъ родителей отъ суроваго обращенія съ дѣтьми, въ другомъ мѣстѣ пишетъ: „наслѣдникъ, доколѣ въ дѣтствѣ, нитѣмъ не отличается отъ раба, хотя и господинъ всего: онъ подчиненъ попечителямъ и домоправителямъ до срока, отцомъ назначеннаго“ (Гал. 4, 1—2). Здѣсь апостоль говоритъ уже о строгомъ воспитаніи, и не считаетъ его предосудитель-

1) Творенія, ч. VII. Серг. Пос. 1892, стр. 269.

2) „Начертаніе христ. нравоученія“. М. 1891 г., стр. 484.

3) „Педагогъ“, кн. 1, гл. 8, стр. 68 и дал.

нымъ. Это тѣмъ болѣе замѣчательно, что онъ почитаетъ наказанія, къ которымъ прибѣгаютъ родители въ нужныхъ случаяхъ, самымъ естественнымъ признакомъ родительской заботливости о нихъ, представляя, вмѣстѣ съ тѣмъ, такое воспитаніе образомъ того, какъ Богъ воспитываетъ человечество: Самъ „Господь“,—говоритъ онъ,—„кого любить, того наказываетъ..., если вы терпите наказаніе, то Богъ поступаетъ съ вами, какъ съ сынами. Ибо если ли какой сынъ, котораго бы не наказывалъ отецъ? Если же остаетесь безъ наказанія, которое всѣмъ обще, то вы незаконныя дѣти, а не сыны“ (Евр. 12, 6—8). „Поэтому,“—замѣчаетъ св. *Іоаннъ Златоустъ*,—„если не быть наказанными свойственно дѣтямъ незаконорожденнымъ, то нужно радоваться наказанію, какъ знаку истиннаго родства“¹⁾. И Самъ Духъ Св. говоритъ въ Откровеніи: „Кого Я люблю, тѣхъ обличаю и наказываю“ (Апок. 3, 19). Потому-то совершенно справедливо изреченіе св. Златоуста, что „наказанія, посылаемыя отъ Бога, суть скорѣе дѣйствія Его человеколюбія, чѣмъ наказанія“²⁾. И такъ, и въ христіанскомъ воспитаніи „безъ наказанія нельзя обходиться, но наказывать должна любовь“³⁾. „Эта любовь найдетъ тогда и надлежащую мѣру для наказанія, и сумѣетъ соблюсти въ немъ извѣстную мѣру“⁴⁾.

Уже въ виду сказаннаго едва-ли можно согласиться съ высказываемымъ въ послѣднее время взглядомъ, по которому наказанія вовсе не должны имѣть мѣста въ домашнемъ воспитаніи. Но несправедливость этого взгляда подтверждается и слѣдующими соображеніями относительно немаловажнаго значенія наказаній, какъ мѣры воспитательнаго воздѣйствія на дѣтей. Главный смыслъ наказанія, какъ воспитательнаго фактора, заключается въ томъ, чтобы *исправить виновнаго*⁵⁾, „пробудить въ немъ нравственное чувство“⁶⁾, дать новое, доброе направленіе его волѣ и такимъ путемъ излѣчить его отъ того или другого нравственнаго недуга. „Порицаніе (т. е. наказаніе)“,—пишетъ

¹⁾ Творенія, т. XII, кн. 1. Спб. 1906 г., стр. 242.

²⁾ Творенія, т. IV, кн. 1. Спб. 1898 г., стр. 258.

³⁾ *Мартенсенъ*. „Христ. ученіе о нравственности“, т. II, стр. 493.

⁴⁾ *Дютардтъ*. „Апология христіанства“. Перев. А. П. Лопухина. Спб. 1892 г., стр. 458.

⁵⁾ *Св. Василія Великаго*, твор. ч. 6. Изд. 1847 г., стр. 253.

⁶⁾ *Климентъ Александрийскій*. „Педагогъ“, кн. 1, гл. 9, стр. 79.

Климентъ Александрійскій,—„походить на лѣкарство, затвердѣлыя наросты страстей разжижающее и неприглядность нѣкоторыхъ сторонъ жизни отъ грязи очищающее; что заросло слишкомъ и обросло плотію высокомерія, то порицаніемъ выравнивается и смягчается; человекъ оно вновь оздоравливаетъ и обновляетъ“¹⁾. Но къ наказаніямъ дѣтей надобно прибѣгать не для одного только ихъ исправленія, но и въ цѣляхъ осуществленія идеи *правды*, по которой зло непремѣнно должно сопровождаться страданіемъ, какъ своимъ естественнымъ результатомъ. Хотя дѣти и не достигли полной степени самосознанія и свободы, при которыхъ только и можно говорить о настоящей вмѣняемости и отвѣтственности намѣреній и поступковъ, однакожь и не лишены вполне личнаго самоопредѣленія, въ силу котораго они являются дѣйствительными, хотя и не исключительными, виновниками своихъ дѣйствій. Отсюда въ извѣстной степени возможна рѣчь о наказаніяхъ дѣтей, какъ проявленіяхъ *справедливости*. Наконецъ, дѣтскія наказанія могутъ быть полезными, какъ средство *устрашенія*, преслѣдуя ту цѣль, чтобы извѣстныя дѣйствія, признаваемые дурными, впредь не повторялись. Яркое представленіе о наказаніи, уже испытанномъ, и страхъ наказанія могутъ побудить ребенка быть болѣе сдержаннымъ и осторожнымъ²⁾.

Итакъ, наказанія не должны быть изгоняемы изъ системы домашняго воспитанія. Надобно только помнить, что они, какъ отрицательныя лишь средства воспитанія, безъ положительныхъ средствъ одобренія и помощи воспитываемому, могутъ приносить скорѣе вредъ, чѣмъ пользу. Наказанія, чтобы быть чувствительными и потому дѣйствительными, должны примѣняться лишь изрѣдка, въ крайнихъ случаяхъ, и съ особеннымъ благоразуміемъ и осмотрительностію.

Всякое наказаніе ребенка должно быть, прежде всего, сообразно съ характеромъ провинившагося и съ его проступкомъ. „Педагогъ“,—пишетъ *Климентъ Александрій-*

¹⁾ „Педагогъ“, кн. 1, гл. 8, стр. 68—69.—И св. *Т. Златоустъ* сравниваетъ наказаніе „съ лѣкарствомъ отъ врача“. Творенія, т. 1, кн. 2. Спб. 1895 г., стр. 843.

²⁾ *П. В. Левитовъ*. „Наказаніе, какъ мѣра воспитательнаго воздѣйствія“. Екатеринбургъ, 1910 г. стр. 5—7.

скій,—„сообразуется въ наказаніяхъ съ особенностями каждаго человѣка; то бодеть употребляетъ онъ, то узду“¹⁾ Есть, напр., нѣжныя и деликатныя дѣти, по отношенію къ которымъ легкое замѣчаніе оказывается болѣе дѣйствительнымъ, чѣмъ въ примѣненіи къ дѣтямъ болѣе грубой организаци, самыя суровыя мѣры. Не менѣе важно при опредѣленіи рода наказанія сообразоваться и съ характеромъ дѣтскаго проступка. „Послѣ каждаго паденія (дѣтей),—говоритъ св. *Василій Великій*,—нужно „употреблять приличныя врачевства.... Напр.... коснулся ли кто не во время снѣдей? Пусть большую часть дня остается безъ пищи. Обличенъ ли кто, что вкушалъ пищу не въ мѣру, или неблагочинно? Пусть во время принятія пищи, отлученный отъ яствъ, принужденъ будетъ смотрѣть на другихъ вкушающихъ чинно, чтобы и наказанъ былъ воздержаніемъ и научился чинности. Произнесъ ли кто праздное слово, оскорбленіе ближнему, ложь или иное, что запрещенное? Пусть уцѣломудрится воздержаніемъ чрева и молчаніемъ“²⁾.

Далѣе, должно наказывать дѣтей всегда *справедливо*, соразмѣрно съ ихъ виновностію, безъ гнѣва, спокойно (Притч. 19, 28). Проступки дѣтей, какъ и взрослыхъ, должны быть опредѣляемы не по внѣшнему только виду ихъ, но, главнымъ образомъ, по тому ихъ внутреннему мотиву или побужденію, которымъ они вызваны. Чѣмъ больше дурного намѣренія, умысленной лжи, обмана и проч. проявилось въ извѣстномъ дѣтскомъ проступкѣ, тѣмъ болѣе строгимъ наказаніемъ онъ долженъ сопровождаться. Дѣйствія же, совершаемыя дѣтьми по легкомыслію, по излишней рѣзвости, по неосторожности и т. п., какъ бы ни были беспорядочны, некрасивы и вредны по своимъ объективнымъ результатамъ,—или вовсе не должны подлежать отвѣтственности или могутъ караться лишь въ слабой степени. Съ другой стороны, родители должны строго слѣдить за собою, чтобы случайное расположеніе ихъ духа не имѣло вліянія на характеръ наказанія дѣтей; иначе они могутъ быть несправедливыми къ своимъ дѣтямъ. Еще старинные педагоги рекомендовали воспитателю, находившемуся въ дурномъ настроеніи, прочитать молитву „Отче нашъ“, прежде чѣмъ подвергнуть виновнаго

²⁾ Творенія, ч. V, Серг. Пос. 1892 г., стр. 121.

наказанію. На вопросъ: „налагающему наказаніе съ какимъ расположеніемъ надобно дѣлать сіе?“ *св. Василій Великій* отвѣчаетъ: „въ отношеніи къ наказываемому съ расположеніемъ, какое принялъ бы отецъ и врачъ, съ состраданіемъ и сердоболіемъ искусно врачующій своего сына, особливо когда присоединяется скорбь и тяжелъ способъ врачеванія“. ¹⁾ Пусть дѣти видятъ, что ихъ благо дорого родителямъ, что они ихъ любятъ, а если наказываютъ, то изъ желанія имъ добра и по правдѣ, а не по произволу ²⁾.

Наконецъ, наказаніе не должно простирается до жестокости, сообщающей ему характеръ уже не воспитательной мѣры, а мести,—и до позорности, убивающей въ дѣтяхъ чувство чести. Жестокія наказанія, во всякомъ случаѣ предосудительныя и вредныя, въ отношеніи къ дѣтямъ—особенно преступны и пагубны, такъ какъ въ зависимости отъ темперамента дѣтей, развиваютъ въ нихъ или упрямство, или боязливость, или нравственную апатію. Не менѣе вредны позорныя наказанія (напр. стояніе столбомъ), которыя, когда имъ подвергаются дѣти, срамятъ ихъ предъ другими, притупляя въ нихъ чувство стыда или чести. Между тѣмъ правильное развитіе этого чувства есть надежный стражъ нравственной жизни, охраняющій ее отъ разныхъ искушеній порока. Поэтому съ чувствомъ стыда надобно обращаться съ особенною осторожностію, тѣмъ болѣе, что это чувство есть нѣжное и наиболѣе благородное произрастаніе на корнѣ нашей духовной жизни.

¹⁾ Творенія, ч. V. Серг. Пос. 1892 г., стр. 241.

²⁾ Дѣти инстинктивно чувствуютъ, съ какимъ душевнымъ расположеніемъ наказываютъ ихъ родители и соотвѣтственно этому относятся къ наказанію: или какъ къ необходимому, хотя и непріятному для нихъ, лѣкарству, или же какъ къ несправедливой карѣ, только озлобляющей ихъ и раздражающей противъ родителей. По словамъ *св. Василія Великаго*, наказаніе должно принимать съ такимъ расположеніемъ, „какое прилично больному и находящемуся въ опасности жизни, врачуемому отцемъ и врачомъ; сколько ни горекъ и ни мучителенъ способъ врачеванія,—съ полнымъ довѣріемъ къ любви и опытности наказующаго, и съ желаніемъ уврачеванія“ (Творенія, ч. V, стр. 264. Ср. 182).

Такъ какъ жестокость и позорность наказанія всего чаще имѣютъ мѣсто въ *тѣлесныхъ* наказаніяхъ ¹⁾ то, поэтому, не напрасно осуждаютъ такія наказанія при домашнемъ воспитаніи дѣтей ²⁾. Непосредственное чувство гадливости, соединяемое у всякаго образованнаго человѣка съ представленіемъ о грубомъ фѣзическомъ насиліи надъ дѣтьми (въ родѣ сѣченія розгой), предъ которымъ они чувствуютъ себя беззащитными, уже, само по себѣ, говоритъ противъ употребленія тѣлесныхъ наказаній. Къ сожалѣнію, едва-ли можно совершенно изгнать ихъ изъ домашняго воспитанія, такъ какъ здѣсь являются они иногда послѣднимъ средствомъ для обузданія въ дѣтяхъ злой воли. „Не должно“,—говоритъ преосвящ. *Феофанъ*,—„забывать смирительнаго и вмѣстѣ самаго дѣйствительнаго средства—*тѣлеснаго наказанія*. Душа образуется чрезъ тѣло. Бываетъ зло, коего нельзя изгнать изъ души безъ уязвленія тѣла. Отчего раны и большимъ полезны, тѣмъ паче малымъ“ ³⁾. Потому-то и нѣкоторые отцы и учителя Церкви, особенно же *св. І. Златоустъ*, считали допустимыми, въ цѣляхъ исправленія дѣтей, и тѣлесныя наказанія за ихъ упорныя проступки. „Бываютъ времена“,—пишетъ *Климентъ Александрійскій*,—„что на душу, дошедшую до безчувствія въ печали, нужно раны наложить, но не смертныя, а цѣлебныя, такъ какъ малая печаль предохраняетъ отъ вѣчной смерти“; но и тутъ „исходнымъ началомъ должно быть человѣколюбіе“ ⁴⁾.

„Но само собою разумѣется“,—пишетъ преосвящ. *Феофанъ*,—„что къ такому средству надо прибѣгать въ случаѣ нужды“ ⁵⁾ Родителямъ же раздражительнаго характера надобно рѣшительно воздерживаться отъ этихъ мѣръ испра-

1) Главная причина *позорности* тѣлеснаго наказанія заключается въ томъ, что оно, воздѣйствуя на низшую сторону человѣческой природы, тѣмъ самымъ какъ бы признаетъ ее неспособною къ болѣе тонкимъ психическимъ воздѣйствіямъ.

2) *Ц. В. Левитовъ*, цитир. соч., стр. 12—14.

3) „Начертаніе христ. правоученія“, М. 1891 г., стр. 484—485.

4) „Педагогъ“, кн. I, гл. 9, стр. 73—76.—См. подробности у *Н. Миролюбова*, „Систематич. изложеніе педагогич. воззрѣній свв. отцевъ и учителей Церкви“, „Вѣра и Разумъ“ 1900 г., № 21, стр. 600. Ср. *В. Попова*, „Ученіе св. І. Златоуста о воспитаніи дѣтей“, „Христ. Чит.“ 1897 г., ноябрь, стр. 350, прим. 8.

5) „Начертаніе“, цитир. мѣсто.

вления дѣтей; иначе они легко сдѣлаются у нихъ и жестокими, и позорными.

Въ заключеніе замѣтимъ, что ошибочно поступаютъ тѣ родители, которые послѣ наказанія ребенка продолжаютъ ему оказывать нерасположеніе, какъ бы карая его „дважды за едино“. Въ этомъ случаѣ впечатлѣніе отъ репрессивной мѣры исправленія ослабляется и даже совсѣмъ теряется. И чѣмъ чаще за наказаніемъ дитяти повторяется отчужденіе отъ него, какъ продолженіе кары для него, тѣмъ его сердце начинаетъ больше сжиматься и закрываться для родителей; а если сердце ребенка закрывается для отца и матери, то родительское воспитаніе для него прекращается. Напротивъ, если вслѣдъ за наказаніемъ дитя опять находитъ въ родителяхъ прежнюю ласку и нѣжность къ себѣ, то для него становится яснымъ, что его наказали не по какому-нибудь нерасположенію, а по необходимости, и онъ даже больше, чѣмъ прежде, почувствуетъ сладость родительской любви.¹⁾ Впрочемъ, если не слѣдуетъ отталкивать отъ себя наказаннаго ребенка, то не надо и, такъ сказать, замаливать предъ нимъ наказанія, какъ это иногда бываетъ. Пусть онъ чувствуетъ, что получилъ то, чего заслужилъ.

LXXII.

Обязанности дѣтей по отношенію къ родителямъ.—Обѣтованія награды въ пятой заповѣди за исполненіе ея и социальное значеніе этой заповѣди.—Родительское благословеніе.—Братья и сестры.—Родственники.—Господа и слуги.

Обязанностямъ родителей соотвѣтствуютъ *обязанности дѣтей*. Все, что требуется отъ дѣтей по отношенію къ родителямъ, сокращенно содержится въ словахъ пятой заповѣди закона Божія: „чти отца твоего и мать твою, да благо ти будетъ и да долголѣтенъ будеши на земли“ (Исх. 20, 12). Съ почтеніемъ дѣти взираютъ на своихъ родителей, авторитетъ которыхъ имѣетъ для нихъ отображеніе божественнаго авторитета. И это почтеніе осуществляется въ *послушаніи* и въ *благодарности*. Вотъ три главныя обязанности дѣтей въ отношеніи къ родителямъ.

¹⁾ Проф.-прот. Н. Оаворовъ. Цитир. соч. стр. 99.

Подъ общимъ наименованіемъ почтенія къ родителямъ, очевидно, надобно поимать не одно общее уваженіе, которымъ каждый обязанъ своему ближнему, но уваженіе и почтеніе особенное, заключающее въ себѣ и всѣ другія обязанности дѣтей. Сила пятой заповѣди, предписывающей обязанность почтенія къ родителямъ, особенно раскрывается изъ сравненія ея съ другою: „возлюбиши Господа Бога твоего“. „Какъ“,—спрашиваетъ *Филаретъ, митроп. Московскій*,—„отца почитать, а Бога любить? Мы обыкновенно любимъ то, что къ намъ ближе и намъ подобнѣе; а что выше насъ, то почитаемъ. По сему, кажется, свойственнѣе было бы требовать любви къ отцу и почитанія къ Богу. Нѣтъ, говоритъ божественный законъ: *чти отца, возлюбиши Бога*. Какъ-бы такъ сказано: отца любить тебѣ свойственно и безъ заповѣди, также и чтить Великаго Бога; заповѣдь учить тебя тому, что трудно было бы тебѣ разумѣть безъ нея; итакъ, отца не только люби по естеству, но и чти по волѣ Отца небеснаго, Бога не только чти по внушенію естества и совѣсти, но дерзай приступать къ Нему ближе, чего не дерзнулъ бы ты сдѣлать безъ благодатной заповѣди“.¹⁾ Такимъ образомъ, *чтитъ отца и мать* не означаетъ только любить, ибо любовь дѣтей къ родителямъ столь естественна, что не нуждается въ узаконеніи себя особою заповѣдью. Не о любви собственно идетъ рѣчь въ пятой заповѣди, а о признаніи за родителями *высшаго авторитета*. Любовь имѣетъ свой предметъ какъ бы только *вблизи* себя, а почитаніе—*надъ* собою. Значить, отцу съ матерью Самъ Богъ предоставилъ исключительную честь пользоваться не только любовію, но и особымъ уваженіемъ со стороны дѣтей.

Отсюда почитаніе родителей дѣтьми есть признаніе и выраженіе естественной ихъ во всемъ зависимости отъ родителей, въ какую они Самимъ Богомъ поставляются отъ виновниковъ своего бытія (Ср. Гал. 4, 1—2; Быт. 29, 9; Исх. 2, 16; Числ. 30, 4—6). По словамъ преосвящ. *Оеофана*, „много пріемлютъ дѣти отъ родителей. Отъ нихъ временная жизнь; отъ нихъ же основаніе, начало, способы и жизни вѣчной“.²⁾ Правда, „всякъ даръ спускается свыше“ (Іак. 1, 17), отъ

¹⁾ „Слова и рѣчи“, т. II. М. 1874 г., стр. 109.

²⁾ „Начертаніе христ. правоученія“. М. 1891 г., стр. 485.

Бога, но онъ ниспосылается дѣтямъ посредствомъ родителей, и поэтому первыя обязаны совершеннымъ почтеніемъ къ послѣднимъ. *Внутреннее* уваженіе дѣтей къ родителямъ проявляется въ различныхъ *внѣшнихъ* знакахъ высокой ихъ почтительности къ нимъ, какъ-то: въ словахъ, которыя говорятъ дѣти, въ совершаемыхъ ими поступкахъ, въ родѣ и тонѣ обращенія съ отцемъ и матерью, въ устремленномъ на нихъ взорѣ и во всемъ ихъ поведеніи. Противъ этой „первой заповѣди съ обѣтованіемъ“ (Ефес. 6, 2—3), предписывающей намъ почитать отца и мать, погрѣшаютъ дѣти, когда послѣднія презираютъ ихъ въ своемъ сердцѣ, позорятъ ихъ словомъ и дѣломъ, или стыдятся ихъ предъ другими. Слово Божіе неоднократно подтверждаетъ, насколько великъ грѣхъ непочтенія къ родителямъ. Въ законѣ Моисеевомъ опредѣленно сказано: „кто ударитъ отца своего, или мать свою“, или только „кто злословитъ отца своего или мать свою, того должно предать смерти“ (Исх. 21, 15—17. Ср. Лев. 20, 9; Втор. 21, 18—21). „Глазъ, насмѣхающійся надъ отцемъ и пренебрегающій покорностью къ матери“,—пишетъ Премудрый,—„выключутъ вороны дольные и сожрутъ птенцы орлины“ (Притч. 30, 17; Ср. 20, 20). Страхъ и трепеть объемлютъ душу при чтеніи этихъ, идущихъ изъ сѣдой древности, прещеній по адресу непочтительныхъ дѣтей. Но, тѣмъ не менѣе, подобными прещеніями она засвидѣтельствовала въ поученіе грядущимъ поколѣніямъ, свою необычайно высокую моральную зрѣлость и твердость, которую и имѣлъ въ виду Самъ Господь І. Христосъ въ извѣстномъ Своемъ толкованіи пятой заповѣди (Мѡ. 15, 1—6; Мрк. 7, 9—13).

Родителей надобно почитать *такими, каковы они въ дѣйствительности*, а не какими хотѣли бы видѣть ихъ дѣти. Не въ личныхъ только качествахъ родителей, не въ болѣе или менѣе видномъ ихъ общественномъ положеніи коренится право ихъ на почтеніе со стороны дѣтей, но, главнымъ образомъ, оно основывается *на волю Божіей*, „рѣшительно требующей, чтобы родители были почитаемы дѣтьми“, ¹⁾—на самомъ ихъ досточтимомъ званіи родителей, выше дарованномъ имъ. Пусть родители не блистаютъ

¹⁾ Св. І. Златоуста, твор., т. IV, кн. 2, Спб. 1898 г., стр. 748.

умственными дарованіями или положеніемъ въ обществѣ, а дѣти славятся своею образованностію, или достигаютъ со временемъ почетнаго общественнаго положенія,—все это, однакожь, не даетъ имъ никакого права относится къ своимъ родителямъ съ меньшею почтительностію; потому что отецъ и мать навсегда остаются для нихъ въ своемъ природномъ состояніи, и смѣемъ думать, даже самая вѣчность не только не уничтожитъ богоустановленныхъ между родителями и дѣтьми отношеній (Ср. Ефес. 5, 32), а только еще болѣе одухотворитъ ихъ и возвыситъ.

Дѣти не должны позволять себѣ никакихъ грубыхъ и укориженныхъ словъ въ отношеніи къ родителямъ, всегда должны обходиться съ ними почтительно и не терять къ нимъ уваженія, хотя бы даже они имѣли какіе-нибудь недостатки, душевные или тѣлесные. „Хотя бы отецъ и оскудѣлъ разумомъ, имѣй снисхожденіе и не пренебрегай имъ при полнотѣ силы твоей“ (Сир. 3, 13). Спаситель не имѣлъ грѣха, плотскіе же Его родительница и питатель были не безгрѣшны, однако это не помѣшало Ему. почитать ихъ (Лук. 2, 51) и, надо полагать, также и за это пользоваться „любовью Бога и людей“ (ст. 52). Опасное заблужденіе—почтительность поставлять въ зависимость отъ нравственныхъ, только качествъ носителей извѣстныхъ достоинствъ и, въ злобномъ недовольствѣ нравственной стороной ихъ жизни, отказывать въ уваженіи къ занимаемому ими служебному положенію! Роковыя послѣдствія этой „переоцѣнки всѣхъ цѣнностей“ неисчислимы. Вѣчно поучительнымъ урокомъ для дѣтей должно оставаться извѣстное событіе изъ жизни патриарха Ноя, надъ которымъ, по случаю неосторожнаго опьяненія его, позволилъ себѣ поглумиться одинъ изъ его сыновей. На всемъ потомствѣ Хама тяготѣетъ „проклятіе“, какъ слѣдствіе его преступленія, и имя его осталось на всѣ вѣка и роды нарицательнымъ именемъ непочтительнаго сына (Быт. 9, 19—27).

Замѣчательны и несравненны по своей моральной красотѣ и силѣ *библейскіе примѣры* высокаго до самоотверженія почитанія дѣтьми своихъ родителей. Нельзя безъ слеаъ умиленія читать повѣствованія св. Библии о сыновней почтительности, напр. патриарховъ Исаака (Быт. 22 гл.), Иосифа (Быт. 37, 46—50 гл.) и др. Примѣръ же чистѣйшей

любви и самоотверженной преданности Руэи не къ матери родной своей, а лишь къ свекрови (Руэъ 1, 16—17; 4, 15), тѣмъ болѣе замѣчательнъ, что взятъ не изъ Божьяго „виноградника“, а какъ бы случайно возросъ на „дикихъ“ (ср. Рим. 11, 17) поляхъ Моавитскихъ. Впрочемъ, и „въ“ *современной языческой* „тѣмъ свѣтитъ“ благодатный „свѣтъ“ (Іоан. 1, 5) благоговѣйнаго отношенія дѣтей къ своимъ родителямъ, какъ это извѣстно, напр., о *китайцахъ*¹⁾ и *индусахъ*.²⁾ Не говоримъ уже о христіанской семьѣ, весьма богатой досто-почтенными образцами почитанія родителей дѣтьми.

Непосредственнымъ слѣдствіемъ почительности дѣтей къ родителямъ является *послушаніе* или покорность ихъ родителямъ. Почтеніе содержитъ въ себѣ большее по сравненію съ повиновеніемъ. И дѣйствительно, бываетъ послушаніе безъ любви и почтенія; вѣдь, слушаются своего господина не только рабы, но даже и животныя. Внѣшнее повиновеніе, безъ внутренняго расположенія, вынужденное и насильственное, негодно Богу. Только *всецѣлое*, полное послушаніе дѣтей родителямъ „благоугодно Господу“ (Колос. 3, 20). Долгъ дѣтскаго послушанія соотвѣтствуетъ родительскому авторитету и простирается на все, что относится къ воспитанію и порядку въ домѣ. Въ выборѣ жизненнаго призванія дѣти не обязаны родителямъ послушаніемъ, ибо этотъ выборъ не относится къ воспитанію, хотя и предполагаетъ его. Но житейская мудрость и любовь требуютъ, по большей части, чтобы дѣти слушались совѣта родителей и слѣдовали ихъ законнымъ желаніямъ.³⁾

„Дѣти“,—взываетъ ап. Павелъ,—„повинуйтесь своимъ родителямъ въ Господѣ; ибо сего требуетъ справедливость“ (Ефес. 6, 1). Немного требуется отъ малыхъ дѣтей, а только то, къ чему располагаются они *природнымъ* чувствомъ подчиненія отцу и матери, которымъ всецѣло преданы. Значитъ, *справедливо* и по самой *природѣ* повиноваться родителямъ, но есть еще высшее основаніе для этого повиновенія. Пока

¹⁾ См. Lechler, Miss.—Mag. 1888, s. 116. Ср. P. Wurm, „Handbuch der Religions—geschichte“, Stuttgart, 1904, s. 131; Вл. Соловьевъ, т. VI, стр. 90, 117.

²⁾ Robson, „Hindiasm and its relations to Christianity“. Edinb. 1874, p. 121.

³⁾ Cathrein, „Die katholische Weltanschauung“, s. 434.

дѣти въ подчиненіи родителямъ своимъ слѣдуютъ одному *естественному* чувству зависимости отъ нихъ, подчиненіе ихъ не имѣетъ еще особенной нравственной цѣны и не ограждено отъ превращенія въ противоположное настроеніе, какъ это наблюдается уже въ раннихъ дѣтскихъ капризахъ. Поэтому съ возрастомъ дѣтей, по мѣрѣ развитія въ нихъ ума и воли, послушаніе ихъ родителямъ должно переходить изъ *инстинктивнаго* въ разумное и свободное, т. е. въ чисто-нравственное. На этого рода послушаніе и указываетъ апостольское изреченіе: повинуйтесь *въ Господь*, т. е. повинуйтесь, руководясь сознаніемъ, что этого требуетъ воля Господня или порядокъ семейныхъ отношеній, установленный Богомъ,—что родителямъ надлежитъ власть надъ дѣтьми не по праву сильнаго, а по установленію божественному.¹⁾

Но указаніе *на Господа* въ заповѣди ап. Павла о послушаніи родителямъ не только утверждаетъ справедливость такого послушанія, но и ограничиваетъ его, напоминая слова Господни: „кто любитъ отца или мать болѣе, нежели Меня, не достоинъ Меня“ (Мѣ. 10, 37). Ап. Павелъ, по словамъ *св. І. Златоуста*, „велитъ повиноваться родителямъ только въ томъ, что не противно благочестію... Когда же они потребуютъ болѣе надлежащаго, не должно имъ повиноваться. Потому и у св. Луки говорится: „аще кто грядеть ко Мнѣ, и не возненавидитъ отца своего и мать, и жену, и чадъ, и братіи, еще же и душу свою, не можетъ Мой быти ученикъ“ (Лук. 14, 26). Повелѣваетъ не просто возненавидѣть, потому что это совершенно противозаконно; но если кто изъ нихъ захочетъ, чтобы ты любилъ его болѣе, нежели Меня, въ такомъ случаѣ возненавидь его за это. Такая любовь и любимаго, и любящаго губить“.²⁾ Обязанность повиновенія родителямъ перестаетъ быть таковою въ томъ именно случаѣ, когда родительскія требованія ясно противорѣчатъ высшимъ и священнѣйшимъ обязанностямъ къ Богу, вовлекаютъ въ дѣла, противныя вѣрѣ или закону Божію, разрушающія миръ совѣсти, противныя истинному благу и спасенію бессмертной души. Если бы родители потребовали отъ дѣтей чего-нибудь,

¹⁾ Проф.-прот. *Н. Саворозъ*, цитир. соч., стр. 101—102.

²⁾ Творенія, т. VII, кн. I. Спб. 1901 г., стр. 388. Ср. т. VIII, кн. I, стр. 139.

явно противнаго заповѣдямъ Божиимъ, то повиновеніе имъ въ такомъ случаѣ было бы, безъ сомнѣнія, не *въ Господь*, и дѣтямъ не только предоставлялась бы возможность, но и вмѣнялось въ обязанность, нисколько не оскорбляя родительскихъ чувствъ, помнить мудрый совѣтъ апостоловъ синедриону: „справедливо ли предъ Богомъ слушать васъ болѣе, нежели Бога?“ (Дѣян. 4, 19).

Но, чтобы не сдѣлать изъ этого ограниченія заповѣди о повиновеніи родителямъ прикрытія для своеволія и упрямства, надобно, для ссылки на Всеправеднаго Судію, напередъ слышать въ совѣсти своей Его повелительный голосъ. Принимаемая на себя дѣтьми отвѣтственность, въ случаѣ уклоненія ихъ отъ исполненія прогивозаконнаго требованія своихъ родителей, чрезвычайно велика и опасна. Такъ, напр., превосходящая женскую дружеская любовь Іонаана, сына царя Саула, къ Давиду (2 Цар. 1, 26), въ связи съ тревожными обстоятельствами ихъ жизни и съ предпочтеніемъ вдохновеннаго Духомъ Божиимъ друга одержимому злымъ духомъ отцу, уполномочивала царственнаго сына на особые отношенія къ своему другу. Но, какъ ни ужасенъ былъ въ своемъ злобномъ бѣснованіи Саулъ, сынъ его Іонаанъ, всетаки раздѣлилъ съ отцемъ трагическую кончину на полѣ брани: „Саулъ и Іонаанъ“,—какъ оплакивалъ ихъ Давидъ, —„не разлучились и въ смерти своей“ (—ст. 23). Совсѣмъ иначе обстояло дѣло съ измѣнникомъ, мятежнымъ сыномъ царя Давида, Авессаломомъ, задумавшимъ, хотя бы цѣною жизни царственнаго отца, добиться его престола (2 Цар. 17 гл.). „Злоба Авессалома“,—говоритъ св. *Іоаннъ Златоустъ*,— „не достигла цѣли, чтобы отцеубійцы не приняли его поступка за правило отцеубійства; но, послуживъ, какъ исполнитель наказанія, онъ самъ убитъ, какъ осужденный (2 Цар. 18. 14)“.¹⁾

Въ цѣляхъ *практическаго* осуществленія возможности избѣжать злоупотребленія апостольскимъ ограниченіемъ заповѣди о послушаніи родителямъ, моралисты предлагаютъ, между прочимъ, слѣдующія правила. Прежде всего, дѣти должны относиться къ родительскимъ требованіямъ со всею искренностію и простотою, не только *не выискивая* въ нихъ

¹⁾ Творенія, т. V, Спб. 1899 г., стр. 9. Ср. Св. Василия Великаго, творенія. М. 1845 г., стр. 199.

чего-либо несправедливаго, но и вообще не подвергая ихъ критикѣ, если нѣтъ къ тому *явнаго* повода; въ противномъ случаѣ это указывало бы въ дѣтяхъ на *скрытое* нежеланіе ихъ подчиняться своимъ родителямъ. По поводу тѣхъ или другихъ требованій родителей, дѣти, конечно, могутъ высказывать свои *недоумѣнія*, если таковыя возникаютъ въ нихъ *совершенно естественно*,—и благоразумные родители не должны *гнѣваться* на нихъ за это и *огорчаться* этимъ ¹⁾; но если и послѣ этого родители продолжаютъ настаивать на своихъ требованіяхъ, то дѣти обязаны непрекословно подчиниться имъ. Далѣе. Когда дѣти ясно сознаютъ, что родители требуютъ отъ нихъ чего-нибудь противнаго закону Господню, то и въ этомъ случаѣ отказъ ихъ отъ исполненія требуемаго не долженъ быть рѣзко—протестующимъ, негодующимъ, а долженъ быть проникнутъ чувствомъ скорби и молитвеннымъ желаніемъ во что бы то ни стало предотвратить печальную необходимость поступить вопреки родительской волѣ. Наконецъ, и не исполняя въ извѣстномъ, исключительномъ случаѣ требованія своихъ родителей, дѣти должны повиноваться имъ охотно во всѣхъ другихъ случаяхъ, исполняя всякое другое, непротивное заповѣдямъ Божиимъ, требованіе ихъ.²⁾

Воспитаніе имѣетъ своею цѣлью приводить дѣтей отъ несовершеннолѣтія къ совершеннолѣтію или зрѣлости, и когда наступаетъ эта послѣдняя, когда дѣти оставляютъ отчій домъ и сами обзаводятся своими собственными семействами, то уже, естественно, прекращается то отношеніе послушанія, въ которомъ дѣти вообще стоятъ къ родителямъ. Но зато обязанность почтенія и близко родственной съ нимъ *благодарности* чрезъ это нисколько не прекращается ни въ какую пору ихъ жизни; потому-что она не стоитъ въ зависимости отъ цѣли воспитанія, а обуславливается самимъ существомъ отношеніяго, творенъ родителямъ.³⁾ Долгъ благодарности къ родителямъ въ дѣтяхъ даже и тогда, когда время послушанія уступить мѣсто самостоя-

¹⁾ Св. Васили

стр. 258.

¹⁾ Св. Василия Великаго, творен., ч. VII. Серг. Пос. 1892 года стр. 258.

²⁾ Проф. прот. Н. Сахаровъ, цитир., соч. стр. 103

³⁾ *Cathrein*, s. 434.

тельности, и даже гдѣ не оказывается возможности для проявленія благодарности, тамъ все таки остается у нихъ благодарное воспоминаніе.

Хотя благодарность къ родителямъ составляетъ одинъ изъ видовъ почитанія ихъ, однакожъ, нельзя отождествлять первой съ послѣднимъ. Обѣ добродѣтели, безъ сомнѣнія, основываются на какомъ-либо, полученномъ отъ другихъ, благодарѣніи. Если благодарность нерѣдко проистекаетъ изъ совершенно случайнаго соприкосновенія одной личности съ другою, то почитаніе всегда возникаетъ на почвѣ болѣе или менѣе продолжительнаго и существеннаго соотношенія между людьми. Отсюда благодарность *ниже* почитанія; послѣднее иногда возвышается до степени *благодарности*. Справедливо, поэтому, сыновняя почитательность называется *благодарностіемъ* (piété).¹⁾ И въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ человѣкъ, не почитающій отца, котораго онъ видитъ, будетъ почитать Отца Небеснаго, Котораго не видитъ (Ср. 1 Іоан. 4, 20)?

Долгъ благодарности проистекаетъ изъ сердечныхъ отношеній дѣтей къ своимъ родителямъ и изъ признанія безчисленныхъ благодарѣній, полученныхъ ими отъ послѣднихъ. Благодарность къ родителямъ, состоитъ въ томъ, чтобы оберегать ихъ отъ всякаго зла и приходить имъ на помощь въ ихъ нуждахъ по мѣрѣ своихъ силъ,—что у ап. Павла называется „воздаяніемъ“ имъ „должнаго“ (1 Тим. 5, 4). т. е. какъ бы уплатою справедливаго долга, образовавшагося изъ прежнихъ попеченій родителей о своихъ дѣтяхъ. „Всѣмъ сердцемъ почитай отца“,—наставляетъ древній благочестивый мудрецъ,—„и не забывай родильныхъ болѣзней матери твоей. Помни, что ты рожденъ отъ нихъ; и что можешь ты воздать имъ, какъ они тебѣ?“ (Сир. 7, 29—30). Самъ Господь внушаетъ намъ долгъ благодарности къ родителямъ. Онъ строго обличаетъ книжниковъ и фарисеевъ за небреженіе объ этой обязанности (Мѡ. 15, 4—9; Мрк. 7, 6—13). Онъ научаетъ насъ этому и собственнымъ примѣромъ. Начиная съ ранняго дѣтства Своей земной жизни, Онъ питалъ особенно нѣжную благодарную любовь къ Своей Матери (Лук. 2, 51). И, наконецъ, когда страданія крестныя разди-

¹⁾ Е. Прессансе, „Христіанская семья“. Перев. Н. И. Барсова, Изд. 2. М., 1910 г., стр. 87.

рали душу и тѣло Спасителя, когда пронзенными членами Своего тѣла такъ тяжело висѣлъ Онъ на гвоздяхъ между жизнью и смертію, а на Немъ цѣлый міръ висѣлъ надъ погибелью въ ожиданіи спасенія, ни муки всего ада, ни попеченія всего міра, всѣхъ временъ и вѣчности, не заглушили въ Немъ чувства законной обязанности къ Матери. „Сію обязанность, которой исполненіе пресѣкалось для Него вмѣстѣ съ земною жизнью, Онъ передалъ тогда Іоанну, котораго дѣвство и любовь сдѣлали достойнымъ служителемъ Дѣвы—Маріи; а чрезъ то и въ сей части закона, подобно какъ во всѣхъ другихъ, показалъ намъ совершенство, состоящее въ томъ, чтобы почтеніе къ родителямъ и попеченіе о нихъ простиралось на всѣ обстоятельства жизни, до гроба и далѣе гроба“.¹⁾ Благодарности къ родителямъ требуютъ отъ дѣтей и св. отцы Церкви. „Первое доблестное дѣло христіанскаго благочестія“,—пишетъ св. *Кирилль Іерусалимскій*,—„почитать родителей, вознаграждать труды родившихъ насъ и всѣми силами доставлять имъ успокоеніе. Сколько бы мы ни воздали имъ, не можемъ, однакоже, рожденіемъ воздать за рожденіе. И они, успокоенные нами, да подкрѣпятъ насъ благословеніями“.²⁾ Эти же мысли высказываются св. *І. Златоустомъ*: „дитя, повинуйся родившимъ тебя, какъ слуга господину. Вѣдь, чѣмъ ты можешь воздать за то, что они дали тебѣ? Тебѣ нельзя, въ свою очередь, родить ихъ“.³⁾ Отцы *Гарнгерскаго* собора предають даже отлученію тѣхъ, которые, подъ предлогомъ благочестія, не оказываютъ родителямъ подобающей имъ чести, часть которой составляетъ и сыновнее попеченіе о нихъ въ ихъ нуждахъ.⁴⁾

Въ особенномъ попеченіи дѣтей могутъ нуждаться родители, достигшіе почтенной старости, когда они сами становятся слабыми и безпомощными, какъ дѣти. Здѣсь-то въ особенности дѣти имѣють возможность на самомъ дѣлѣ воздать отцу и матери за добро добромъ, за любовь любовью.

¹⁾ *Филарета*, митроп. Москов. „Слова рѣчи“, т. III. М., 1877 г., стр. 112.

²⁾ Творенія, кн. I. Изд. ж. „Русскій Паломникъ“, за 1913 г., стр. 95.

³⁾ Творенія, т. XII, стр. 720. Спб. 1906 г.

⁴⁾ Правила св. помѣст. соборовъ съ толкованіями. Изд. Моск. общ. люб. дух. просвѣщенія. М. 1880 г., стр. 124—125.

вью. Они должны радоваться, если могут вознаградить хоть чѣмъ нибудь заботы и труды, понесенные для нихъ родителями при ихъ воспитаніи. „Сладкій и спасительный долгъ“,—пишетъ *преосвящ. Теофанъ*,—„упокоеніе родителей престарѣлыхъ. Тутъ питается пространно благодарная любовь“¹⁾ Священный долгъ дѣтей—облегчать для нихъ бремя и недуги, неразлучные съ преклонными лѣтами, и терпѣливо переносить ихъ немощи. „Сынъ!“—взываетъ Іисусъ Сираховъ,—„прими отца твоего въ старости его, и не огорчай его въ жизни его... Оставляющій отца—то же, что богохульникъ, и проклятъ отъ Господа, раздражающій мать свою“ (Сир. 3, 12, 16). *Св. Василій Великій* въ своемъ „Шестодневѣ“ заимствуетъ примѣръ исполненія пятой заповѣди даже изъ бессознательной природы. „Заботливость буселей (перелетныхъ птицъ) о состарѣвшихся (родителяхъ) достаточна къ тому, чтобы и нашихъ дѣтей, если только захотятъ внимать сему, сдѣлать отцелюбивыми. Ибо, конечно, нѣтъ человѣка столь скуднаго благоразуміемъ, чтобы не почелъ онъ себя за стыдъ быть въ добродѣтели ниже бессловесныхъ птицъ. Бусели, обступивъ вокругъ отца, у котораго отъ старости вылиняли перья, согрѣваютъ его своими крыльями, и обильно доставляя ему пищу, даже въ летаніи оказываютъ сильную помощь, слегка поддерживая съ обѣихъ сторонъ своими крыльями. И это такъ извѣстно всякому, что нѣкоторые вмѣсто: воздать за благодѣянія, говорятъ отбуселить“.²⁾ Къ сожалѣнію, не у всѣхъ сохраняется естественное чувство нѣжности къ престарѣлымъ родителямъ, способное замѣнить всякія побужденія къ попеченію о нихъ. Въ жизни нерѣдки примѣры бѣдственной участи такихъ родителей въ домахъ неблагодарныхъ дѣтей. Особенно часты эти печальные примѣры въ тѣхъ случаяхъ, когда старики, предоставивъ своимъ дѣтямъ все свое достояніе, пользуются отъ этихъ послѣднихъ такимъ содержаніемъ и вообще обращеніемъ, какъ будто бы они были лишь простыми нахлѣбниками, составляющими для нихъ лишнее бремя. Легче отцу содержать шестерыхъ дѣтей, чѣмъ шестерымъ дѣтямъ содержать одного отца. Въ предупрежденіе довольно обыкновенной въ подобныхъ случа-

1) Начертаніе христ. правоученія“. М. 1891 г., стр. 486.

2) Творенія. Изд. 3. М. 1891 г., стр. 122.

яхъ дѣтской неблагодарности, древній моралистъ даетъ престарѣлымъ родителямъ такой, безспорно благоразумный, совѣтъ: „доколѣ ты живъ и дыханіе въ тебѣ, не замѣняй себя (въ завѣдываніи „имѣніемъ твоимъ“) никѣмъ. Ибо лучше, чтобы дѣти просили тебя, нежели тебѣ смотрѣть въ руки сыновей твоихъ“ (Сир. 33, 20—22).

Впрочемъ, встрѣчаются въ жизни и такіе родители, которые простираютъ свой авторитетъ въ семьѣ новыхъ домохозяевъ дальше, чѣмъ слѣдуетъ. (Ревность матерей къ женатымъ сыновьямъ; критиканство свекровей въ отношеніи къ невѣсткамъ). Здѣсь также надобно держаться извѣстныхъ границъ. Пусть старшее поколѣніе не препятствуетъ младшему управлять своимъ домомъ, помня слова Іоанна Крестителя: „Ему должно расти, а мнѣ умяляться“ (Іоан. 3, 30; Рув. 1, 13); такъ какъ отъ этого зависитъ правильный строй домашней жизни. Но ревность дѣтей по своимъ правамъ въ домѣ, въ свою очередь, никогда не должна простирается до такого неестественнаго и противонравственнаго образа поведенія, которымъ родители поставлялись бы въ положеніе подчиненныхъ имъ членовъ семейства.

Благодарность дѣтей къ родителямъ не ограничивается одною земною жизнію послѣднихъ, но простирается и за предѣлы ея, выражаясь во всегдашнихъ молитвахъ за нихъ, въ точномъ исполненіи ихъ предсмертныхъ завѣщаній (Іерем. 35, 14, 18—19; Тов. 4, 3—21; 5, 1) и въ благоговѣйномъ почитаніи блаженной памяти ихъ. Благоговѣя предъ памятью своихъ родителей, благодарныя дѣти не дерзнутъ на весьма опасное: „передвиженіе давней, отцами проведенной межи“ (Притч. 22, 28), и не допустятъ себя до пагубнаго самопревозношенія, которымъ заклеимиль себя и расточилъ доставшееся ему отцовское достояніе, дерзкій и неблагодарный наследникъ: „мой мизинецъ толще чреслъ отца моего“—говорилъ онъ (3 Цар. 12, 10). Другими словами, дѣти, благоговѣйно почитающія память своихъ родителей, не станутъ „ни во что вмѣнять отеческія преданія“, какъ объ этомъ съ неподражаемою силою молитвеннаго вдохновенія сказано въ рождественскомъ (отмѣненномъ) молебномъ пѣніи¹⁾.

¹⁾ См. протопресв. *Е. П. Авилонскій*. „Чти отца твоего и мать твою“... „Христ. Чит.“ 1911 г., мартъ, стр. 296.

По горделивому духу нашего времени дѣти нынѣ нерѣдко оказываются непочтительными, неблагодарными и непослушными по отношенію къ своимъ родителямъ. Иногда своеволие и противленіе ихъ родителямъ оправдывается мнимо учеными разсужденіями о свободѣ, равенствѣ и правахъ человѣческой личности на возстаніе противъ родительской власти, „единственной установленной Богомъ въ законѣ десяти заповѣдей“¹⁾. Но пятая заповѣдь Закона Божія однимъ словомъ ниспровергаетъ всѣ подобныя ложныя догматы. Предоставляя дѣтямъ самимъ поразмыслить о *causa efficiens* почитанія родителей, она ясно говоритъ и объ его *causa finalis*: для чего дѣти должны чтить ихъ. Другими словами, къ своему *повелѣнію* („чти“) она присоединяетъ и *воздаяніе* („да благо ти будетъ и да долготѣтенъ будеши на земли“). Это воздаяніе или *обѣтованіе* награды исполнителямъ пятой заповѣди, какъ очевидно, состоитъ изъ двухъ частей, совокупностию своею образующихъ одно нераздѣльное цѣлое и соединенныхъ между собою не внѣшнею, а внутреннею органическою связью: изъ „да благо ти будетъ“ естественно слѣдуетъ „да долготѣтенъ будеши на земли“, какъ и наоборотъ, послѣднимъ предполагается первое.

Если пристально всмотрѣться въ семейную жизнь, то обѣщанное дѣтямъ за исполненіе пятой заповѣди *благо*, съ которымъ поставлено въ тѣсную связь ихъ *долготѣіе на земли* выступаетъ въ ней со всею ясностію. Въ самомъ дѣлѣ, правильно развитыя душевныя способности дѣтей, при чрезвычайно — благодѣтельномъ воспитательномъ вліяніи на нихъ родителей, какъ—то: твердая воля, чистая совѣсть и проч.,—вотъ тѣ неощѣнимыя *моральныя блага*, которыя служатъ наилучшимъ украшеніемъ и счастіемъ человѣческой души не только во время пребыванія ихъ подъ родительскимъ кровомъ, но и „во всю долготу дней“ ихъ общественнаго служенія. Этихъ—то, именно, благъ и не достаетъ современному поколѣнію, а безъ нихъ, никакія экономическія уравниенія, никакая самая модная *соціологія*²⁾ не въ

¹⁾ *Ле-Пле*. „Основная конституція человѣческаго рода“. М. 1897 г., стр. XVII.

²⁾ Не напрасно *г. Л. Толстой* беспощадно высмѣялъ эту модную въ наше время науку, которая „состоитъ“,—по его словамъ,— „въ изученіи того, какъ различно дурно жили прежніе люди“ (*Л. Н. Толстой*, „Возстановленіе ада“. Берлинъ, 1903 г., стр. 39), отъ чего, разумѣется, нисколько не легче живетъ теперешнимъ.

силахъ избавить отъ порабощенія бѣдныхъ богатыми и слабыхъ сильными, или—что тоже—отъ *соціального рабства*. Корень общественнаго зла лежитъ не въ экономическомъ неравенствѣ состояній, а гораздо глубже. „Намъ надобно узнать, откуда произошло рабство“,—говорить св. *І. Златоустъ*.—„Спустия немного времени (послѣ потопа) взошелъ проклятый сынъ его (Ноя) и увидѣлъ наготу отца. Слѣдовало бы прикрыть ее, накрыть платьемъ, ради старости, ради горя, ради несчастія, ради того, что это—отецъ его (Хама); а онъ вышедши разгласилъ и сдѣлалъ изъ того печальное зрѣлище. Но прочіе его братья, взявъ одежду, вошли, смотря назадъ, чтобы не видѣть того, о чемъ тотъ разглашалъ, и прикрыли отца. Отецъ вставши узналъ все, и началъ говорить: *проклятъ Ханаанъ отрокъ: рабъ будетъ братіямъ своимъ* (Быт. 9, 25). „Смыслъ словъ его“,—продолжаетъ св. отецъ,—„такой: ты будешь рабомъ, потому что обнаружилъ срамоту отца своего. Видишь-ли, что рабство—отъ грѣха, что отъ нечестія произошло рабство?“. 1) Если же рабство отъ грѣха или нечестія, отъ небреженія пятою заповѣдью десятословія, предусматривающею горькія послѣдствія сыновней непочтительности, то вся надежда въ дѣлѣ освобожденія отъ общественнаго порабощенія возлагается на одно *нравственное семейное воспитаніе*, краеугольнымъ камнемъ котораго служить разсматриваемая заповѣдь 2). Таково *соціальное значеніе* пятой заповѣди.

„Дѣломъ и словомъ почитай отца твоего и мать“,—говоритъ библейскій истолкователь этой заповѣди Іисусъ, сынъ Сираховъ,—„чтобы пришло на тебя *благословеніе* отъ нихъ: ибо *благословеніе отца* утверждаетъ дома дѣтей, а клятва матери разрушаетъ до основанія“ (Сир. 3, 8—9).

Что такое благословеніе вообще, „и въ частности *родительское*?

Благословеніе въ общемъ смыслѣ есть благожеланіе *отъ имени Божія* и, какъ таковое, не должно быть смѣшиваемо съ нашими *обычными* благожеланіями, хотя и эти послѣднія, сопровождаемая молитвеннымъ расположеніемъ духа, могутъ быть средствами призванія на ближнихъ на-

1) Творенія. Спб. 1895 г., т. I, кн. 2, стр. 851.

2) Ср. А. С. Хомякова. Полное собр. сочиненій. Изд. 3. М. 1900 г., т. VIII, 393—394.

шихъ милости Божіей. Но простыя благожеланія мы можемъ выражать людямъ и равнымъ намъ, и высшѣмъ, и низшимъ насъ; „благословляется же“,—по ученію ап. Павла,—„безъ всякаго прекословія меньшій большимъ“ (Евр. 7, 7). И это старшинство, дающее право благословенія можетъ быть предоставлено только отъ Бога. Таково благословеніе священническое (Числ. 6, 23, 27; Мѡ. 28, 19); таково же *благословеніе дѣтей родителями*. „Господь возвысилъ отца надъ дѣтьми“,—говоритъ Сирахъ,—„и утвердилъ судъ матери надъ сыновьями“ (Сир. 3, 2). Родители нѣкоторымъ образомъ довершаютъ надъ дѣтьми дѣло созданія Божія, производя ихъ на свѣтъ по творческому благословенію и божественному дару чадородія (Быт. 1, 28). По чувству любви къ дѣтямъ, вложенному Творцомъ въ сердца родителей, послѣдніе являются причастниками любви Божіей къ роду человѣческому и отсюда получаютъ право самаго благословенія. Изъ этого же открывается истинное значеніе и сила родительскаго благословенія: подлинно, „благословеніе отчее утверждаетъ дома чадъ“ (Сир. 3, 9). „Въ семь родѣ“,—говоритъ отечественный богословъ,—„удивительны благословенія патріарховъ. Напр., благословеніе Сима Іафету: „*Да распространитъ Богъ Іафета* (Быт. 9, 27), теперь послѣ нѣсколькихъ тысячъ лѣтъ какъ сильно еще дѣйствуетъ въ потомкахъ Іафета, европейцахъ, которые не перестаютъ распространять во всѣ страны свѣта свои поселенія, торговлю, власть, религію, нравы“¹⁾.

Но если патріархальное благословеніе имѣло такую большую силу, то тѣмъ высшую силу и плодотворность получаетъ благословеніе христіанскихъ родителей, преподаваемое дѣтямъ ихъ. Въ доказательство этого высокопреосвящ. Амвросій приводитъ, между прочимъ, слѣдующія соображенія: „патріархи“,—говоритъ онъ,—„получали дарованія отъ Бога въ мѣру ихъ служенія сохраненію вѣры въ Бога истиннаго и устроенію народа израильскаго, какъ хранителя обѣтованнаго Сѣмени, имѣющаго даровать благословеніе всѣмъ племенамъ земнымъ; нынѣ мы состоимъ въ живомъ общеніи съ пришедшимъ Искупителемъ, самымъ источникомъ всѣхъ духовныхъ дарованій и чудодѣйственныхъ силъ, которыя Онъ сообщаетъ намъ безъ ограниченія по мѣрѣ

¹⁾ Филарета, митр. Москов. „Слова и рѣчи“, т. III. М. 1877 г., стр. 234—235.

нашей вѣры (Іоан. 3, 36). Патріархи благословляли дѣтей именемъ Божиимъ, прикровенно указуя въ произносимыхъ ими именованіяхъ Божіихъ имя Пресвятыя Троицы, сами непосвященные въ эту великую тайну вѣры (Быт. 48, 15); мы же ежечасно и открыто исповѣдуемъ Тріединого Бога и именемъ Его благословляемъ, имѣя обѣтованіе отъ Сына Божія: *его же аще просите отъ Отца во имя Мое, дастъ вамъ* (Іоан. 15, 16)¹⁾. Потому-то ап. Павель, желая изобразить благодѣянія Христовы роду человѣческому, сказалъ, что Богъ Отець „благословилъ насъ во Христѣ всякимъ духовнымъ благословеніемъ въ небесахъ“ (Ефес. 1, 3). Потому же и духовные пастыри, преподавая благословеніе по чину благодатнаго тайноводства, обыкновенно употребляютъ имя Іисуса Христа въ особенности, или въ составѣ имени Пресвятыя Троицы, и крестное знаменіе Христово.

Трогательны обычаи благословенія дѣтей, переданные намъ благочестивыми предками нашими. До церковнаго вѣнчанія женихъ и невѣста, окруженные родственниками и друзьями, смиренно кладутъ земные поклоны предъ иконами Спасителя и Богоматери, лобызаятъ ихъ, и подъ освѣщеніе ими преклоняютъ свои головы для принятія родительскаго благословенія (Ср. Быт. 24, 60). Другой умиленный обрядъ: отецъ семейства на смертномъ одрѣ, смотрящій на все земное только *sub specie aeternitatis* и теперь особенно высоко, „паче тьсящъ злата и сребра“ (Пс. 118, 72), оцѣнивающій духовныя блага, останавливаетъ свой потухающій взоръ на окружающихъ его дѣтяхъ, желая преподать имъ своимъ замирающимъ голосомъ послѣднее наставленіе и благословеніе—кому болѣе, кому менѣе благоприятное, въ зависимости отъ личныя свойства каждаго (Ср. 3 Цар. 11, 2—3; 1 Паралип. 18, 9). Родитель на смертномъ одрѣ становится „пророкомъ“ въ домъ своемъ“ (Мѡ. 13, 57);—не въ смыслѣ какого-то безпочвеннаго *прозорливца* будущихъ судебъ своихъ дѣтей, но какъ родной отецъ, которому, преимущественно предъ всѣми другими, вѣдомы сердца и жизнь ихъ. Уже если когда, то, конечно, предъ смертію предпочтительнѣе всего говорить только одну правду, какою бы горькою ни была она. Вотъ почему патріархъ Іаковъ, лишилъ не

¹⁾ См. его „О родительскомъ благословеніи“. Полн. собр. проповѣдей, т. III, Харьковъ, 1902 г., стр. 528.

безъ огорченія, конечно, Рувима, „первенца“ своего, права первородства за то, что онъ „взошелъ на ложе отца своего“. Подобнымъ же образомъ лишены части первородства и двое другихъ старшихъ сыновей патриарха: Симеонъ и Левій, вмѣсто которыхъ оно перешло къ четвертому сыну—Иудѣ (Быт. 49, 1—11), родоначальнику царя Давида, а чрезъ него и Самого Христа (Лук. 3, 31—32; Рим. 1, 3). Такимъ образомъ, Самъ Господь Своимъ плотскимъ преемственнымъ происхожденіемъ отъ патриарха Иуды оправдалъ непреложность обѣтованія: „благословеніе отчее утверждаетъ дома чадъ“, неразрывно соединивъ его съ св. долгомъ почитанія родителей¹⁾.

Домъ есть мѣсто разнообразныхъ отношеній, слагающихся изъ взаимныхъ обязанностей семейныхъ. Къ отношенію господства и подчиненія между родителями и дѣтьми непосредственно примыкаетъ и другое взаимное отношеніе равенства между *братьями и сестрами*, „зачавшимися въ одной утробѣ, однимъ молокомъ питавшимися, возросшими подъ однимъ кровомъ, однимъ попеченіемъ и любовію“²⁾. Братья и сестры, какъ отпрыски одного дерева, близки другъ къ другу уже по самой природѣ, и въ виду такой естественной близости, всѣ ихъ взаимоотношенія должны быть проникнуты искреннею *братнею, сестринскою любовію*. Это главная ихъ обязанность. Изъ нея сами собою проистекаютъ *миръ и согласіе* среди дѣтей, имѣющихъ общихъ имъ родителей. Взаимное согласіе между ними обусловливается однимъ уже ихъ рожденіемъ и наслѣдованіемъ отъ родителей болѣе или менѣе одинаковыхъ природныхъ свойствъ и физическихъ расположеній. А такъ какъ человекъ состоитъ, не изъ одного только тѣла, но, главнѣе того, еще изъ души, то это естественное взаиморасположеніе дѣтей возводится на высшую степень *нравственнаго единенія*: братья и сестры образуютъ между собою не только „одно тѣло, но и одинъ духъ“ (Ефес. 4, 4). Это духовное сообщество или единеніе между ними имѣетъ одинъ неизсякаемый источникъ—обязательное исполненіе пятой заповѣди: *почтительныя дѣти*.

¹⁾ Протопресв. Е. П. Аквилонова, цитир. ст. „Христ. Чт.“ 1911 г., апрѣль, стр. 407—408.

²⁾ Еп. Теофана. „Начертаніе христ. нравоученія“. М. 1891 года, стр. 487.

обыкновенно оказываются также и любвеобильными братьями и сестрами, какъ и наоборотъ, взаимное несогласіе между дѣтьми является естественнымъ слѣдствіемъ ихъ непочтительности къ родителямъ.

Миролюбивая жизнь родныхъ сестеръ и братьевъ составляетъ необходимое условіе домашняго благополучія. Въ самомъ дѣлѣ, сколько трогательнаго вниманія взаимныхъ услугъ и помощи, нѣжной ласки и самоотверженной преданности произрастаетъ въ такомъ семейномъ раю? И радость, и горе—все о щее. Здѣсь нѣтъ мѣста ни зависти, ни корысти, въ вопросѣ о наслѣдствѣ, ни дурному слову, ни лукавой мысли. При взглядѣ на такое братолюбіе въ домашней жизни, невольно приходитъ на память идеальнѣйшій строй жизни въ первой іерусалимской христіанской общинѣ, гдѣ „у множества вѣрующихъ было одно сердце и одна душа“ (Дѣян. 4, 32). Напротивъ того „самое великое несчастіе“,—пишетъ преосвящ. *Оеофанъ*,—„когда братья и сестры не въ ладу. Начинаютъ особиться, всякій тянетъ себѣ, отъ того прекращается порядокъ, взаимносоудѣйствіе и успѣхъ. Сила ума ослабѣваетъ и наконецъ совсѣмъ рушится“¹⁾. Нарушающія миръ домашней жизни, враждебныя отношенія дѣтей другъ къ другу, сопровождаются такими же, если только не худшими, послѣдствіями и для жизни общественной; и здѣсь, какъ и тамъ, они всѣмъ недовольны, ко всему придирчивы, ни къ кому не дружелюбны. Наоборотъ, кто соудѣйствовалъ мирному согласію въ кругу семейномъ, тотъ не станетъ нарушать его и въ обществѣ. Не даромъ и св. Псалмопѣвецъ восклицаетъ: „се, что добро, или что красно, но еже жити брати вкупѣ“ (Пс. 132, 1).

Такъ какъ есть братья или сестры старшіе и младшіе, то отношеніе первыхъ къ послѣднимъ является аналогичнымъ съ отношеніемъ родителей къ дѣтямъ, а отношеніе младшихъ къ старшимъ аналогично съ отношеніемъ дѣтей къ родителямъ. Здѣсь открываются и взаимныя ихъ права и обязанности. Старшіе братья и сестры должны беречь младшихъ и помогать родителямъ въ воспитаніи ихъ; младшихъ же долгъ уважать старшихъ и слушаться ихъ, а особенно послѣ смерти родителей, когда старшіе должны исполнѣ заступить для младшихъ мѣсто родителей.

¹⁾ Тамъ же.

Правда, съ теченіемъ времени эти родственные круги раздробляются и изъ нихъ образуются новыя сочетанія, которыя вполнѣ поглощаются своею собственною жизнію. Но и вполслѣдствіи, если жизнь въ родномъ домѣ была здоровою и радостною, воспоминанія дѣтства связываютъ братьевъ и сестеръ между собою неизгладимыми чувствами любви и признательности.

Родители, кромѣ своихъ дѣтей, связанныхъ между собою узами братней и сестринской любви, даютъ бытіе и другимъ, болѣе отдаленнымъ роднымъ или *родственникамъ*. И эти родственники, составляющіе вѣтви одного корня, находятся въ ближайшей кровной связи другъ къ другу, нежели къ стороннимъ, и слѣдовательно между ними *родственная любовь* также естественна и вмѣстѣ обязательна, только она принимаетъ здѣсь разные виды и оттѣнки, смотря по чину родства. „Такъ“,—по словамъ преосвящ. *Феофана*,—„между праотцами и внуками должны быть—у тѣхъ желательное радѣніе, а у сихъ уваженіе, близкое къ благоговѣнію, благодарность и желаніе доставлять всякое утѣшеніе; между дядями и племянниками—отъ тѣхъ совѣтъ и примѣръ, а отъ сихъ уваженіе и вниманіе“¹⁾. Вмѣстѣ съ тѣмъ взаимная любовь между родственниками должна проявляться такъ, что чѣмъ кто ближе соединенъ съ нами узами крови, тѣмъ мы болѣе обязаны заботиться о его благѣ. Божественная вѣра христіанская, внушая намъ не оскорблять и не оставлять безъ призрѣнія и попеченія даже и чужихъ сиротъ и вдовъ (Лук. 1, 27. Ср. Исх. 22, 22—24), тѣмъ болѣе внушаетъ имѣть попеченіе и отеческую заботливость о родственникахъ, остающихся безъ помощи и призрѣнія. И въ разсужденіи объ обязанностяхъ къ осиротѣвшимъ и бѣднымъ родственникамъ, принятымъ въ свой домъ, надобно имѣть въ виду слова ап. Павла: „если кто о своихъ и особенно о домашнихъ не печется, тотъ отрекся отъ вѣры и хуже невѣрнаго“ (1 Тим. 5, 8). Бѣдные сироты, съ своей стороны, должны питать къ своимъ благодѣтелямъ тѣ же добрыя расположенія и чувства, какія они обязаны имѣть въ отношеніи къ своимъ роднымъ. Уже одна мысль, что они приняты въ родственныи домъ изъ состраданія къ ихъ безпомощности, и базъ этого могли бы подвергнуться всѣмъ

¹⁾ Тамъ же.

опасностямъ сиротства и нищеты, должна внушать имъ подобныя чувства и расположенія въ отношеніи къ главѣ и прочимъ членамъ дома.

Мало такихъ домовъ, которые бы не нуждались въ сторонней помощи. Принимаются въ домъ на извѣстныхъ условіяхъ чужіе люди для дѣятельнаго трудового участія въ дѣлахъ дома. Образуется такимъ образомъ новая связь—служащихъ и пользующихся услугами. Присутствіемъ въ домѣ, такъ называемой, *прислуги* расширяется и кругъ семейныхъ обязанностей: получаютъ новыя обязанности—*господь и слугъ*.

Уже на первыхъ страницахъ Библии мы встрѣчаемъ господь и слугъ. Патриархъ Ной, узнавъ о непочтительности къ нему сына его Хама, пророчески предсказалъ, что потомки Хама будутъ служить потомкамъ братьевъ его Сима и Іафета, какъ господамъ своимъ. Но до—христіанская древность почти не знала слугъ въ собственномъ смыслѣ, т. е. слугъ лично свободныхъ, служащихъ по добровольному найму,—такіе слуги были большою рѣдкостію. Обыкновенно же слугами были *рабы*, т. е. люди не имѣющіе свободы располагать собою, своею жизнію, силами и трудомъ,—люди, вполне и всецѣло подчиненные своему господину, воля котораго единственный для нихъ законъ. И въ Библии мы гораздо чаще встрѣчаемъ рабовъ, чѣмъ слугъ (Быт. 12, 5, 16; 14, 14 и дал. 26, 13—19, 29, 43). О рабахъ и рабыняхъ говорится въ 10-й заповѣди самаго Десятословія. Такъ рабство было обычнымъ явленіемъ не только у языческихъ народовъ древняго міра, но и у Богоизбраннаго народа еврейскаго.

Обращаясь къ размышленію о самомъ началѣ и происхожденіи рабства, въ Библии же мы находимъ отвѣтъ, что источникъ его, какъ и источникъ всякаго зла,—ни въ естественномъ неравенствѣ, ни въ войнѣ, ни въ договорѣ, какъ полагали нѣкоторые, но—*въ грѣхѣ*, породившемъ всевозможныя бѣдствія. *Св. Іоаннъ Златоустъ*, рассуждая о рабствѣ Хама, говоритъ: „Въ древности не было раба; Богъ, создавая человека, сотворилъ его не рабомъ, но свободнымъ. Откуда же произошло рабство? Спусти немного времени (послѣ потопа) взорнелъ проклятый сынъ его и увидѣлъ наготу отца. Слѣдовало бы прикрыть ее, накрыть платьемъ,

ВЪ РЕДАКЦІИ ПРОДАЕТСЯ:

СОБРАНІЕ СЛОВЪ и РЪЧЕЙ Высокопреосвященнаго Арсенія, Архієпископа Харьковского и Ахтырскаго, говоренныхъ въ разныхъ мѣстахъ его служенія. ЦѢНА за 8 книгъ **8 рублей** съ пересылкой. Весь чистый доходъ поступаетъ согласно волѣ Его Высокопреосвященства, Архієпископа Арсенія, въ пользу Общества вспомошествованія нуждающимся воспитанникамъ Харьковской Духовной Семинаріи.

Редакція предлагаетъ издателямъ присылать ей вновь выходящія книги для отзыва въ библиографическомъ отдѣлѣ журнала.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ Г.Г. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адреса лицъ, доставляющихъ въ Редакцію «Вѣра и Разумъ» свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ Редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено. Редакція проситъ доставлять ей свои статьи переписанными на ремингтоновой машинѣ и, по возможности, четко и на одной сторонѣ полулиста. Рукописи, написанныя неразборчиво, прочитываться не будутъ.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ Редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами. На просмотръ полученныхъ рукописей Редакція назначаетъ срокъ до 3-хъ мѣсяцевъ и **не позже** этого извѣщаетъ авторовъ о судьбѣ ихъ рукописей.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ Редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ **приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы** о томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою. Жалобу на неполученіе какой-либо книжки журнала просимъ заявлять Редакція **не позже**, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки зъ свѣтъ.

О перемѣнѣ адреса Редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать напечатанный въ прежнемъ адресѣ номеръ; за перемѣну адреса уплачивается 30 коп.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію Редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: **въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.**

Контора Редакціи ж. «В. и Р.» открыта ежедневно отъ 10-ти до 3-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ Редакціи.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки за одинъ разъ 30 к., за два раза 40 к., за три раза 50 коп.

Редакторы:

Ректоръ Семинаріи, Протоіерей **Алексій Юшковъ.**
Магистръ богословія **П. М. Красиль.**